

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Джасур ИСХАКОВ

проза

КОРОТКОЕ, КАК ВЗДОХ, ПРОЩАЙ...

Повесть

Невольно в его памяти возникали полузабытые лица, имена, какие-то маленькие и большие события. «Жизнь человека – это бесконечный Космос, который принадлежит только ему. И никому не дано проникнуть в этот сокровенный мир...»

...Была видна только часть лица Нилуфар. Шека, полные губы... Колечки тонких волос за ушами. И Арслан вдруг понял, на кого похожа эта приветливая девушка в форменном костюме авиакомпании.

Те же нежные завитки, тот же овал лица, те же ресницы. И, главное, улыбка, немного ироничная, но добрая, понимающая, а оттого таинственная.

Раиса КРАПАНЕЙ

ПОЭЗИЯ

Озвучу ли восторг и восхищенье?

Бессонница мою лелеет грусть.
Слова шлифую в стихотворном рвении,
Упрямо повторяя наизусть,
Боясь скользнувших ноток самомнения.

Черкаю лист,
А полночь всё быстрей
Выплёскивает звёзды из мгновений,
Чтоб в круге обречённых фонарей
Рассвет упал привычно на колени.

Лейла ШАХНАЗАРОВА

караван истории

УЗНАВ АЗИЙСКИЙ ЛИК...

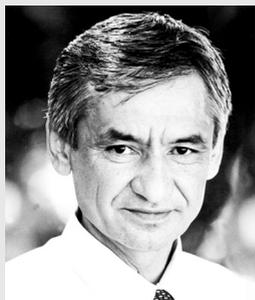
История о том, как молодого, очень яркого ташкентского актера, игравшего в нашем драматическом театре Раскольникова и Гамлета, пригласили в Ленинградский БДТ, о дальнейшей актерской и режиссерской деятельности Владимира Рецептера, в том числе созданных им уникальных моноспектаклях, – все это известно достаточно хорошо. Но когда в свое время мне пришлось участвовать в издании газеты Пушкинского общества при Республиканском русском культурном центре, – открыла для себя еще одну ипостась этого поистине неисчерпаемого человека, человека – культурного явления: Рецептера-пушкиниста.

переводы

Мухаммад ЮСУФ

Поэты – в огне стонущие сердца

Поэты – в огне стонущие сердца,
нищие дети нищих матери-отца.

Средь высоких – выше всех и мудрей,
среди убогих – последнего ниже глупца.

...

То сладость небесная на устах,
то мирской овевает их горький дым.

Пусть от их лачуги до ада – шаг,
до рая – как от брови до брови – им.

проза

Бах АХМЕДОВ

ШОКОЛАД ПЛЫВЕТ

Рассказ

У них была такая игра. Каждый день они придумывали друг другу разные имена. И по правилам одно и то же имя не должно было повторяться чаще, чем раз в месяц. Им казалось, что это поможет сохранить свежесть отношений – как будто они только что познакомились. Конечно, они оба понимали, что это маленький детский самообман, но им нравилось играть в это убежание от своего лица, в этот калейдоскоп масок, имен, придуманных историй, которыми они с таким увлечением закрашивали свое прошлое. Десятки разных сюжетов, драм и комедий.

новые имена

Анастасия ПАВЛЕНКО

Маятники

Им дают другие имена,
изошряясь в тонкостях и смыслах.
В пустоту из пустоты – волна
на плечах свинцовым коромыслом.

И цепляют крючьями страстей,
обещая больше зрелищ, хлеба.
Но хрустит дорога из костей,
и слова с песком уходят в небыль.

СОДЕРЖАНИЕ

Мосты дружбы: Ташкент принимает гостей. Первая международная конференция Союза писателей Узбекистана «Актуальные вопросы изучения узбекской классической и современной литературы и ее международная популяризация». 5

Желаю вам сердечной чистоты...

Интервью Заслуженного деятеля искусств Узбекистана, режиссера и драматурга Эркина Хушвактова писателю, доктору пед. наук Ризо Ахмаду. 114

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Тилак ДЖУРА. Мысли о былом. 79

Иван ТУРГЕНЕВ. Как я был и задумчив, и тих!.. 110

Лев ТОЛСТОЙ. Благо любви. 131

ПРОЗА

Бах АХМЕДОВ. Шоколад плывет. Рассказ. 6

Джасур ИСХАКОВ. Короткое, как вздох, прошай...
Повесть. 14

Александр ИКРАМОВ. Гастарбайтер. Рассказ. 81

Инна ЛЮЛЬКО. Зигзаги судьбы. Рассказы. 94

ПОЭЗИЯ

Раиса КРАПАНЕЙ. Озвучу ли восторг и восхищенье? . 10

Владимир ИСХАКОВ. Все это было, и все это есть... .. 64

Вадим МУРАТХАНОВ. Мозаика. 125

НОВЫЕ ИМЕНА

Анастасия ПАВЛЕНКО. Маятники. 91

Рафаэль РАХМАНГУЛОВ. Свежий взгляд... Рассказ. .106

Вячеслав АХУНОВ. Неподвижность скомканных
мгновений... .. 117

Алексей ЖДАНОВ. Отпуск. Рассказ. 122

ПЕРЕВОДЫ

Мухаммад ЮСУФ. Поэты – в огне стонущие сердца.
Перевод Сухбата Афлатуни. 67

Акбар МИРЗО. Последняя жертва войны. Рассказ.
Перевод Лиры Пиржановой. 70

Улугбек ХАМДАМ. Пара слов. Рассказ. Перевод Николая
Ильина. 100

КАРАВАН ИСТОРИИ

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Узнав азийский лик... .. 128

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Филипп ГАДЖЕЛИ. Собачье сердце, или эскизы будущего
вдохновения. 142

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ИЛЬИН. Берег сердца и души. 134

Камола БАБАДЖАНОВА. Времен связующая нить... .138

Саодат КАМИЛОВА. Переводческая школа в
Узбекистане. 145

Хилола ЮНУСОВА. Интерпретация нравственных
понятий в «Истории одной компании». 149

**На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала сцены из
спектакля театра «Ильхом» «Собачье сердце».**

Звезда Востока

2018 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Подписано в печать 16. 07. 2018 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1000 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Урзабаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

МОСТЫ ДРУЖБЫ: ТАШКЕНТ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

7–8 августа в Ташкенте пройдет первая международная конференция Союза писателей Узбекистана «Актуальные вопросы изучения узбекской классической и современной литературы и ее международная популяризация».

Узбекская литература имеет многовековую историю, издавна занимая особое место в развитии человеческой цивилизации. На протяжении веков она развивалась и совершенствовалась, базируясь на национальных ценностях. Сегодня, синтезировав лучшие достижения и передовые тенденции мировой литературы, она превратилась в уникальное явление, объединившее в себе и вековые национальные традиции, и достоинства современной литературы. Поэтому литературоведы всего мира с большим интересом относятся к классической и современной узбекской литературе. Узбекский язык и литература преподаются во многих зарубежных университетах как специальный предмет. В мировой системе образования в десятках престижных мировых университетов существует специальное образовательное направление «Узбекский язык и литература», ведутся научные исследования на этапах магистратуры и докторантуры.

Задачей данной международной конференции является установление контактов с зарубежными переводчиками узбекской классической и современной литературы, учеными, авторами научных работ по истории и теории классической и современной узбекской литературы. На конференции предполагается собрать и обобщить мнения о нынешнем состоянии и о будущем узбекской литературы, ознакомить зарубежных ученых и переводчиков с достижениями в изучении классической и современной литературы в нашей стране, с новыми произведениями национальной литературы, созданными в период независимости.

В конференции примут участие ученые, переводчики и издатели из 24 стран, среди которых представители нескольких стран СНГ, Японии, Южной Кореи, США, Ирана, Египта, Франции, Германии, Сербии, Нидерландов и др.

Среди почетных гостей конференции – председатели Союзов писателей Азербайджана (Народный писатель Анар), Казахстана (Лауреат государственной премии Улыкбек Есдаулет), Таджикистана (Народный поэт Низом Косим); председатель Ассоциации писателей штата Пенджаб (Индия) Дев Бхардваж; вице-президент Академии наук Кыргызстана Абдулажан Ахматалиев.

На конференции также будут присутствовать издатели Сергей Гетман (Литва), Игорь Шпак (Украина), главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов (Россия), главный редактор журнала «Иностранная литература» Александр Ливергант (Россия).

Некоторые участники решили представить на конференции свои новые работы. Абдуллах Руьин (Афганистан) представит подготовленный к изданию исторический трактат Абулгази «Шажараи турк» («Родословное древо тюрков»), Вика Чембарцева (Молдова) – переводы стихов известного узбекского поэта Шавката Рахмона, Вели Саваш Йелок (Турция) – новые переводы из современной узбекской прозы.

Конференция в ходе своей деятельности разработает конкретные предложения и рекомендации по дальнейшему развитию международного сотрудничества в сфере литературы, в рамках данного форума будут проведены переговоры по взаимовыгодному сотрудничеству между изданиями и Союзами писателей стран содружества.

**Отдел международных литературных связей
и художественного перевода СП Узбекистана**

БАХ АХМЕДОВ

ШОКОЛАД ПЛЫВЕТ

Рассказ

В конце концов, разве не сам он уговорил ее пойти на эту выставку? Она предлагала сделать вылазку за город или просто остаться дома и посмотреть пару хороших фильмов, затарившись предварительно разной вкусной снедью, но Кирилл – а в тот день он был Кириллом – взял ее за руку, улыбнулся и подвел к окну. Небо медленно и обиженно затягивалось тучами, словно говорило им: «Глаза б мои вас не видели, делайте что хотите...»

– Конечно, если тебя соблазняет перспектива брести по мокрой проселочной дороге, утопая в грязи и пытаясь удержать зонтик, который при каждом порыве ветра с громким хлопком демонстрирует собственную инверсию, то пожалуйста, но мне кажется, что это не самый подходящий стиль для сегодняшнего дня... А на выставке все-таки будет что-то оригинальное...

Она повернула голову, посмотрела на него и одновременно куда-то сквозь него, словно за его спиной творилось что-то интересное, а не стоял знакомый до каждой царапины старый буфет. У нее было почти детское лицо, а острый любопытный носик и тонкие губы придавали ему немного насмешливое выражение. Впрочем, Кирилл привык.

– Хорошо, пускай будет выставка. Возможно, ты прав... Только напомни мне, пожалуйста, кто я сегодня.

У них была такая игра. Каждый день они придумывали друг другу разные имена. И по правилам одно и то же имя не должно было повторяться чаще, чем раз в месяц. Им казалось, что это поможет сохранить свежесть отношений – как будто они только что познакомились. Конечно, они оба понимали, что это маленький детский самообман, но им нравилось играть в это убегание от своего лица, в этот калейдоскоп масок, имен, придуманных историй, которыми они с таким увлечением закрашивали свое прошлое. Десятки разных сюжетов, драм и комедий. Он предпочитал припоминать прочитанные книги, а она всегда придумывала что-то свое, часто сказочное, полуфантастическое, грустное и ускользающее, как взгляд единорога, который приснился ей однажды осенней ночью, когда за окном вдруг прекратился дождь, и стало тихо и страшно.

– А разве я не сказал?.. Прости, видимо, забыл. Мне бы очень хотелось, чтобы сегодня ты была Алисой. Не возражаешь?

– Алисой? Как в тот день в апреле, когда мы...

– Прошло целых полгода...

Бах АХМЕДОВ. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Кандидат физико-математических наук. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

– А знаешь, я бы с удовольствием осталась ею навсегда...

– Возможно, когда-нибудь так и случится.

У них была договоренность, что если вдруг они разбегутся, то те имена, которые были у них в последний совместный день, навсегда останутся с ними. «Мы с тобой два сумасшедших придурка», – сказала она ему как-то. «Не обольщайся, – ответил он, – сумасшествие надо еще заслужить». Она лишь нехорошо усмехнулась в ответ на его слова, натягивая бежевый топ на телесный лесс.

В галерее, расположенной в полуподвальном этаже бывшего купеческого особняка в стиле модерн, было прохладно и немного сумрачно. Впрочем, подсветка была устроена весьма умело, и лица немногочисленных посетителей матово отсвечивали бледными пятнами, становясь продолжением картин и инсталляций.

Кирилл всегда немного завидовал умению Алисы полностью перемешаться в другое пространство, забывая про реальность, частью которой он ощущал себя тем острее, чем более удалялась от нее Алиса. Вот и сейчас она погрузилась в созерцание, отстраненно и равнодушно-вежливо кивала головой в ответ на его комментарии, и он видел, что она уже не здесь, а там, в картинах, по ту сторону реальности. Он просто шел рядом, но, если бы он вдруг каким-то фантастическим образом исчез, она бы вряд ли это заметила.

А картины действительно были на грани фола. Художники балансировали между гениальностью и китчем, иногда в пределах одной работы, и это тревожило, раздражало и завораживало. В небольшом зальчике было выставлено несколько инсталляций, одна из которых – металлическое сердце, сделанное из шестеренок часового механизма, – особенно поразила Кирилла. Алиса скептически-равнодушно пожала плечами: «Слишком банальная и нарочитая метафора...» Но он приклеился к этому сердцу, осмотрел его со всех сторон, прикоснулся к нему рукой и надавил на какой-то острый зубчик так сильно, что на пальце выступила капелька крови.

Алиса между тем подошла к объекту под названием «Разговор через стену». И действительно, стоял кусок кирпичной стены, в которой надо было найти вынимающийся кирпичик, а потом в образовавшийся просвет – он с одной стороны, она – с другой, – можно было поговорить, обменяться улыбками, рукопожатием, взглядом. А еще можно было положить в специальную маленькую выемку записку с пожеланием на будущее для следующей пары и жить дальше, радуясь тому, что стена оказалась игрушечной, маленькой и безопасной...

Кирпич они нашли быстро, и почти сразу Алиса вытащила записку – маленький кусочек бумажки, сложенный вчетверо.

– Прочитать? – спросила она.

– Как хочешь, – сказал он, разыгрывая равнодушие.

– Никак не хочу! – засмеялась она и положила записку обратно.

– Постой...

– Не забудь вернуть кирпич на место.

Кирилл присел на банкетку и уныло уставился на фрагмент стены, возле которой уже смешливо и дурашливо развлекалась пара подростков, неизвестно каким ветром занесенных в этот подвал, похожий на убежище от бомб времени. Парень смеялся, совал свой нос (вот уж в самом буквально смысле совал) в прямоугольную дырку и говорил: «Ку-ку», а его спутница пыталась схватить его с другой стороны за этот самый нос.

Алиса между тем ушла в следующий зал. Хотя правильнее его было бы назвать комнатой. Через несколько минут она вернулась, взяла его за руку и деловито произнесла: «Сейчас будет загадка».

– Постой, не входи, видишь вон ту картину слева?

– Вижу.

– Как бы ты ее назвал?

– Какая-то пошлая реклама шоколада...

На картине были изображены плитки известных марок шоколада, которые плыли по реке, соблюдая положенную им дистанцию.

– Да, ты прав, но все же...

– Алиса, пошли домой, а? Моя флэшка заполнена до отказа.

– А ты отформатируй ее.

– Не могу: там твои фотки... И еще много чего твоего.

– Значит, сдаешься? Ну хорошо, подойди и прочитай название.

Кирилл нехотя подошел к табличке, висевшей справа от картины. «Шоколад плывет», – прочитал он. И вдруг застыл. Замер. Превратился в скульптурное дополнение к картине.

– Что с тобой? Ты в порядке?

– Шоколад плывет, – произнес он, отступая назад.

– Весьма глупое название, мне кажется...

– Шоколад плывет... Но как это возможно?

– Что именно? Кирилл?

Но он не слышал ее, не замечал ее руки, промелькнувшей перед глазами («Ау, очнись!»), не замечал ничего. Его била мелкая дрожь, и во рту стало сухо и противно, как бывает утром после бурных ночных возлияний.

Тот день, восемь, нет – девять лет назад, был так похож на этот... И так непохож. Они шли с Верой вдоль пологого берега, оторвавшись от основной группы студентов, и навстречу им проплыл какой-то мусор: шепки, стаканчики из-под мороженого, деревянные палочки, бумажная обертка от шоколада «Аленка». И Вера вдруг воскликнула: «Смотри, шоколад плывет!» А он возразил, что это всего лишь обертка. Но она шутливо ушипнула его за нос и сказала, что он зануда. После чего последовало наказание в форме поцелуя.

И вдруг она спохватилась, встрепелулась, полезла в рюкзак. «Какая же я дура, совсем мозгов нет!.. Ведь у меня там початая шоколадка...»

Представить остальное было нетрудно: Вера вынимала свои вещи, и каждая из них была отмечена шоколадной печатью. Последовали несколько нехороших слов и смех, и еще несколько слов, когда на свет вышла любимая книжка со страницами, склеенными шоколадом. «Вот теперь действительно шоколад плывет», – сказал Кирилл, который тогда еще не был Кириллом.

Они безнадежно отстали от своих и решили задержаться, чтобы очистить вещи от растаявшего шоколада или еще чем-нибудь заняться... Например, ожиданием еще одной плывущей обертки. Но шоколад больше не проплыл. Вместо него проплыли апельсиновые корки и тетрадный листок с тригонометрическими уравнениями. Коряга и большой кусок белого пенопласта. И еще бог знает что... «Когда целуешься, трудно фиксировать внимание на реке», – записал вечером Кирилл в своем дневнике.

Через месяц на пустом месте выросла, как ядерный гриб, какая-то нелепая ссора. И в них поселилась радиация отчуждения, и что-то вдруг кончилось. Непонятно как и непонятно зачем... «Житейская история», – утешал он тогда себя и понимал, что безнадежно врет себе и еще более безнадежно понимает, что это ложь.

Но почему так врезались в память именно эти два слова? Почему именно шоколад?

Кирилл стоял перед картиной, пытался это понять и не понимал. А шоколад все плыл и плыл мимо, хотя никакого шоколада не было... Пустые обертки, пустые оболочки, пустые сны и надежды. Хотя можно и без «и». Да-да, я бы назвал эту картину именно так: «Сны надежды», – сказал Кирилл, не замечая,

что рядом никого нет. Он очнулся, посмотрел на часы и ужаснулся: он гулял в прошлом почти полчаса. Безбожное пренебрежение настоящим!

Кирилл ринулся обратно, в большой зал. Алисы не было. И в двух боковых зальчиках – тоже. И у выхода из галереи ее не было. Он простоял там 15 минут – ну мало ли, отошла кое-куда. Но она не появилась. Он набрал ее номер. Телефон был вне зоны. «Что за бред! – сердито подумал он, выходя на полупустую вечернюю улицу. – Впрочем, этот розыгрыш, по сути дела, вполне в ее стиле...» Он был почти уверен, что она уже дома, готовит ужин как ни в чем не бывало. Он войдет, а она спросит, где он так долго гулял. Словно она никуда не выходила из дома. А он скажет, что встретил одну интересную девушку, которая терпеть не может шоколад. «Неужели такие бывают?» – спросит она.

Кирилл не торопился домой. Зашел в супермаркет, потом долго сидел в баре, курил и пил пиво, разглядывая стены и людей. Он был обижен и решил наказать Алису. «Детские игры... Почему мы еще такие дети?» – думал он.

В 10 часов он вошел в квартиру со словами: «Ты всегда умеешь быть неожиданной...»

В квартире было подозрительно тихо.

– Алиса? – позвал он.

Тишина стала еще плотнее.

– А, понял, – сказал он радостно, – ты уже не Алиса. Поэтому молчишь. Тогда кто? Светлана? Диана? Ольга?

Но и эти дамы не откликнулись. Продолжая перечислять все имена, которые когда-то были у нее, он ходил по комнатам, открывал шкаф и понимал, что сходит с ума. Алисы не было. И Лизы, и Эммы, и Ани... Даже Риты не было! А ведь она была единственной, чье имя совпадало с именем в ее паспорте.

Кирилл вышел на кухню и включил электрический чайник. В этот момент прозвучал его мобильник. «Ну наконец-то позвонила», – вздохнул он с облегчением. Но это была не она. Искали какую-то Лену. Ошиблись номером. Лена в последний раз была в этой квартире два месяца назад. И то всего несколько часов.

Кирилл сел на табуретку, прислонился затылком к холодному белому кафелю и вздохнул. В черное окно постучала голой веткой старая яблоня. Словно просилась на чай.

Через полтора года поисков он все-таки нашел ее в социальной сети «ВКонтакте». Теперь она была Марианной. Не узнать ее было невозможно.

«Я так и не понял, куда и почему ты исчезла после той выставки...» – написал он, не здороваясь.

Через полчаса пришел ответ: «Прости, я увидела на одной картине кроличью нору, и мне ужасно захотелось посмотреть, что там внутри...»

«Значит, если бы ты в тот день была не Алисой, а кем-то другим, ты бы не сбежала?» – спросил он, ужасаясь тому, что больше ничего не чувствует к ней.

«Теперь это уже не имеет значения...»

«А шоколад имеет?..»

«Я сплавлю тебе по реке времени ящик шоколада. Ты и забыл, что когда-то сам рассказывал мне историю про шоколад?»

«Забыл... Может, лучше приплывешь сама?»

«Прости, я до сих пор так и не научилась плавать... Особенно в сторону прошлого».

Кирилл закрыл окно и усмехнулся. Из комнаты донесся голос Оксаны: «Я забыла, ты сегодня у нас кто? Олег или Саша?»

– Я сегодня у нас сумасшедший шляпник, – ответил Кирилл устало и вылил остатки холодного кофе в раковину.

РАИСА КРАПАНЕЙ

Озвучу ли восторг и восхищенье?

(Навеянное японской поэзией)

* * *

*«Луна или утренний снег...
Любуясь прекрасным, я жил, как хотел.
Вот так и кончаю год».*
(Басё)

Под чарами стареющей луны
Пригрезилось (не явь, не сновиденье):
Из снежного сиянья белизны
Исходит ожиданье вдохновенья.

Услышу ли лиловый шёпот тьмы,
Поймаю звёзд летящих отраженье
И, тайну слов вдохнув у тишины,
Озвучу ли восторг и восхищенье?

Бесцветнее, бестрепетнее грусть –
Дрожащей рани слышу отголоски.
Вливаюсь в день... Знать, снова обожгусь
О выжженные заревом подмостки.

* * *

«Светит такая луна...»
(Басё)

Светит такая луна,
Что бессонница.
На зеркальный затон легла
Да на звонницу.
На небесный возшла амвон,
Словно молится.
И пролился свет на мой дом
За околицей.

Раиса КРАПАНЕЙ. Родилась в 1951 г. в Москве. Окончила медицинское училище им. Боровского. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, ведет блог «Живопись и поэзия». Автор сборника «Чувалачи».

* * *

**«Вот исток, вот начало
Всего поэтического искусства!»**
(Басё)

Бессонница мою лелеет грусть.
Слова шлифую в стихотворном рвении,
Упрямо повторяя наизусть,
Боясь скользящих ноток самомнения.

Черкаю лист,
А полночь всё быстрее
Выплёскивает звёзды из мгновений,
Чтоб в круге обречённых фонарей
Рассвет упал привычно на колени.

* * *

**«Там, куда улетает
Крик предрассветный кукушки,
Что там? Далекий остров».**
(Басё)

Там, в предрассветной тишине,
Под утра тихое моление
Поверил я: душа во мне
Освобождается от лени.

Поверил, что пейзаж простой
Не зря – пустяшных дней причуда.
И, потревожив ум строкой,
Я безнадежно верю в чудо.

* * *

**«В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна».**
(Басё)

Там, где эхо прозвучало,
Блекнет летняя луна.
Ночью облака пригнала,
Проскользнув в объятья сна.

Но и в сон прокралось эхо –
Снова память бередит.
Её ржавые доспехи
Не спасают от обид.

Звонко хлопнул я в ладони –
Из далёких из краёв
Прилетело удивлённо
Эхо тихое ветров.

* * *

**«Льётся дождь –
И в доме моём
У всех
Такие туманные лица...
Хоть бы дождь скорей перестал».**
(Исикава Такубоку)

Льются дожди... В доме моём
Тень от дождей – спит печаль на ресницах.
Как безнадежно привычно живём:
Кто-то ушёл, не успев помириться,
Не долюбив, не сказав, не достроив...
Может, родиться и вовсе не стоит?
Кто там на небе судьбу предсказал?
Хоть бы скорее дождь перестал.

* * *

**«В саду моём
На ярко-белом снег...»**
(Дзюкуэн-хоси)

В саду моём на ярко-белом снег...
Закрыла белизна и мрак, и свет,
И холод одинокого пространства.
В тоскливом, но надёжном постоянстве
Под грустный шёпот читанных страниц
Скрываю боль, смыкая тень ресниц.

* * *

**«Ива склонилась и спит.
И кажется мне, соловей на ветке –
Это её душа».**
(Басё)

Плыло облако лениво
Над бессонною рекой.
Расплела косички ива
Изумрудною волной.

Гасли лучики заката
В тонком кружеве ветвей,
В виртуознейшем легато
Пел влюблённый соловей.

Зазвенели, расплескались
Звуки томно, не спеша...
Ива, ива... Показалось,
Соловей – твоя душа!

Под чарующие трели
Плыли тени над водой.
В бирюзовой колыбели
Иву целовал другой.

* * *

**«Погостила и ушла
Светлая луна.
Остался стол о четырёх углах».**
(Басё)

Приходила беда за бедой,
Не жалея.
Нагадала мне быть одной
Ворожея.
И, кого я люблю, со мной нет –
Всё в былом.
Бережит память лунный свет
За окном.

* * *

**«Красивое:
Лиловое на белом...»**
(Сэй – Сёнагон)

Красивое: лиловое на белом...
Закрыли солнце тени до зари.
В долине снежной ели осмелели,
Застыли словно стражи-фонари.

Но в вечном дня и ночи поединке
Скупой рассвет вползёт в страну пустот –
Лиловые, сиреневые льдинки
Лишённый теней ветер разобьёт.

* * *

**«Островки... Островки...
И на сотни осколков дробится
Море летнего дня...»**
(Басё)

Осколки солнечного дня,
Как островки и острова...
Таит полуденный покой
Желанья сонные... И зной
Раскрыл под небом зонт –
Устало дышит горизонт.
Над засыпающим прудом
Парным дохнуло ветерком.
И ждут свирели камышей
Прохладу музыки ночей.

проза

ДЖАСУР ИСХАКОВ

КОРОТКОЕ, КАК ВЗДОХ, ПРОЩАЙ...

Повесть

*Часов мучительнее нет,
И нет страшнее истязаний,
Когда в груди не гаснет свет
Гонимых прочь воспоминаний...*

Александр Файнберг

Капли дождя медленно стекали по стеклу иллюминатора, причудливо искажая огни аэропорта, светящейся башни диспетчера. Где-то на горизонте полыхнуло зарево затихающей грозы. Двигатели «Боинга» гудели ровно, негромко, словно нехотя.

Пассажир бизнес-класса Арслан Николаевич Ромирес задумчиво смотрел на ночные огни за окном. В соседнем кресле, поджав под себя ноги, сидела девушка с короткой, под ёжик, стрижкой, – восемнадцатилетняя внучка Арслана Николаевича Лика – и что-то быстро печатала на планшете.

В салоне самолёта погасло основное освещение.

Стюардессы торопливо занимали свои кресла у перегородок, лицом к пассажирам. Одна из них, проходя мимо Лики, произнесла с улыбкой, но твердо: – Девушка, пожалуйста, уберите компьютер.

Лика недовольно хмыкнула и спрятала планшет в рюкзачок с притороченным к нему плюшевым медвежонком.

Взревели турбины в форсажном режиме. Огромный самолет словно напрягся, мелко задрожал. В следующее мгновение сорвался с места, и, набирая скорость, помчался по взлетной полосе. Капли дождя, уже горизонтально, быстро скользили по стеклу. Корпус самолета подрагивал на бетонных неровностях и стыках. И когда лайнер достиг нужной скорости, дрожь неожиданно прошла, самолет оторвался от земли, стал набирать высоту.

Крутой подъем был физически осязаем – спина мягко вдавливалась в кожаное кресло с широкими подлокотниками. Заныл, отяжелел старый шрам над правой бровью. Шрам всегда давал о себе знать перед дождем, когда тяжелые тучи не могли разродиться влагой. А когда начинал накрапывать дождь, боль исчезала, словно пряталась куда-то. То же было при взлёте и посадке. Невропатолог объяснял это Арслану Николаевичу перепадами давления. «Это ваш своеобразный “бровометр”, – шутил он. – Не обращайтесь внимания...»

Джасур ИСХАКОВ. Сценарист, драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Член Союза кинематографистов, лауреат Государственной премии Узбекистана, нескольких литературных премий, международных конкурсов, лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон».

Качнуло. Сначала слегка, потом сильнее. Лица тревожно оглянулась на спутника.

– Тучи пробиваем... – успокоил её Арслан Николаевич, подсознательно успокаивая и себя самого.

Тряска прекратилась. «Боинг» пробил слоистые черно-багровые тучи. Открылось чистое ночное небо. Мерцали в вышине звёзды, призрачный свет луны освещал плывущие внизу облака.

Погасло табло «Пристегните привязные ремни». «Боинг» летел так ровно, что казалось – стоит на месте.

Лица, облегченно вздохнув, улыбнулась.

– Летим? – спросил он.

– Ещё как летим! Кайф! – Лица благодарно поцеловала Арслана Николаевича.

– Доброе утро, уважаемые пассажиры! – зазвучал из динамиков мужской голос. – Наш лайнер «Боинг-747» набрал нужную высоту. Скорость – восемьсот пятьдесят километров в час, высота – девять тысяч метров над уровнем моря, температура за бортом – минус пятьдесят градусов по Цельсию. Благодарим за то, что вы выбрали компанию «Узбекские авиалинии». Время прилёта в аэропорт города Ташкента в четыре тридцать по местному времени. Приятного полета! Командир корабля – Мавлон Абдурахманов.

В просторном салоне бизнес-класса было по-особому уютно. Пахло дорогим парфюмом, кофе, освежителем. Серо-бежевая гамма дизайнера салона успокаивала, убаюкивала. Здесь можно было надеть белоснежные одноразовые тапочки, укрыться тёплым пледом, вытянуть ноги или вовсе улечься калачиком в широком кресле.

«Как странно устроена человеческая память, – закрыв глаза, думал Арслан Николаевич. – Что-то полностью забывается, стирается напрочь, а что-то, даже не очень значительное, врежется в память навсегда». А поводом, толчком, может стать музыка, какой-то звук, запах, просто слово. Сейчас спусковым крючком стало слово «Ташкент».

...Эту гроздь сирени Арслан заметил, подходя к воротам коммунального двора на улице Былбаса. Нижние веточки весенних цветов уже дочиста обломали. Только на самой верхушке старого куста сирени белела эта пышная гроздь.

Стелла как-то сразу заснула, тихо посапывала, улыбалась во сне. В полумраке комнатки белели её руки, шея, обнаженные плечи. Волосы расплескались по подушке. Арслан осторожно убрал её руку со своей, вылез из-под одеяла. Она что-то прошептала и перевернулась на другой бок.

Арслан вышел на веранду. Моросил теплый весенний дождик. Арслан оглянулся по сторонам, посмотрел вниз. Во дворе никого не было, все спали. Он влез на хлипкие перила, схватился за крюк водосточной трубы, подтянулся и оказался на крыше мансарды. Гроздь сирени белела чуть ниже водосточного раструба. Арслан попытался достать ее. Безуспешно. Тогда он сломал ближайшую к нему ветку, очистил от мелких отростков, сделал нечто похожее на крючок, подхватил с третьего раза ветку с гроздью и с хрустом отломал.

Спустившись вниз, вошел в комнату. Стелла лежала, отвернувшись лицом к стене. Арслан улыбнулся, откинул одеяло и бросил пышную гроздь сирени на обнаженное тело. Стелла испуганно вскрикнула, села в кровати, прижала цветы к лицу, вдыхая полной грудью аромат влажной сирени. Потом оглянулась на Арслана и засмеялась:

– Прелесть какая! Откуда это?

Вместо ответа он нежно поцеловал её.

– Ой, у тебя, кажется, кровь?

Арслан не заметил, как оцарапался об острый угол кровли.

– Бедненький! Сейчас пройдет... – прошептала Стелла, слизнув с его груди капельку крови. – Не больно?

Арслан улыбнулся, покачал головой:

– Нет...

«Это был я? Или кто-то другой, неизвестный мне человек, дерзкий, сильный?..» Арслан сидел, обхватив голову ладонями.

В небе, как всегда, Арслан Николаевич пытался абстрагироваться от окружающей обстановки и представить себя летящим в необозримом пространстве с огромной скоростью.

Это чувство нереальности возникло у него ещё в детстве, во время самого первого полёта.

...Тогда ему было девять лет. Смутно помнил, как они с отцом и матерью торопливо шли к самолету, наклонно стоящему тупым носом вверх.

Зеленое поле заводского аэродрома было сплошь покрыто ярко-желтыми одуванчиками. Помнил, как ветер сорвал с головы папы шляпу и тот побежал за ней вдогонку. Едва он наклонялся за ней – ветер снова подхватывал шляпу, папа снова бросался в погоню... И все вокруг смеялись. Он помнил лесенку, приставленную к проёму двери, пологий пол салона двухмоторного самолёта. Позже он поймет, что, наверное, это был «ЛИ-2», копия американского «Дугласа». Самолеты эти выпускались на авиазаводе, где отец работал электриком. Помнил узкие кресла, девушку, которая раздавала всем бумажные пакеты и мятные леденцы, и, как бы со стороны, увидел себя – маленького мальчика... Вот мальчик закрыл уши ладонями, зажмурил глаза.

Закрутились бешено пропеллеры. Самолет разбежался и взлетел... Маленький Арслан осторожно взглянул в квадратный иллюминатор: земля удалялась. И дома превращались в маленькие домики, а люди казались мурашками... Проплывали внизу странно расчерченные огороды, поблескивали арыки, неслись по шоссе, словно игрушечные, машины. Липкое чувство страха боролось с восторгом полёта. Папа, перекивая гул мотора, что-то кричал соседке по-испански, смеялся и говорил жене возбужденно:

– Хадича, представь себе, это моя одноклассница Берта Химену из Севильи. С ней я учился в интернате для испанских детей под Ленинградом, а в Ташкенте мы попали в разные детдома!

– Да-да, Коля, ты рассказывал... – говорила мама.

– Это моя жена Хадича, а это – сынок Арслан, – не унимался папа.

– Очень приятно... – с акцентом сказала женщина и погладила Арслана по голове.

А отец, волнуясь, добавил, что все они скоро прилетят в Москву, пойдут в испанское торгпредство, а потом навсегда уедут в его родной город – Барселону, в самый красивый город на свете. Женщина называла отца как-то непривычно, по-чужому – «Николмя» – с ударением на последнем слоге. Незнакомый язык, покачивание и подрагивание самолёта, бегущие причудливые облака за квадратным иллюминатором – всё это каким-то образом перемешалось в памяти Арслана Николаевича Ромиреса и стало своеобразным кодом полёта для него на всю жизнь.

Летели долго, с двумя посадками. Первая была где-то в оренбургской степи, вторая – в Куйбышеве. А уже на подлёте к Москве от качки Арслану стало плохо и его стошнило. Пригодился бумажный пакет...

...Позже, в своей «взрослой» жизни, Арслан Николаевич Ромирес много летал. И на рейсовых «Тушках», и на «ИЛлах» и «ЯКах». В командировки, на похороны, на

свадьбы, на море. А два года подряд, где-то в начале восьмидесятых, раз в неделю ему приходилось влезать в чрево «МИ-4» с закопченными клёпками у сопла и лететь в этом чуде техники на вахту. Срок эксплуатации латанной алюминиевой стрелки давно истёк, но руководство закрывало на это глаза, понимая, что новую машину им вряд ли дадут. Этим вертолётom пользовались многие, в том числе и немногочисленная экспедиция министерства горнорудной промышленности, возглавляемая молодым аспирантом Арсланом Ромиресом. Экспедиция была крохотной частью огромной армии, которая готовилась к грандиозной битве. Битва называлась длинно: «Проект переброски части стока сибирских рек в регион Аральского моря». Канал шириной в двести метров должен был прорезать около трех тысяч километров степей, пустынь, горных кряжей, лесов и перелесков, чтобы обводнить огромное пространство на юге большой страны, остановить катастрофическое обмеление «голубого глаза пустыни» – Арала. Уже на подготовительном этапе будущего грандиозного строительства в газетах, с экранов телевизоров, на волнах радиостанций громко, а иногда даже истерично говорили об экологическом апокалипсисе. Маленькому коллективу Арслана Ромиреса, состоявшему из трёх человек, было дано задание изучить шестьдесят километров маршрута будущего канала, который проходил через Тозкайнарскую падь. Её ещё называли «богом проклятым местом», «Когтями чёрта», потому что в этой солончаковой пустоши тут и там торчали базальтовые страшно-черные скалы. Брали сотни проб грунта на поверхности и в глубине «на предмет нахождения каких-либо месторождений полезных ископаемых», как было записано в задании. Работа и в жару, и в собачий холод «резко-континентального климата» для Арслана была не в тягость. В те времена он был ещё относительно молод, а самое главное – на основе этих исследований писал кандидатскую диссертацию. В обшарпанном вагончике при свете «летучей мыши» каждую ночь он записывал результаты дневной работы. В ящиках собирались пластиковые ёмкости цилиндрической формы с пробами грунта. Они были аккуратно упакованы в длинные коробки, и на каждом было написано, где, когда, на какой глубине взята та или иная проба. Тозкайнар хранил в себе много по-настоящему полезных ископаемых, а промышленных объемов не находилось. Однако, основанная на многих пробах и анализах, в итоге получалась добротная диссертация – настоящая научная работа, без дураков. И это вдохновляло Арслана. О кандидатской диссертации молодого сотрудника в стенах института поговаривали, что она могла бы в будущем стать и докторской. Так, собственно, впоследствии и произошло. Но сейчас, много лет спустя, когда доктор наук, профессор Арслан Николаевич Ромирес вспоминал о каторжной работе на Тозкайнаре, шемило сердце, а в душе ошущались опустошенность и горечь. Специально созданное министерство, сотни организаций и различных НИИ, тысячи высококлассных специалистов – инженеров, строителей, мелиораторов, ирригаторов, энергетиков, топографов, картографов, специалистов по аэрофотосъемкам, которые на протяжении многих лет отдавали свою жизнь осуществлению проекта, в одночасье стали вдруг никому не нужными. В один день всё рухнуло. Человек с пятном на голове вместе с пресловутой своей «перестройкой» одним росчерком пера убил проект «переброски». Тогда ещё никто не знал, что это было неким жутким предисловием к более страшной катастрофе в жизни миллионов людей и страны, которая называлась их Родиной. И «переброска» стала дополнением к мрачной шутке того времени: «Перестройка, перестрелка, переключка»... Судьба подкидывала черные метки-предупреждения: бессмысленная война за Аму-Дарьёй, транспортные самолеты с «грузом 200» в аэропорту Тузель, проклятия на разных языках. И, как мощный аккорд в увертюре этой катастрофы, – взрыв четвертого блока на атомной станции. Распад огромного государства жутким образом переключился с

«полураспадом» смерть несущих радиоактивных изотопов в виде красивых закатных облаков. А параллельно, как в больших фантазиях идиота с опухолью в мозгу, шизоидное сражение с алкоголем в перманентно пьяной стране. Как будто кто-то специально писал сценарий агонии государства, «одной шестой части суши планеты Земля». А потом была «Беловежская пуша» и сговор трех полупьяных людей. И лакейский звонок за океан. Рапорт о досрочном крушении страны, когда рвались миллионы, миллиарды нитей людских связей. Обычных, человеческих, энергетических, водных, научных, гуманитарных и многих других. Нитей, подобных мириадам нервных окончаний живого организма, которые создавались невероятным трудом, десятилетиями усилий.

...Самолет снова довольно чувствительно потрянуло.

Арслан оглянулся на внучку. Прикрывшись бордовым клетчатым пледом, пологнув под себя длинные ноги, Лика крепко спала.

– Воды? Чаю? – услышал он, обернулся. Перед ним с подносом в руках стояла стюардесса.

Что-то смутно и неясно колыхнулось в памяти. Ещё при входе в самолет Арслан обратил внимание на эту приветливую девушку.

Приятный голос, грудной, удивительно женственный, искренняя, немного смущенная улыбка... Мягкие, пластичные движения рук, прямая осанка и эти нежные завитки волос за ушами. «Где я это уже видел? Где слышал этот голос?»

– Что вам принести? Чаю, кофе?.. – повторила вопрос девушка.

– Просто воды, если можно, без газа, – Арслан прочитал имя стюардессы на бейджике: – Нилуфар... Какое у вас красивое имя!

– Спасибо... – благодарно улыбнулась стюардесса. – А ваша... внучка будет? Лика открыла глаза.

– А сок можно? – строго спросила она.

– Есть гранатовый, персиковый, яблочный. Что желаете?

– Гранатовый.

Стройная, в ладной униформе, Нилуфар легкой походкой удалилась за занавеску. Лика перехватила взгляд Арслана Николаевича и с детской ревностью заметила:

– Николаич, а ты у нас, оказывается, глазастый... И имя успел прочитать... Всё бабуле расскажу!

Стюардесса вернулась с подносом в руках. В бокалах – сок и вода, в вазочках – миндаль и фисташки.

– О, орешки! Какая прелесть! – Лика сделала глоток сока. – Очень даже сносно. Сервис почти как на «Люфтганзе». Но с восточным акцентом! – хмыкнула она. – А девушки здесь как на подбор! Просто куколки! А, дед?

И она оглядела стюардессу с ног до головы.

Арслан наклонился к Лике и негромко сказал:

– Анжела, я тебя очень прошу, следи за языком...

– Что я такого сказала? – искренне изумилась Лика.

– Во-первых, не называй меня при всех «дедом» и не «тыкай». Это... неприлично... здесь. Веди себя скромнее... Ещё в Домодедово, с самой посадки, ты со всеми разговариваешь как-то свысока. Тебе это не идет. Ты ведь умная девочка. Пойми, здесь не Москва...

...Всё началось неделю назад.

Арслан сидел в кабинете, разглядывал марки под большой квадратной лупой. Это занятие, к которому он пристрастился года три назад, больше всего успокаивало, «выравнивало баланс существования». Кабинет превращался в островок отчуждения,

изоляции от всего окружающего мира – от гундосящего за дверью телевизора с бесконечными сериалами и визгливыми ток-шоу, от шумной улицы за окном, от мелких житейских забот и дразг, да и от собственных мыслей. Эти марки в толстых кляссерах, как и сам кабинет, принадлежали когда-то академику Двигубскому, его тестю. К этой огромной квартире в сталинском доме на Кутузовском Арслан Николаевич привыкал почти десять лет. Всё здесь носило отпечаток бывшего хозяина. Высокие потолки, тяжелые портьеры на окнах. Дубовый паркет. На нем текинский ковёр девятнадцатого века. Многочисленные африканские маски по стенам. Игрушки из Перу и куклы из Камбоджи. Образцы полудрагоценных камней в двух стеклянных витринах. Коллекция тибетских бабочек-махаонов. Две стены книг и фолиантов, доброй половине которых позавидовали бы лучшие московские букинисты. Гордость академика – эскиз Айвазовского «Рассвет в Феодосии». В центре кабинета – массивный письменный стол красного дерева, покрытый зеленым сукном, с семью выдвижными ящиками, ножками в виде львиных лап. Кресло, обитое телячьей кожей, обрамленное по краям золочеными гвоздиками. На столе бронзовая скульптура – казак, летящий в атаку на коне с пикой в руках. Письменный прибор из уральского малахита. Нож для резки бумаги из слоновой кости. Эбонитовый телефон с изяшной трубкой производства «Телефункен» 1935 года. Всё это богатство теперь принадлежало Арслану Николаевичу. Он разглядывал роскошную марку с изображением льва, схватившего в прыжке пятнистую косулю: «Ифни, номинал – пять франков. Как странно, и государства такого уже нет...»

Арслан вздрогнул.

По никелированным колокольчикам на задней стороне «Телефункена» застучали молоточки. Отреставрированный немецкий аппарат, отдельный от общего квартирного телефона, звонил очень редко. Мало у кого был этот персональный номер знаменитого академика Кирилла Филипповича Двигубского.

Арслан поднял трубку.

– Алло, я слушаю... – в мыслях он был ещё там, в далекой Африке, где лев напал на косулю.

– Это квартира господина Двигубского... То есть, извините, Ромиреса? – слышался приятный девичий голосок.

– Да...

– Здравствуйте, Арслан Николаевич... Вас беспокоят из Академии наук.

«Академия?» От волнения перехватило дыхание. Чувство, которое Арслан Николаевич тщательно прятал от окружающих, в том числе и от близких людей, накатило душной волной. Он даже привстал в кресле. Это чувство, знакомое многим, мучило его последние пять лет. Царапающее чувство не востребованости. Унизительное равнодушие бывших коллег. Ненужность...

– Господин Ромирес, вы меня слышите? Фу-фу... Алло...

– Да-да... Извините меня... Я слушаю.

– Арслан Николаевич, вас приглашают в Отдел по общественным связям со странами СНГ. Запишите: в понедельник к половине одиннадцатого в кабинет 932 к господину Панкову. Паспорт не забудьте. Хотите, мы пришлем за вами машину?

– Нет-нет, я как-нибудь сам доберусь.

Арслан Николаевич давно уже вышел на пенсию. И, как он сам выражался, «вылетел со свистом из обоймы». Теперь два раза в неделю читал лекции в одном из расплодившихся, как грибы после дождя, частных университетов. Только и всего. Жена Мария Кирилловна отговаривала его от этой работы, но он только вздыхал. Читая лекции, он, как ему казалось, получал заряд бодрости, это была малая компенсация за мучающий его комплекс неприкаянности и ненужности.

В воскресенье домработница Аля отпарила выходной костюм, почистила «старые-новые» туфли, выгладила полосатую сорочку. Потом долго подбирали галстук из тех, что безжизненно висели в шкафу уже много лет. Внучка Лика скривилась:

– Дед, уж лучше вообще без галстука, чем надевать это нафталиновое старье!

Потом она взяла у матери деньги и побежала в ближайший бутик, где продают «приличные» галстуки.

...Запыхавшаяся от быстрой ходьбы Лика пришла домой с покупкой. В коробке под целлофаном лежал галстук в полоску.

– Вот, Николаич, примерь. Будешь у нас как «денди лондонский»...

Арслан прошёл в спальню, надел брюки, сорочку, повязал новый галстук, надел пиджак. Посмотрел в трельяж. Таким себя он не видел давно. Причесался, надушился зачем-то и, довольный, вышел в гостиную.

«Женский батальон» обступил его.

– Ой, Арслан Николаевич! – всплеснула руками Алевтина. – Вас и не узнать! А то всё в халате да в халате!

– Красиво, папа, – сказала Лена, – тебе очень идет...

– Лёвушка, не сутулься, – Мария Кирилловна спула с плеча пылинку. – Молодец, Лика. Неплохой галстук.

– «Неплохой» – не то слово!! – торжествующе воскликнула внучка. – Что значит настоящая вещь, а не китайский ширпотреб!

– Дорого, наверное... – покачала головой Аля.

Дома Арслана называли Львом. Львом Николаевичем. В первый же день знакомства будущая его жена – Мария – поморщилась и виновато сказала:

– Я этого не выговарю... Интересно, как переводится ваше имя?

– «Арслан» переводится с тюркского «лев», – пояснил тогда Кирилл Филиппович.

– Можно я буду вас так называть? Лев Николаевич? Арслан только пожал плечами, и с того дня повелось: «Лев, Лёвушка, Лёва...» А острая на язык Лика подначивала его: «Лев Николаевич Толстой, Ваше сиятельство, обед на столе!» – и хохотала. Домработница Алевтина, как ни странно, была единственной из всех домочадцев, кто называл Арслана его настоящими именем и отчеством.

В понедельник Арслан Николаевич заказал такси. От их дома до помпезного здания Академии наук было не близко. Но сегодня Арслан Николаевич решил не пользоваться общественным транспортом.

Такси стояло в плотной утренней пробке на набережной. Дождь припустил так сильно, что «дворники» не успевали смахивать водяные струи с лобового стекла. Водитель такси сказал с протяжным бакинским акцентом:

– Как холодно, да-а? И дождь эта идёт и идёт, да-а! А ведь обещали бабино лето, да-а!

– Бабье лето, – поправил его Арслан.

– Двасать два года живу здес, да-а... А до конца русский язык плохо понимаю, да-а... Почему лето бабье, а-а? – водитель оглянулся. – Отес, ви же тоже нерусский, да-а?

Арслан не ответил.

– Э-э-э! – таксист недовольно замолчал и закурил. – Нэ люблю, когда своя нация стесняются, да-а!

Октябрьский дождь зарядил с новой силой.

Арслан Николаевич на удивление быстро получил пропуск, спокойно прошел через турникет охраны, сдал плащ и шляпу в гардеробную, поднялся на скоростном лифте на девятый этаж и уже в десять минут одиннадцатого сидел в приёмной Панкова. Послышался голос:

– Господин Ромирес пришёл?

– Да-да, он здесь.

– Пригласите.

Арслан Николаевич вошел в просторный кабинет, украшенный сувенирами и флажками стран – бывших республик Союза. Панков оказался довольно молодым и очень радушным человеком. Он поднялся из-за заваленного бумагами стола, подошел к нему и крепко пожал руку.

– Я вас пригласил вот по какому поводу, – Панков открыл красную сафьяновую папку входящих документов, стал листать бумаги, нашел нужную.

– Вот... Персональное приглашение на ваше имя. Читаю: «Господин Ромирес А. Н. приглашается для участия в торжественных мероприятиях, посвященных 80-летию юбилею Узбекского Республиканского научно-исследовательского института геологии и природных ресурсов». Кажется, вы там работали?

– Да... – ответил Арслан Николаевич, – почти десять лет. Правда, тогда он назывался по-другому – филиал Всесоюзного... и так далее.

– Давно не были в Ташкенте? – спросил Панков.

– Дайте подумать... Так... – и после долгой паузы: – Двадцать семь лет...

Панков посмотрел удивленно и недоверчиво.

– Двадцать семь?... – и, отведя глаза, тихо добавил: – Вот и слетаете...

Арслан Николаевич почувствовал в голосе Панкова нотку укоризны. Ну конечно, для его возраста двадцать семь лет – это почти вся жизнь.

– Я тоже давно не был дома, – словно извиняясь, произнес Панков и стал перебирать бумаги на столе. – Ваши земляки проводят юбилей института на самом высоком уровне. Как почётный гость, вы можете ехать с супругой. Дорога, проживание за счёт приглашающей стороны. Запланирована поездка в Самарканд. Так едем?

– Мне надо посоветоваться с домашними, – растерянно ответил Арслан Николаевич. – И потом, у меня занятия...

– Какие занятия? – улыбнулся Панков. – Такая великолепная поездка! Встреча с родным городом! А знаете, кто председатель оргкомитета по проведению юбилея? Вице-президент Академии наук Узбекистана господин Шакиров Раджаб Турабович. Вы ведь знакомы с ним?

От этого неожиданного сообщения в горле Арслана вдруг запершило, даже дыхание сбилось. Раджаб, а для друзей – просто Радж. Друг юности, однокурсник по горному факультету политеха.

– Вы меня слышите?

– Да-да! Конечно я его знаю!

Панков нажал на кнопку селекторного телефона, включил громкую связь.

– Марина, соедините меня с Ташкентом. И заварите кофе...

На какое-то время в кабинете повисла неловкая тишина. Только громко тикали напольные часы.

– Ташкент на проводе, Георгий Александрович...

– Алло, Раджаб Турабович, Панков беспокоит...

– Георгий, доброе утро... – в динамике раздался такой знакомый голос Раджа. – Слушаю.

– Тут у меня господин Ромирес... Сомневается – ехать ему к вам или нет... – улыбнулся Панков.

– Соедини, срочно! – грозный окрик.

Панков с улыбкой передал трубку Арслану.

– Алло, Радж... Привет... – дрогнувшим голосом произнес он.

– «Гишпанец!» – закричал на другом конце Шакиров. – Ты что там мудришь? Немедленно вылетай в Ташкент! И чтобы никаких сомнений! Я приглашаю тебя лично! Понял? Всё, вопрос закрыт! У меня тут совешание. Встретимся – поболтаем. Отбой.

Раздались короткие гудки.

Панков только развел руками.

– Электронные билеты получите в Интернете.

Арслан открыл уже дверь, когда Панков спросил его:

– Извините, а почему он вас так назвал?

– «Гишпанцем»? – Арслан пожал плечами и улыбнулся. – У меня папа испанец... был. Николо Ромирес. А мама узбечка.

Вечером собрался семейный совет. Мария Кирилловна была категорически против поездки.

– Лёвушка, ты прекрасно знаешь, что у меня аэрофобия! Во-вторых, оплачено шесть процедур в фитнес-салоне. И, самое главное, дорогой, мы только восстановили твоё давление. Кроме этого, не забывай о своей аритмии... Не нужны тебе эти перелёты и юбилеи! Там наверняка будут банкеты – возлияния, жирная еда. И вообще, зачем тебе в этот Ташкент?..

Раздраженное слово «этот» кольнуло обидой. Арслан промолчал, опустил голову. Отношение Маши к его городу так и не изменилось за многие годы совместной жизни.

Она была там всего один раз, на похоронах матери Арслана. Те июльские дни восемьдесят девятого совпали с разгаром чилли, саратона. От страшной жары плавился асфальт, фонтаны в городе были переполнены не только детьми; собаки, высунув длинные языки, тяжело дышали, прячась в ненадежной тени. А квартира в бетонной четырёхэтажке на Юнус-Абаде раскалялась к концу дня до невозможности. Кондиционера не было и в помине. От непривычной жары Маше тогда стало плохо. Да так, что пришлось вызывать «скорую» и откачивать её. С тех пор она и слышать не хотела о Ташкенте.

– А я – за! – вмешалась вдруг Елена. – Если есть такая возможность, надо лететь, – сказала она и затем добавила: – Там ведь могилы ваших родителей.

Арслан считал Лену своей дочерью. Ей было пять лет, когда он впервые появился в квартире академика Двигубского. Девочка доверчиво взяла его за руку и неожиданно сказала: «Ты мой папа, да?» Мария отвела её в сторону и даже шлепнула дочку по попе. «Как тебе не стыдно, Леночка?» – шепнула она. Арслан тогда не был особо сентиментальным, но в тот момент едва сдержался, чтобы не расплакаться. Он и стал ей папой. Елена относилась к отчиму сердечно и приветливо. И обращение «папа» было искренним и не вызывающим сомнений. Но всегда на «вы». В подростковом возрасте именно ему Лена рассказывала «по секрету» о своих девчачьих переживаниях и приключениях. И Арслан знал о своей падчерице больше, чем её собственная мать Мария. Лена как никто другой чувствовала настроение отчима. Понимала его состояние. Однажды, это было ещё при жизни Кирилла Филипповича, она прижалась к нему и сказала тихо: «Всё будет хорошо, пап. Ты слишком добрый, и тебе это мешает...» Елена выросла на глазах Арслана. Из улыбчивой и доверчивой девочки превратилась сначала в длинного, нескладного подростка, а ещё через некоторое время как-то неожиданно преобразилась в юную красавицу и в семнадцать лет объявила потрясенным родичам, что выходит замуж. Её избранником был мускулистый загорелый болгарин – красавчик Георгий. По словам Лены, подающий большие надежды архитектор и дизайнер. Ольга Сергеевна, Мария, да и Алевтина неделю плакали. Арслан и Кирилл Филиппович

пытались их успокоить. Но было поздно: Лена была беременна. Во Дворце бракосочетания дежурно прозвучал вальс Мендельсона, дорогушее подвенечное платье с трудом скрывало округлый животик. В тот же вечер в ресторане «Будапешт» поднимали тосты за молодожёнов и родителей, кричали «горько» и желали семейного долголетия и не менее трех деток, «цветов нашей жизни». Всё как у всех... Кирилл Филиппович занял у друга деньги, добавил свои сбережения и купил молодоженам в подарок двухкомнатную квартиру в Беляево-Богородском с окнами на нетронутый цивилизацией хвойный лес. Ранней осенью 99-го года Елена родила девочку. Хотели назвать её Таней или Наташей, но гордый болгарин заявил, что мечтал назвать свою доченьку только Анжелой. В детстве в своей деревушке под Варной Георгий видел «красивые» кинофильмы – «Анжелика и король», «Анжелика, маркиза ангелов» – и просто бредил этим именем, подсознательно представляя себя то ли королем, то ли маркизом. Куда было деваться – все согласились. Последней сдалась Алевтина: «Что, русских имен не осталось? – возмущалась она и тихо добавляла: – Приехал тут! Турок нахальный!». А в марте следующего года Лена, как под копирку, повторила судьбу матери: развелась с цыганистым мужем, хроническим бездельником и, как называла его Аля, «ничтожным субъектом». И, когда тот, собрав свои пожитки, покинул двухкомнатную квартиру Елены в Беляево-Богородском, все облегченно вздохнули. Лена сдала эту квартиру внаём (лишние деньги не помешают!) и переехала к маме на Кутузовский. А крошка Анжела стала в доме бабули Маши и деда Арслана самым дорогим существом.

– Сходите на кладбище, помянете их, – продолжала Лена. – Там у вас, наверное, и родственники есть? Почитаете молитву, как положено.

В который раз Арслан убедился в золотом сердце Лены. Он благодарно улыбнулся и поцеловал падчерицу.

– Кроме мамы и папы, там у меня никого нет... – сказал Арслан негромко. – Мамины родные похоронены в Коканде. Ну а папины – где-то в Испании...

«А Стелла? – обожгло вдруг его. – Ты даже не знаешь, где она лежит! Скотина, подонок, негодяй, трус!»

– Что с тобой, Лёва? – тревожно спросила Мария Кирилловна. – На тебе лица нет... Что-то случилось?

– Нет-нет... Ничего, – торопливо ответил Арслан, пряча глаза.

– Аля, принеси мне валидол, – попросила Мария Кирилловна.

Алевтина побежала в спальню за лекарством.

– Да не надо мне никакого валидола! – почти закричал Арслан.

Лица внимательно смотрела на него.

– Ты что-то от меня скрываешь, испанец... Успокойся, – Мария провела ладонью по шраму над правой бровью мужа. – Ну, рассказывай...

Испанцем Мария называла мужа давно, в минуты близости или когда была весело пьяна.

– Бабуля, ну что ты пристала к человеку? – крикнула вдруг Лица. – Что, он и секретов не может иметь?

Мария Кирилловна удивленно взглянула на внучку.

– Что это с тобой, Анжелочка? И тебе надо успокоиться... Это наше семейное дело... И незачем совать нос в чужие дела, – тоном учительницы начальных классов произнесла Мария Кирилловна.

Лица замолчала, насупилась, скрестила на груди худенькие руки.

– В поездке Арслану Николаевичу нужен сопровождающий, – разряжая накаленную обстановку, рассудительно и строго сказала Алевтина.

– Обязательно, – согласилась Лена. – Мало ли что...

– А кто будет делать тебе уколы? Лекарства давать вовремя? – Мария использовала последний довод.

– Слушайте, дорогие предки! – Лика вдруг вскочила с дивана. – Я, между прочим, никогда не бывала восточнее Рязани! – и, обернувшись к Арслану, добавила: – Хочу посмотреть этот твой Ташкент! Буду как верный Санчо Панса для Дон Кихота! И как главная медсестра! Померить давление и сделать укольчик я могу! Уколоться и забыться! Запросто! Как я поняла, эта поездка полностью оплачивается! Халява, плиз, сэр! Это же клёво! Просто мармелад в шоколаде!

– Мама, а ведь это идея! – воскликнула Елена. – Лика уже взрослая девочка, несколько дней в университете ничего не решат, я договарюсь. А рядом с папой всегда будет свой человек!

После недолгих споров Арслан позвонил Панкову и спросил, можно ли вместо супруги взять с собой внучку. Панков засмеялся:

– Почётному гостю самого академика Шакирова можно всё! – и добавил в конце разговора: – Только срочно пришлите по э-мэйлу паспортные данные вашей внучки.

...Почти все пассажиры в салоне бизнес-класса спали. На экране плазменного телевизора кто-то танцевал, кто-то беззвучно пел.

Арслан Николаевич не мог заснуть. Думал, куда надо будет зайти, кого навестить в Ташкенте. «В первый же день сходим с Ликой на кладбище...»

Невольно в его памяти возникали полузабытые лица, имена, какие-то маленькие и большие события. «Жизнь человека – это бесконечный Космос, который принадлежит только ему. И никому не дано проникнуть в этот сокровенный мир...» Кто это сказал?

Сквозь гул двигателей послышался звон бокалов, тихий смех. Арслан открыл глаза.

Стюардессы стояли за занавеской, иногда появляясь в проеме. Была видна только часть лица Нилуфар. Шека, полные губы... Колечки тонких волос за ушами. И Арслан вдруг понял, на кого похожа эта приветливая девушка в форменном костюме авиакомпании.

Те же нежные завитки, тот же овал лица, те же ресницы. И, главное, улыбка, немного ироничная, но добрая, понимающая, а оттого таинственная.

...Он снова отчетливо вспомнил покосившиеся ворота, двор на тенистой улице Былбаса, цветущую сирень, деревянную скрипучую лестницу на второй этаж, необыкновенно уютную комнатку, шелковый абажур, цветы на подоконнике. Поздно каяться, но именно сюда, а не в родной дом, к маме, Арслан прибегал с рюкзаком за плечами в короткие дни деловых возвращений в Ташкент. В этой квартирке-мансарде, как и у многих обитателей старого коммунального двора, не было ни ванны, ни душа. Уже много лет эти дома были «под снос», и никто не хотел вкладывать средства на любой, хотя бы косметический, ремонт дореволюционных строений из сырцового кирпича.

Когда без звонка, неожиданно, в этой мансарде появлялся Арслан, Стелла первым делом нагревала на плите большую кастрюлю с водой. Ставила в центр маленькой комнаты оцинкованный таз. По ходу рассказывала про своё житьё-бытьё. Он раздевался. И Стелла мыла его, как ребёнка, поливая теплой водой с головы, намыливала, терла мочалкой загорелое тело и смывала с него горькую соль Тозкайнарской пади. При этом оба весело хохотали. Арслан брызгал на неё, и тонкий халатик становился прозрачным. Потом она укутывала его в широкое

махровое полотенце. Арслан ложился в постель, отвернувшись по её просьбе к стене. Она включала старенький проигрыватель, ставила одну из любимых пластинок, чаще всего Шопена или Рахманинова. И уходила за занавеску. Арслан разглядывал акварельные пейзажи Стеллы, приклеенные к стене. Она училась когда-то в художественном училище, а сейчас работала в макетной мастерской проектного института. Стелла выходила из-за занавески без ничего. «Отвернись, покоритель... пустынь!» – смеялась она и ныряла к нему под одеяло...

Потом она жарила необыкновенно вкусную картошку, нарезала нехитрый салат. Шипела заезженная пластинка. Они садились за стол под абажуром, ели, болтали, пили вино, смеялись. И этот скромный ужин был для обоих дороже, чем чопорное сидение в модном ресторане с накрахмаленными салфетками и хрусталём.

Она обладала какой-то неукротимой жизнерадостностью, легкостью во всём. Искренняя, добрая и одновременно романтичная до сентиментальности, Стелла никогда и ничего не требовала от Арслана. А ещё она любила стихи. И не только любила, но и могла их проникновенно читать.

Мама в то время работала диспетчером скорой помощи. Там же медсестрой работала её подруга Наиля. От неё мама и узнала о Стелле. Наиля жила в одном дворе со Стеллой на улице Былбаса.

Однажды после ужина Арслан смотрел футбол. Он не был заядлым болельщиком, но игра была на редкость интересной и динамичной.

– Сынок, нам надо поговорить, – озабоченно сказала мама, убирая со стола.

– Что-то случилось? – не отрывая глаз от экрана телевизора, спросил Арслан.

– Арслан, оторвись от своего футбола.

В этот момент судья дал свисток на перерыв, и Арслан оглянулся.

– Да, мам, я внимательно слушаю, – улыбнулся он.

Уже шестнадцать лет они жили вдвоём в двухкомнатной квартире на Юнус-Абаде. В 68 году, через полтора года после землетрясения, горисполком выделил им эту жилплощадь взамен аварийной квартиры в глинобитной балахоне коммунального двора на Кашгарке недалеко от табачной фабрики и рисового Шевели-базара.

– Сынок, только не перебивай меня, ладно?

– Ну хорошо, – пожал он плечами и снова улыбнулся. Он редко видел мать такой взволнованной и серьезной, и ему стало смешно.

– И не смейся! – строго добавила мать. Она помолчала. – Тебе уже тридцать пять лет. С первой своей женой ты расстался. И правильно сделал, молодец! – она вздохнула от неприятных воспоминаний о первой невестке и, помолчав, выдохнула: – ...Я всё знаю!

– Мама, вы о чём?

– Я знаю, что вы встречаетесь с этой девушкой... Кажется, её зовут Стелла, так? Наиля мне всё рассказала. Я даже знаю, что она старше тебя на два года. Но это не страшно. Вам надо жениться. И как можно скорее. Ты был женат, она была замужем... Я слышала, что она хорошая женщина. И красивая... Так почему бы вам не узаконить отношения? Встречаетесь тайком, как дети... Наиля сказала, что Стелла очень любит тебя... Да?

Арслан промолчал.

За всё время их горячих свиданий ни Стелла, ни Арслан никогда не произносили сакраментальных фраз типа «Я тебя люблю». Это было самым собой разумеющимся, понятным и естественным, не требующим подтверждения.

– Пойми меня, сынок... Я хочу внуков... – грустно добавила мама.

Когда Арслан передал слова мамы Стелле, она сказала как-то буднично и сухо:

– Давай оставим всё как есть, – добавив после долгой паузы: – Печать в паспорте ничего не значит.

Она надолго замолчала, словно ушла в себя. Потом вдруг резко обернулась к Арслану, обняла. Поцеловала нежно. Прошептала:

– Лучше тебя на свете нет никого... Никого... И не будет. Поцелуй меня, прошу...

И снова была близость, и также в окно стучали кисти сирени.

...Уставшие, опустошенные, они лежали, глядя в потолок, по которомуплыли отсветы проезжающих машин.

– Знаешь, в моей дикой русско-польско-еврейской смеси есть и капелька цыганской крови, – говорила Стелла шепотом. – Через мою прабабку Барбару. Она была ведунья, видела людей насквозь. Гадала на картах, на расплавленном воске, на бараньих косточках. Могла увидеть, что будет потом... В будущем. Ну, конечно, не как Ванга, Джуна или ещё кто... Говорила на каких-то непонятных языках... Я так боялась! Но на меня вдруг иногда тоже находит... Когда сломался тот автобус на хлопке, я вдруг почувствовала, что это неспроста: что-то должно произойти...

– Серьезно?

– Да... И встретила тебя. Как странно... А если бы автобус не сломался?

Она прижалась мокрым лицом к плечу Арслана.

– Ты плачешь?

– Да нет... – она уткнулась в подушку.

– Да что с тобой? – он включил торшер.

– Погаси, – попросила она и четко произнесла после некоторой паузы: – Я сейчас вдруг явственно увидела, как тыходишь ко мне и говоришь, что нам надо расстаться.

– Что за бред?

– Это не бред. Так будет. Я знаю точно. Но я не обижусь. Никогда не буду укорять, ты не бойся. Всё нормально, – она поцеловала Арслана в глаза. – Не смотри на меня так... И не обижайся. Я хочу, чтоб ты знал, – и почти по слогам произнесла: – У меня никогда не будет детей. Разве ты не понял этого?

– Ну и что?! – закричал Арслан.

Стелла обняла его.

– Твоя мама хочет внуков. И её можно понять. Ты единственный наследник. У тебя всё впереди. Ты должен подниматься, расти, расти... А я тебе только помешаю.

Она поцеловала его крепко, давая знать, что разговор на эту тему закончен. В ту ночь она читала шепотом стихи. И одна строфа из Окуджавы осталась в памяти Арслана на всю жизнь:

Осенний холодок, пирог с грибами,
Калитки шорох и остывший чай...
И словно онемевшими губами
Короткое, как вздох, «Прошай. Прошай».

Это была их лучшая ночь.

Самолет летел ровно. Арслан сидел, опустив голову.

Он помнил каждый нюанс, каждый обертон грудного, чуть хриплого голоса Стеллы. «Жизнь человека – это бесконечный Космос, который принадлежит только ему. И никому не дано проникнуть в этот сокровенный мир...» Конечно же она повторяла тогда слова какого-то мудреца. «Это не я придумала, – виновато сказала она. – Это из этой вот книжки...» – и показала на лежавшую на столе потрепанную брошюру «Мудрые мысли».

Как-то неожиданно кольнуло сердце. Сильнее обычного. Арслан Николаевич сунул кисть руки под рубашку, стал массировать левую сторону груди – это всегда помогало.

Лица спала. А все лекарства были в её рюкзаке. Он поднялся из кресла, стал ходить взад и вперёд по проходу салона.

И снова в голове навязчиво звучало:

И словно онемевшими губами
Короткое, как вздох, «Прошай. Прошай...»

– Не спится?

Арслан обернулся.

Стюардесса с участием смотрела на него.

– Я помешал? – спросил виновато Арслан.

– Нет, что вы... – улыбнулась девушка. – Ходите себе на здоровье! Есть вино, очень хорошее. И легче будет заснуть. Не желаете?

«Как же похож этот голос ...» – мелькнуло в голове.

Из-под пледа показалось лицо Лики.

– Желаете! – произнесла Лица голосом избалованного ребенка. – Очень даже желаете! А какое у вас вино?

– Есть полусухое и красное.

– А полусладкое «Ок муссалас» есть? – спросил Арслан.

– Я посмотрю... – Нилуфар прошла за занавеску.

Стюардесса принесла на подносе два бокала белого вина, горку кешью на блюде.

– Вот, как вы просили, полусладкое. Но сейчас оно называется по-другому... «Белый жемчуг».

Лица поднесла вино к губам, помахала ладошкой у края бокала, вдыхая аромат вина, потом отпила крохотный глоточек.

– Теперь надо пожевать. Так нас учили дегустировать вино в Бордо, в замке Контель...

– Ну и как? – спросил Арслан.

– Ничего вроде... Букет простенький, но вкусно, – Лица сделала ещё глоток и снисходительно добавила: – Даже не подозревала, что у вас делают такие вина...

– И не только, – с некоторым раздражением произнес Арслан.

– Ну не сердись, дед... Я же специально лечу с тобой, чтобы хоть что-то узнать о твоей исторической родине. Ну перестань дуться, я тебя прошу!

– Так вот знай, родная, что ташкентское шампанское, тоже, кстати, полусладкое, лучше, чем твоё сухое из замка Контель! Пробовал – скулы сводит! Кисляк! Недоделанный уксус! – заявил Арслан.

– Надо же! Вот, оказывается, какой ты патриот! Ташкент! Ташкент! Самый-самый... – с язвой в голосе произнесла Лица. – Фрукты – самые лучшие в мире, горная вода – почти целебная... Климат мягкий! Всё самое-самое! Может быть, и девушки здесь самые-самые? Ну, расскажи, Николаич! Про первую любовь, про тайные встречи... Веселые нахальные искорки закрутились, завертелись в глазах Лики. – Как много девушек хороших, как много ласковых имен!

– Дитяtko моё наглое, отстань от пожилого дяденьки! – попытался отшутиться Арслан. – Любопытной Варваре что сделали?

– Эх, Лев Николаевич! Вот что вы не умеете делать, это врать! – засмеялась Лица. – Во-во, покраснели! Но это признак честности! Мама мне рассказывала, что бабуля Маша влюбилась в господина Ромиреса в первую же минуту! Как

только вы появились в доме... Такой харизматичный, высокий красавец с мужественным шрамом на лице! В крови которого течет кровь испанских грандов! И восточных султанов!

– Слушай, вредина курносая, ты что пристала ко мне? Нашлась тут Агата Кристи! Так ей всё и расскажи!

Лица ещё в детстве задавала Арслану колючие и неудобные вопросы. Но он понимал, что спрашивает она не из вредности. А, наверное, чтобы лучше понять его, неродного по крови, но самого любимого из близких людей.

– Ну, колись, Лев Николаевич! Была у тебя первая любовь?

– Была!

– Она хорошая? Лучше, чем Мария Кирилловна?

– Да-да! Была! Лучше всех! – выпалил Арслан и дал внучке легкий подзатыльник. – Всё, вопросов больше нет?

– Есть!

– Ну говори!

– Скажи, что ты нашел в этой холодной Москве?

Арслан отвернулся. Как объяснить этой въедливой максималистке, этой московской задире, что он по-настоящему любит первопрестольную. Что Москва – его город, его Родина. Но и Ташкент, с которым связана первая и очень важная часть его жизни, никогда не исчезнет ни из памяти, ни из сердца. Лица не в первый раз расспрашивала Арслана о его прошлой жизни. Когда ей было всего одиннадцать лет, она вдруг напрямую строго спросила, любит ли он её бабушку Марию? Девочка смотрела на него своими умными глазками, ожидая ответа, и Арслан понимал, что интуитивно это совсем юное существо знает о нём больше, чем окружающие взрослые, даже Лена, её мать. Как было объяснить этой крошке, что жизнь сложнее, чем она думает. Да, по-настоящему он любил всего раз в жизни. И что это никогда, никогда не повторится. Но он трусливо соврал ей, сказав, что любит только Марию, её «бабулю Машу». А доказательство – их долгая совместная жизнь. Маленькая Лица тогда ничего не сказала, только укоризненно покачала головой. «Эх ты...» – было в её взгляде.

...В декабре восемьдесят пятого Ромирес готовился к поездке в Москву на апробацию своей кандидатской диссертации об исследовании Тозкайнарской пади. За день до вылета директор института Аскар Холматович вызвал его к себе. Выташил из шкафа золотошвейный бухарский халат.

– Слушай, Арслан, передай это Двигубскому. Весной у Кирилла Филипповича был юбилей. Я тебя прошу, поздравь его от имени института и от меня лично. Да и от себя купи ему дыню, курагу... Горох самаркандский. Заодно познакомись. Замечательный человек. Он хоть сейчас и не председатель ВАКа, но имеет солидный вес. Пригодится.

В воскресенье Арслан прилетел в заснеженную Москву, устроился в Доме аспирантов на Рязанском проспекте и уже через час отправился к академику Двигубскому. В большой сумке поместился сверток с халатом, пакеты со специями, сухофруктами, миндалём, фисташками. В руках – мирзачульская дыня в камышовой оплётке. «Торпеда» (так её называли в Москве) издавала такой мощный аромат, что весь вагон метро с уважением и завистью оглядывался на Арслана и его ношу.

Дом на Кутузовском проспекте строился ещё до хрущевской кампании «борьбы с архитектурными излишествами». Фасад украшала барочная лепнина, вестибюль с высокими потолками освещала большая люстра, полы были украшены узорчатой мозаикой.

Арслан нажал на кнопку звонка. Массивную дубовую дверь, не снимая цепочку, приоткрыла женщина лет тридцати в домашнем халате.

– Вам кого? – спросила она через узкий проем двери.

– Мне... Кирилла Филипповича Двигубского.

– Папа, тут к тебе... – крикнула женщина в глубину квартиры. Она отвернулась и Арслан услышал её шепоток: – И в воскресенье покоя не дают...

Сейчас единственным желанием Арслана было поскорее отвязаться от тяжелой сумки, от халата и дыни, передать привет, поздравления и уйти.

Мог ли он представить, что через массивную дверь он будет заходить в эту большую московскую квартиру ещё почти тридцать лет. А эта красивая женщина с заплаканным лицом станет его женой?

...Арслан представлял академика Двигубского высоким, солидным человеком в золотых очках, вальяжным и обязательно лысым. Таким, каким в кино изображают ученых и начальников. На самом деле Кирилл Филиппович был роста ниже среднего, с живыми, веселыми, даже озорными глазами-пуговками. Говорил громко, высоким голосом, всё время находясь в движении.

В отличие от своей дочери он встретил Арслана радушно, даже радостно.

– Как долетели, товарищ Ромирес?

– Нормально...

– Аскар звонил утром, сказал, что вы приедете... – помогая Арслану раздеться в просторной прихожей, приговаривал: – Проходите, проходите, не стесняйтесь... Сапоги можете просто отряхнуть, снимать не надо... Очень хорошая у вас диссертация. Прочитал с удовольствием. Будто сам там был, на вашем Тозкайнаре...

Арслан стал вынимать из сумки пакеты.

– Вот, это вам...

– Такие тяжести несли! Спасибо, дорогой. Дыньку мы на Новый год оприходуем... Ой, а это что? Зачем же вы... Здесь так много...

Арслан вытащил из сумки парадный чапан, тибетейку и поясной платок.

– А это от Аскара Холматовича, он просил поздравить вас с юбилеем. Весной он не смог приехать...

Он надел на плечи Двигубского золотошвейный халат, тибетейку, крепко повязал бекасамовый платок на поясе.

– Ну вот, теперь я настоящий аксакал! – Двигубский подошел к высокому зеркалу. – Эй, чернь дворовая! Бегом – на барина полюбоваться! – крикнул Двигубский весело.

В прихожую стали заходить домочадцы – женщины разных возрастов. Домработница Алевтина, увидев хозяина в бухарском халате, всплеснула руками:

– Ой, красота! Вы прям как султан какой!

– Вот, знакомьтесь, молодой ученый из Узбекистана, Арслан Николаевич Ромирес.

Арслан по очереди кивнул женщинам.

– Это моя супруга, Ольга Сергеевна... – представлял Двигубский своих близких. – Это Машенька, Мария Кирилловна, наша дочка... А эта маленькая хулиганка – Леночка, любимая внучка...

– Я не маленькая! Мне уже пять лет! – обиделась Леночка.

– А это Алевтина... Наша... родственница.

– Добро пожаловать, – Аля улыбнулась и неловко пожала ладонь Арслана. – Теша вас, наверное, очень любит – к самому столу пришли.

– А у меня нет тещи... – возразил Арслан.

- Нет, значит будет...
- Извините, как вас звать? – спросила Маша.
- Арслан...
- Я этого не выговарю... А как переводится ваше имя?
- «Арслан» на тюркском означает «лев», – произнес Кирилл Филиппович важно.
- Разрешите вас так и называть – Лев?.. – попросила Мария.
- Как вам удобнее, – пожал плечами Арслан.
- Идите мойте руки... – строго распорядилась Ольга Сергеевна, – Аля, дай гостю полотенце.

По давно заведенной традиции в доме Двигубского по воскресеньям готовились какие-нибудь особые блюда, и глава требовал, чтобы за столом собиралась вся семья. Вот и сегодня Алевтина приготовила телячьи отбивные, грибы с картошкой, салат и клюквенный кисель. По случаю Кирилл Филиппович поставил на стол фигуристую бутылку армянского коньяка.

– «Наири», подарок друзей из Еревана, – отвинчивая пробку, произнес Кирилл Филиппович. – Сказали, что из всех армянских коньяков этот лучше всех поднимает настроение. Проверим?

Остроумный и добрый, Кирилл Филиппович и без коньяка смог создать за столом теплую, непринужденную атмосферу. Уже через час Арслан не чувствовал себя чужаком в этой большой, уютной квартире.

– Аскар Холматович сказал мне, что в ваших жилах течет испанская кровь, а мама – узбечка... Это правда? – спросил вдруг Кирилл Филиппович.

– Даже не испанская, а каталонская, – улыбнулся Арслан.

– Как интересно, – Мария внимательно посмотрела на гостя.

– Расскажите подробнее... Пожалуйста...

– Как ваш отец оказался в Ташкенте? Как они познакомились с мамой? – Двигубский разлил остатки коньяка по рюмкам.

Арслану не раз приходилось отвечать на эти вопросы. Всех удивляло, как это «мама – узбечка, папа – испанец». Пересказанная много раз, история его родителей давно выстроилась в стройный рассказ.

– Моего деда Паоло Ромиреса в тридцать восьмом году расстреляли франкисты. Его жена София погибла ещё раньше – при бомбежке Мадрида. Папу, тогда ему было двенадцать лет, вместе с другими испанскими детьми, большей частью сиротами, отправили в Советский Союз, – негромко рассказывал Арслан. – Сначала их переправили во Францию, оттуда – грузовым пароходом до Кронштадта... Лето они провели в Артеке. Папа рассказывал, что их встречали там как героев.

Острее всех воспринимала рассказ Арслана Мария Кирилловна. Она стояла в проеме двери, смахивая слезы, катившиеся по щеке.

– Когда началась война, – продолжил Арслан, – ленинградский детдом-интернат эвакуировали в тыл, в Ташкент. В сорок четвертом году отца направили работать в ремонтные мастерские при авиазаводе. Мама, как и Паоло, тоже была сиротой. Отец её погиб осенью сорок первого года, а мать (моя бабушка) умерла через год от рака крови. Маму, её звали Хадича, устроили в приют. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, её определили в медсанчасть авиазавода, в прачечную. Потом перевели в санитарки. В медсанчасти папа и мама и познакомились. Полюбили друг друга, стали встречаться. Им тогда было по восемнадцать лет. В сорок шестом году они поженились. Переселились из барака в заводское общежитие. А через год на свет появился я. Мама предложила назвать меня Арсланом – так звали её погибшего отца, моего деда.

– Давайте выпьем, – неожиданно предложил Двигубский. – Так интересно... Как будто я читаю какой-то роман...

Молча выпили.

– Что же было дальше? – спросила Ольга Сергеевна.

Арслан продолжил:

– В пятьдесят шестом году в Москве открыли торговое представительство Испании. Началась репатриация. Мне тогда было девять лет, но я хорошо помню, как мы летали в Москву, ездили в испанское торгпредство, как встречались с самой Долорес Ибаррури... Но документы Николло Ромиреса, то есть моего отца, на репатриацию не приняли, сказали, что они не до конца готовы. Отцу намекнули, что, если он разведется с женой, проблем не будет. Или будет, но меньше. Но отец категорически отказался от этого «компромиссного» варианта. Сильно нервничал, кричал что-то по-испански, показывая на парадный портрет Франко. Нас просто вытолкнули из этого здания... Обратное мы ехали поездом в плацкартном вагоне. В тот год стояла очень холодная зима. Вагон наш еле отапливался, из всех щелей дуло. Окна промерзли, да так, что в вагонах было темно и днем. Отец тогда сильно простудился и по приезду в Ташкент умер от скоротечного воспаления легких. Так мы с мамой остались вдвоем. Хадича Назарова-Ромирес и Арслан Николаевич Ромирес.

После обеда Кирилл Филиппович пригласил Арслана в свой кабинет.

Арслан рассматривал диковинные предметы – маски из Африки, куклы, гравюры.

– Я, конечно, буду за вашу диссертацию на все сто, Арслан Николаевич. Но, умоляю, вычеркните эти дурацкие ссылки на какой-то там Пленум ЦК, на Горбачёва. Всё это ровным счетом никакого отношения не имеет к вашей добротной и честной диссертации...

– На этих цитатах настоял мой руководитель Аскар Холматович. И секретарь парткома нашего института, товарищ... – начал было Арслан, но Двигубский перебил его:

– Забудьте! Вот, я тут подчеркнул на первой странице два абзаца, на пятой – верхний абзац! К чертовой матери! Пустословие и брехня! Скажете, я так решил! Ссылайтесь на меня. Аскар Холматович, думаю, не будет против. Ну, согласны?

– С удовольствием сокращу.

– Ну вот и хорошо. А в четвертой главе надо обязательно добавить, что прокладка канала по территории Тозкайнара будет нелегкой из-за базальтовых выносов. Придется прибегнуть к сложным взрывным работам.

– У меня об этом есть... Немного.

– Есть, но как-то невнятно... Разверните эту мысль. Проектантам и сметчикам это пригодится. Почему мне нравится ваша работа? В большинстве диссертаций и статей нет и намёка на практическую реализацию того или иного проекта. А у вас есть! И это очень ценно. Хотя...

Неожиданно Двигубский замолчал, подошел к окну.

Часы пробили одиннадцать раз. За толстыми стеклами еле слышался свист разыгравшейся вьюги. Хлопья снега били в окно. Фонари, фары автомобилей, окна домов словно накрыло матовой сеткой.

– Пока не говорите никому... Особенно у вас, в Ташкенте... – нарушил долгое молчание Двигубский. – Готовится Указ о полном прекращении работ по переброске...

– Что? – Арслан даже привстал в кресле.

– Сведения достоверные... – вздохнул Двигубский. – И дело не только в статьях неугомонного Сергея Залыгина и в экологах-энтузиастах... Просто в

стране элементарно нет денег. И весь этот перестроечный шум-гам не более чем дымовая завеса. Но диссертацию будем продолжать! Я предложу, чтобы ее посчитали заявкой на докторскую. Думаю, что прислушаются.

...В тот вечер Двигубский так и не отпустил Арслана.

– Какая обшага? Какой там ещё Рязанский? В такую погоду? Посмотри, что на улице творится! Буран настоящий... – Двигубский задернул тяжелые портьеры, включил верхний свет, потом крикнул: – Аля, где ты?

В кабинет вошла Алевтина.

– Да, Кирилл Филиппович...

– Постели нашему гостю на диване. Организуй утром зубную щетку, полотенце и так далее, сама знаешь. Ну что ты так на него уставилась? Влюбилась, что ли? – засмеялся он.

Алевтина смутилась, замахала руками.

– Что же вы меня в краску вгоняете, Кирилл Филиппович?

– Я всё вижу! – он обернулся к Арслану: – Ты, однако, понравился нашим женщинам. Точно. Где ванна, туалет – ты знаешь... Ну ладно, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Кирилл Филиппович...

Вместо Алевтины с подушкой и одеялом вошла Мария Кирилловна.

Она взбила подушку, расстелила на диване простыню, сверху одеяло.

– Вот, пожалуйста, – негромко произнесла Мария.

– Спасибо...

Взгляды их встретились. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга. Потом Мария смущенно отвела взгляд и торопливо вышла из кабинета.

Арслан долго не мог заснуть, вспоминая сегодняшний день, внимательный взгляд Марии. Её дочку Лену, которая весь вечер крутилась рядом с ним, заглядывая в глаза.

Утром Арслан оделся, подошёл к окну. За ночь погода в Москве успокоилась. Снежинки медленно кружились в воздухе, покрывая всё белым покрывалом. Стараясь не шуметь, он прошёл в ванную, умылся. В доме было тихо, казалось, все спали. Арслан стал надевать пальто и в это время услышал из кухни голос Марии:

– Лев Николаевич... Что же вы так – по-английски? Идёмте сюда...

Арслан зашел в кухню. На плите закипал чайник. Мария в домашнем халате нарезала сыр, хлеб.

– Доброе утро...

– Доброе, – улыбнулась Мария. – Как спали?

– Нормально...

– Кофе? Бутерброды?

– Спасибо... – Арслан присел на табуретку.

– Надолго в Москву?

– Во вторник с утра апробация, в четверг, наверное, назад.

– Так скоро? А я хотела пригласить вас в Зарядье на концерт Понаровской... У меня есть лишний билетик.

Они пили кофе, ели бутерброды. Перекидывались ничего не значащими фразами. Но незримая, тонкая нить, которая завязалась между ними ещё вчера вечером, сейчас, когда они оказались наедине, вдруг окрепла, стала почти осязаемой.

Попрошались они как старые знакомые.

Арслан Ромирес шёл к метро. Улицы наполнялись машинами, людьми. Снег хрустел под ногами. В столице Арслан бывал не раз. И, если честно, он, как почти каждый провинциал, недолюбливал Москву за её утомляющую суету, многолюдность,

суматошность, за равнодушный холод между людьми. Но сегодня, 23 декабря 85-го года, столица показалась ему самым приветливым местом на земле...

– Уважаемые пассажиры, наш самолет пошел на снижение. Через пятнадцать минут мы совершим посадку в аэропорту города Ташкента. Температура в аэропорту прибытия – двадцать два градуса.

Салон окрасился слабым светом утренней зари.

Лица прильнула к иллюминатору.

Внизу, до самого горизонта, мигали огни ещё спящего города.

– А городок-то – ничего! – снисходительно заключила она.

Шасси огромной машины мягко коснулись бетона, полыхнул дымок резины, и «Боинг», постепенно снижая скорость, покатился по полосе между посадочных огней.

Пассажиры дружно зааплодировали пилотам.

Нилуфар отключила рацию, подошла к Арслану.

– Товариш Ромирес, у трапа самолета вас ждет микроавтобус, синяя «Тойёта», – сообщила стюардесса и отдельно негромко сказала Арслану: – Удачи вам...

– Спасибо, Нилуфар.

Арслан вышел из салона. Сквозь пары авиационного керосина в легкие ударил еле уловимый, но такой знакомый запах. Аромат его города. Арслан стал медленно спускаться вниз, вдыхая прохладный утренний воздух. Лица поддерживала его за локоть.

– Дед, нам, кажется, сюда, – сказала она, показывая на микроавтобус с надписью «Гости». – То есть извините, Арслан Николаевич...

Последняя ступенька трапа. Приятное чувство тверди под ногами.

В этот момент кто-то крепко обхватил Арслана сзади и даже приподнял над землей.

– Арслан!

– Радж!

Лица с улыбкой наблюдала, как два седых человека с хохотом и прибаутками «боролись» в свете прожекторов.

– Ах ты, испанская твоя душа! Всю голову известкой вымазал! – весело кричал академик Шакиров.

– Посмотри на него, Лица! Главный сердцеед политеха! Сам академик Шакиров! А морда лица – печёное яблоко!

– Дедушка Арслан, а вы динозавров случайно не видели? – хохотал Радж.

– Как был бродягой, так им и остался! – и Арслан запел: – «А бара-я, о-о-о! Бродяга я, о-о-о! Никто нигде не ждет меня, а-а-а!».

Пассажиры с самолета с удивлением обходили их, показывая пальцами.

Но они, не замечая никого, обнялись и долго стояли молча.

– Как ты, брат? – негромко спросил Раджаб.

– Живу... – грустно улыбнулся Арслан и обернулся к Лице: – А это моя внучка Анжела.

– Очень приятно, – протянул руку Шакиров. – Вы очень похожи. Что значит гены...

– Неправда, – торжествующе воскликнула Лица, – Арслан Николаевич – отчим моей мамы.

– Сказала она с большевистской прямоотой! – перевел всё в шутку Шакиров. – Ладно, вы езжайте, мне ещё ереванский рейс встречать.

Микроавтобус довез гостей до входа в VIP-зал.

Офицер-пограничник, молодой парень, внимательно посмотрел на Лику, сравнил с фотографией в паспорте. Поставил штамп.

– Проходите, девушка...

Тем же профессиональным взглядом оглядел Арслана:

– Добро пожаловать, господин Ромирес.

Таможенный контроль они прошли так же быстро.

...Микроавтобус ехал по пустым ещё утренним улицам.

Арслан смотрел в окно. Хотя и с трудом, но узнавал все же какие-то старые дома, улицы, скверы... Но значительная часть этого города – с высоко подрезанными кронами деревьев, с бесконечными рядами ёлок – казалась ему незнакомой. Нет, Ташкент не был чужим. Это был тот самый город, в котором он когда-то родился, бегал по улицам, лазал по деревьям, купался в холодной воде его речек. Город, где он вырос, совершая глупые ошибки, где узнавал новое, где дрался и влюблялся. Где впервые познал женщину. Это был как будто бы его, но в то же время совершенно другой город. Растерянно оглядываясь по сторонам, он радовался, когда находил что-нибудь знакомое. А когда видел что-то абсолютно ему неизвестное, новое, им овладевало чувство, похожее на ревность. «Ну и что? – пытался он успокоить себя. – Я ведь тоже сильно изменился за эти годы. Тридцать лет – не шуточки! Почему же город должен оставаться таким, каким когда-то был? Это диалектика, это жизнь, её непрерывное движение...» Но внутренний голос не унимался и зло шептал: «Тогда было лучше! Лучше!..» Ирония, вечная его спутница, только усмехалась в ответ: «Философ, тоже мне! Скажи, что и снег был тогда белее, и урюк слаше! Воспринимай мир таким, какой он есть. Независимым от тебя и от твоих ностальгических воспоминаний!»

Несмотря на ранний час улицы уже были полны автомобилей.

Машина свернула на Шота Руставели. Он узнал эту улицу по полукруглому фасаду Дворца текстильщиков, куда он ходил когда-то в литературный кружок. Но и она изменилась: стала как бы шире, просторнее.

«Как же всё изменилось... Ограждения, рассекающие проспект на две части... А где рельсы и дребезжащие трамваи, скрипящие на поворотах? И пузатые троллейбусы, у которых то и дело срывались с проводов «усы», а водители веревками-вожжами ставили их на место? Тоже не видно...» Зато открывалось небо, очищенное от паутины бесчисленных растяжек, стальных проводов. Арслан пока ещё не мог понять, плохо это или хорошо...

Машина подъехала к гостинице.

– «Лоте Сити Ташкент-палас», – прочитала Лика. – Что это означает?

– Не знаю... Это очень хорошая старая гостиница. «Ташкент» называлась.

Они вышли из микроавтобуса. Арслан огляделся.

Эта часть города почти не изменилась. Площадь перед оперным театром, большой фонтан, справа – стеклянный квадрат здания ЦУМа. Слева – серый корпус газетного комплекса и издательства, чуть дальше – шкатулка музея. И опять эти безжалостно остриженные деревья, ели. Как ни странно, но именно сейчас почему-то Арслана вдруг покинула острая ностальгия по ушедшему времени.

– А там, наверное, театр? – спросила Лика.

– Да, оперы и балета... имени Навои.

– Лепота! А фонтан работает?

– Позже включат...

Они поднимались по ступенькам. От парадного входа в гостиницу, украшенного голубой майоликой, к ним спустился молодой парень.

– Доброе утро, Арслан Николаевич, – сказал он. – Давайте ваши вещи... Я ваш... это... водитель. Мумин меня зовут.

– А меня Лика... – произнесла Лика, передавая свой стильный рюкзачок.

– Очень приятно, – с легким поклоном улыбнулся ей парень.

В глазах обоих Арслан заметил тот странный огонек, тот блеск юности, какой бывает при взаимном остром интересе.

– Я полностью ваш. В любое время дня и суток. Все проблемы – через меня. Это просьба Раджаба Турабовича.

– Так вы наш водитель? – спросила Лика.

– Ну... да... Считайте меня шофёром, гидом, чичерони, переводчиком, поваром, скорой помощью...

– Ангелом-хранителем? – засмеялась Лика.

– Если нравится, считайте, что так.

Они вошли в вестибюль.

– Пожалуйста, паспорта... – сказал Мумин. – Можете отдохнуть пока.

Мумин положил на стойку ресепшена паспорта.

– Гульзамон, номер с видом на площадь.

Заметив витрины сувенирного магазинчика, Лика подошла и стала рассматривать через стекло керамику, ювелирные изделия, кукол.

– Дед, какая прелесть! Посмотри! Хочу эту узбечку!

– Здесь дорого, – сказал подошедший Мумин. – Съездим в Старый город – там всё найдем, ещё лучше и намного дешевле.

Девушка-регистраторша подозвала Мумина.

– Мумин Каримович, у них же разные фамилии... Вот, взгляните, Арслан Николаевич Ромирес, а это – Анжелла Борисовна Двигубская-Коро, – сказала она тихо. – Извините, у нас не полагается. Сами понимаете. Вам придётся взять ещё один номер.

– Гульзамон, Анжелла – это сопровождающая Арслана Николаевича, к тому же его родная внучка! Так что всё в порядке.

– Дед, нас, кажется, принимают за любовников! – хихикнула Лика. – Как интересно!

– Болтушка! – Арслан покачал головой.

Лифт мягко и быстро поднял их на четвертый этаж.

Мумин помог донести сумки до номера.

– Это люкс для дорогих гостей, – зажигая свет, сказал Мумин.

Лика зажмурилась от яркого света хрустальной люстры. Изумленно огляделась по сторонам.

Потом подбежала к окну. Солнца ещё не было видно, но изломанный недалекими горами горизонт уже светился розовым светом. И юркие стрижи носились в ожидании нового дня.

– Дед, иди-ка сюда... У вас тут и горы имеются... – тихо изумилась она, зачарованно глядя в окно.

– Здесь две спальни, гостиная. Там душ, джакузи... Располагайтесь, спокойно отдыхайте... Шведский стол уже работает – на втором этаже.

Мумин положил на журнальный столик плотный конверт.

– Это на мелкие расходы от оргкомитета, – пояснил он. – Чтобы вам не менять российские деньги.

Лика с детским любопытством вытащила несколько новеньких купюр.

– Как интересно! У нас на журфаке есть один чудик, собирает денежные знаки. Можно я ему в подарок оставлю?

– Пожалуйста, – улыбнулся Мумин. – Я вам для друга ещё и монетки дам.

– Мумин, а во сколько начинаются мероприятия? – спросил Арслан.

– В одиннадцать. Время отдохнуть с дороги у вас есть.

– Я хотел бы успеть съездить на кладбище к родителям... – сказал Арслан. – Это возможно?

– О чем вы говорите, Арслан-ака? Конечно! У нас вагон времени. Я жду вас в ресторане.

Когда дверь за ним закрылась, Лика обняла Арслана, поцеловала в щёку.

– Деда! Спасибо тебе! Мне всё это начинает нравиться!

Она закружилась по просторной комнате, плюхнулась на широкий диван белой кожи.

– Я чувствую себя принцессой!

В ресторан они пришли первыми. Из-под блестящих полукруглых крышек с горячим пробивался ароматный пар.

Лика ходила вдоль заставленных разнообразной снедью полок.

– Глаза разбегаются... – растерянно бормотала она. – А это что такое?

– Не знаю... – тоже в недоумении произнес Арслан. – Где здесь сосиски? С горошком... по-простому... и сыр?..

– Вот всегда ты такой! Всё бы попроще, попонятней, подешевле... Хомо-советикус! Какие сосиски?! Смотри, сколько здесь вкусностей! Ой, ананас! Хочу ананас!

К ним подошел Мумин.

– Помочь? – улыбнулся он Лике.

– Да-да, пожалуйста, Мумин! – обрадовалась Лика. – Здесь столько непонятных блюд! А запах! Просто божественный!

– А вон там европейский стол...

– Нет, хочу здесь.

– Ну хорошо...

Арслан наблюдал за ними в отражении большого зеркала. Те не замечали его, ходили, выбирали блюда, о чём-то весело болтали, переглядывались, будто знали друг друга целую вечность. Арслан давно не видел внучку такой спокойной, раскованной.

Они спустились по широким ступенькам гостиницы.

Лика подставила утреннему солнцу лицо, зажмурилась.

– Как здорово! Не верится, что в Москве идет снег с дождём и надо надевать боты... Слушайте, а я ведь здесь и позагорать смогу!

– Сможете. Во дворе гостиницы бассейн, солярий, бар, есть фитнес-зал, тренажёры.

– Надо же быть такой недотёпой! Как же я не догадалась купальник-то захватить! – расстроилась Лика.

– Ноу проблем, купим! – со спокойной и уверенной улыбкой пообещал Мумин. – Пойдемте, машина на стоянке.

Стоянка была заполнена автомобилями.

– Ничего себе... – оглядываясь по сторонам, сказала Лика. – «Мерсы», «Тойёты», «Опели», даже «Лексус»... Дед, а ты мне рассказывал о каких-то верблюдах... дервишах... Обманщик!

– Были и дервиши, и верблюды, но сто лет назад, когда я был совсем маленьким...

Они подошли к серебристому «Ласетти». Мумин распахнул дверцы.

– Прошу, – широким жестом пригласил он гостей.

– Хочу впереди! Вы не против, Арслан Николаевич? – и, не дожидаясь ответа, Лика впорхнула на переднее сиденье.

Машина тронулась.

– Это наш знаменитый театр оперы и балета, – как заправский гид рассказывал Мумин. – Наш Большой театр. Недавно его отреставрировали. И приезжал сам премьер-министр Японии! А почему? Да потому, что это здание строили пленные японцы!

– А проектировал архитектор Шусев, – добавил Арслан.

– Шусев? Это не тот, что мавзолее соорудил? – спросила Лика.

– Тот самый... – сказал он почти с гордостью. – А в этом здании был когда-то имтехфак политеха, там учились очень симпатичные девушки. Слева – электроламповый завод. Мумин удивленно оглянулся на него, но промолчал.

«Ласетти» свернула налево. Потянулись совсем неизвестные для Арслана сооружения.

– Это – банк, – сообщил Мумин. – Сначала здесь располагался хокимият.

– Что такое хокимият? – спросила Лика – Интересная архитектура...

– Хокимият... Ну, раньше это называлось «горисполком».

Арслан молчал. Ждал появления сквера.

От ташкентских знакомых из фейсбука Арслан знал о вырубке столетних чинар в Сквере Революции, о возмущении жителей, о гневных письмах, о сноровисто-быстрой «зачистке» пышно-зеленого острова. Читал, как под визги бензопил, звонкого стука заточенных топоров падали с грохотом на красный песок деревья-великаны. Как под возмущенные крики горожан, под их осуждающими взглядами корчевали мощные корни молчаливые и безотказные крепыши.

Конечно, они понимали, что делают что-то не очень хорошее, и старались не встречаться с глазами плачущих горожан. Для них эти деревья были просто объектом, обычным заданием хмурого прораба и крикливых бригадиров. И мысль о том, что щедрая оплата будет сдельной, «по результату», торопила этих мускулистых парней из провинции. А для тех, кто стоял за гранитным забором сквера, эти восточные красавцы платаны – чинары были частью жизни, причем её самой лучшей – детством и юностью.

Хотя Арслан был готов ко всему, но ещё при подъезде к скверу что-то внутри заныло, стало трудно дышать. Он знал, что не увидит пышно-зеленого острова – сквера, видного со всех сторон.

И вот он... Без могучих столетних чинар... Какой-то чужой, незнакомый. Чистенький, вылизанный, ровно расчерченный. Роскошный и скудно-плоский. Пустынный и равнодушный...

– А это наши куранты... – произнес Мумин.

– А почему двое одинаковых? – спросила Лика.

– А потому что кто-то подумал: куранты – значит много! – засмеялся Мумин. – И построили ещё одни куранты... Теперь всё как полагается... Ку-ран-ты!

– Мумин, а можно прокатиться по кругу? – попросил Арслан.

– Почему нельзя? А это здание Форумов... Редко, но здесь дают концерты разные знаменитости. Я был только на Иглесиасе... – продолжал рассказывать Мумин. – Ну а это гостиница «Узбекистан»...

– Можно остановиться – хочу сфотографировать, – попросила Лика.

– Я отдельно вас покатаю, покажу Ташкент... А сейчас нет времени... – и машина покатила дальше по кругу. – Вот музей Амира Темура... В сквере памятник ему... Справа – кафе «Уголок». Очень вкусные цыплята-табака тут. А здесь, говорят, была когда-то гимназия...

Арслан не слышал голоса Мумина. Он не мог отвести взгляда от сквера. Вернее, от того, что от него осталось.

– Красивое место, – произнесла Лика. – Обязательно здесь сфоткаемся. На фоне памятника.

Арслан удивленно посмотрел на Лику.

– Тебе что, нравится... это?

– Ну да... простор какой-то, воздух, небо видно... Только вот безлюдно почему-то...

– Здесь у нас посадили каштаны и ёлки. Думаю, когда подрастут, вид будет неплохой. Надо немного подождать... Лет двадцать. Я в Киеве видел, как цветут каштаны... Здорово! А запах – изумительный!

– Значит, и тебе нравится? – задумчиво спросил Арслан.

– Как вам сказать, Арслан-ака... – пожал плечами Мумин. – От нас это не зависело, – он помолчал, потом грустно добавил: – Мама плакала, когда рубили эти деревья... Говорят, они были совершенно здоровыми... И большинству из них за сто... А ещё мама рассказывала, что они с папой встречались здесь, гуляли.

Машина снова выехала к Курантам. Под ними назначались свидания тысяч влюбленных ташкентцев. И когда Арслан спросил у Стеллы, где им лучше встретиться в субботу, она спокойно ответила: «Как где? Конечно у Курантов, в шесть вечера!»

А потом они ели из вазочек разноцветные шарики пломбира с орешками в кафе «Лотос». А под вечер пили с друзьями «Баян-Ширей», хохотали над анекдотами, закусывали вино солёным миндалём в шумном, переполненном людьми стеклянном кафе. Оно называлось «Дружба»...

...Купив два букета осенних хризантем на цветочном базарчике у ворот «Боткинского» кладбища, они направились через дорогу на «Коммунистическое». Всё здесь изменилось. До неузнаваемости.

Минут двадцать они бродили между беспорядочно расположенными оградками со старыми потемневшими надгробиями, новыми мраморными памятниками. Возвращались, как в заколдованном лабиринте, в одно и то же место. «Заблудился!» – мелькнула неприятная мысль. И именно в этот момент Арслан, наконец, увидел, родительские могилы.

Два одинаковых памятника из бетона с мраморной крошкой с фотографиями на эмали. Надписи с остатками бронзовки под золото: «Хадича Назарова-Ромирес – 1927–1989», «Николло Ромирес – 1926–1956». Внизу – надпись по-испански: «Nicollo Romires» и пятиконечная звезда с остатками красной масляной краски.

– А она была красивой... – задумчиво сказала Лика, разглядывая выцветшую фотографию. – На мадонну похожа. И папа тоже симпатичный...

– На Гарсия Лорку похож, – произнес Мумин.

Лика удивленно посмотрела на него.

Дикий плющ обвил оба памятника. Калитка поржавевшей ограды висела на одной петле, площадка была усыпана многолетним слоем опавшей листвы. Лика положила хризантемы на могилы.

Фотография мамы выцвела почему-то больше, чем фото отца. Этот снимок Арслан отдал мастеру в ритуальной мастерской при кладбище. Там, среди пыльных инструментов, резцов, молотков и стамесок, между кусками мрамора, фотография пропала. Такой у Арслана больше не было. Остался коленкорový альбом со снимками разных лет, вырезки из газет, диплом со знаменами «Передовику медицинского обслуживания медсестре 17 горбольницы Хадиче Назаровой-Ромирес». Арслан услышал вдруг тихий голос мамы: «Сынок... Положишь меня рядом с папой. Дай слово...»

К горлу подступил комок.

Арслан отвернулся, чтобы не видели его слез.

Лица обняла его за плечи. Вытерла ему глаза платком.

– Дед... Возьми себя в руки...

– Всё будет в порядке, Арслан Николаевич, – сказал Мумин. – Найму людей.

Всё здесь почистят, покрасят.

Где-то недалеко играла шемящую траурную мелодию одинокая труба.

– Что-то я устал, – сказал Арслан. – Посидим немного?

Они присели на скамейку.

Подшел трубач, молча стянул с головы мятую кепку. Мумин положил в неё деньги.

Трубач заиграл, прикрывая трубу ладонью, как сурдинкой.

Они молча сидели на старой, потемневшей от времени скамейке среди багряных осенних деревьев, среди разнообразных надгробий. Богатых и скромных, больших и маленьких. С пятиконечными красными звездами, с христианскими крестами, с мусульманскими полумесяцами, со звездами Соломона.

Мумин посмотрел на часы.

– Нам идти, надо успеть к открытию.

...К недавно отреставрированному зданию института подъезжали машины с гостями, участниками юбилейной конференции. Друзья, коллеги, много лет не видевшие друг друга, радостно обнимались, перекидывались шутками, касавшимися большей частью возраста, седины или образовавшихся лысин.

Сцена актового зала была оформлена логотипом института и крупным золотым текстом: «Узбекскому Республиканскому научно-исследовательскому институту геологии и природных ресурсов – 80 лет!»

Конференцию торжественно открыл академик Шакиров. Затем пошли приветственные речи, поздравления. Когда стали зачитывать научные доклады и сообщения, Лица тихонько подошла к Арслану, шепотом сказала:

– Дед, мы с Мумином погуляем. Посмотрим город, на базар сходим... Хорошо?

– Конечно, девочка... – улыбнулся Арслан.

Кто-то что-то говорил с трибуны, кто-то аплодировал. Но Арслан ничего этого не слышал.

Опять больно кольнуло сердце.

Память рванула назад, в декабрь 85-го года. Свежевыпавший снег приятно хрустел под ногами. Уже стояли на московских площадях нарядные ёлки, уже были полны покупателями гастрономы и универмаги. Предновогодняя суета набирала обороты. Люди хватали всё, что было на прилавках: дефицитные деликатесы, шпроты, копченую колбасу, мандарины и яблоки. Подарки для близких и любимых.

Потом он ехал в переполненном вагоне метро до «Марксистской», где располагался головной институт и где ему предстояла апробация диссертации.

Он вошел в приемную. Девушки украшали комнату гирляндами, нитками с нанизанными на них кусочками ваты, снежинками. На полу лежал гуашевый транспарант: «С Новым, 1986, годом!»

– Скажите, как мне найти товарища Красникова?

Секретарша, стоявшая на стремянке, пылливо посмотрела на него сверху:

– Красникова? А зачем он вам?

– Я из Ташкента, по поводу апробации...

– А, вы, наверное, Ромирес?

– Да...

– Все защиты и апробации переносятся на январь. Я звонила на Рязанку.

Комендант обещала сообщить вам. Номер вашей комнаты 423, так?

– Так... Но я не ночевал в общежитии, – растерянно произнес Арслан.

– Товарищ Красников и ещё три члена ВАКа болеют. Грипп в Москве.

– Так что же мне делать? У меня билет на четверг...

– Ну, это уже ваши проблемы, дорогой товарищ, – секретарша спустилась вниз. – Я могу продлить вам общежитие.

– Дело не в общежитии, – Арслан задумался: – Второй раз мне командировку не выпишут...

– Так оставайтесь! – весело предложила девушка. – Встретите Новый год в Москве!

Арслан добрался до Центрального телеграфа на Горького. Поднялся по ступенькам. Рабочие укрепляли на фасаде старого здания со знаменитым глобусом металлическую конструкцию с надписью «С Новым годом!» из разноцветных лампочек.

Зашел в зал междугородней связи, подошел к вырезанному в стекле окошечку.

– Мне Ташкент, по три минуты, – он протянул бумажку с тремя номерами телефонов, – домой, маме, Стелле и в приемную директора института.

– Ждите, – девушка в красном колпачке Санта Клауса улыбнулась: – С наступающим!

– Вас тоже, – ответил Арслан.

Гулко раздавалось в зале: «Магнитогорск, пятая кабина... Кто ждет Тбилиси – зайдите в восьмую кабину...» Наконец, долгожданное «Ташкент на связи. Вторая кабина...»

Мама спокойно выслушала его.

– Раз надо, оставайся, сынок. Не трать деньги на гостиницу зря. Запиши адрес... Солнечногорск, улица «Лесные поляны», дом четыре, квартира три. Полина Степановна Кашина. Это моя подруга. Поживешь у неё. Она тебя примет как родного. С пенсии я пошлю тебе немного, рублей пятнадцать. Ну всё, целую тебя, сынок...

– Мам, не надо денег, – сказал было Арслан, но уже зазвучали короткие гудки отбоя.

Арслан вышел из кабины.

– Второй телефон не отвечает... – сообщила телефонистка. – Попробуем третий. – Алло, алло, Москва на проводе. Молодой человек, пройдите в шестую кабину...

Арслан прикрыл за собой дверь, снял трубку.

– Алло, Карина? Это я, Ромирес... Привет! Соедини меня с Аскарком Холматовичем...

– Ой, Арслан Николаевич! Добрый день! – кричала в трубку секретарша директора. – Аскар Холматович в главке. Но он всё знает... К нам звонили. Жаль, что апробация отложена. Но ничего страшного, Аскар Холматович приказал выписать вам материальную помощь сорок рублей, с авансом перешлем на К-9 до востребования. Только пошлите телеграмму с заявлением на отпуск без содержания. И с наступающим вас, Арслан Николаевич! Привет Москве!

– Спасибо, Карина...

Центральный телеграф, К-9, был своеобразным клубом, Меккой командировочных или просто приехавших «в Москву, разгонять тоску». Здесь можно было встретить земляка или старого знакомого, которого не видел сто двадцать лет... Междугородка плюс окошечки «До востребования» в операционном зале в те времена были единственным способом общения тех, у кого не было определенного адреса. А ещё эта славная система «до востребования» позволяла тайно общаться любовникам-москвичам... Была ещё одна «точка» –

«Главпочтамт» на Кирова, но всех почему-то тянуло именно сюда, на К-9.

– Ташкент на проводе! – раздалось в динамике. – Молодой человек! Пятая кабина. Но предупреждаю, что-то со связью. Помехи какие-то.

Арслан заскочил в кабину, торопливо снял с крючка эбонитовую трубку.

– Алло, Стелла! Слышишь? Алло! Тьфу... Что-то трешит... Алло, Стелла!

Внезапно треск прекратился. Спокойный голос Стеллы:

– Я тебя хорошо слышу, говори...

– Здравствуй...

– Здравствуй...

– С Новым годом...

– До Нового года ещё целая вечность... Ты там не мерзнешь?

– Да нет, все в порядке... Слушай, здесь такая история... Короче, мне надо остаться числа до шестого января...

Опять в трубке послышались треск, жужжание.

– Алло! Алло! – кричал Арслан в трубку. – Да что же это такое! Алло, Стелла!

К кабине подошел незнакомый человек в фуражке-аэродроме, по виду грузин, постучал в стекло:

– Эй, генацвале, что орешь, как ишак! Тут тоже люди есть!

Внезапно треск пропал. Почти чистый голос Стеллы:

– Я всё поняла, Арслан... Значит так судьбе нужно... – произнесла она и замолчала.

– Почему ты молчишь? Что ты сказала? Я не понял... – вновь закричал Арслан. Молчание. Только короткий всхлип.

– Алло, Стелла, ну что ты молчишь? Прошу, говори!

– Ты береги себя, не простудись, – и после паузы: – А за меня не беспокойся...

Я... – и опять, с новой силой в трубке что-то зажужжало, завершало, запикало.

Потом наступила тишина и раздался голос телефонистки:

– Связи с Ташкентом нет... Авария на линии... С вас рубль восемьдесят шесть.

Арслан оплатил переговоры, прошел в операционный зал.

Написал корявым пером телеграмму с заявлением по поводу отпуска. Спустился с крыльца, пошёл вверх по улице Горького. Его кто-то окликнул:

– Эй! Черная фуражка-душа нараспашку!

Арслан обернулся – и тут же его обступили четыре цыганки. У одной из них на руках был запеленатый младенец.

– Позолоти ручку, кавалер! Марго всё тебе расскажет! Что было, что есть, что будет... – зашептала самая старшая – большеглазая гадалка. – По глазам твоим скажу: сердце у тебя доброе, душа неиспачканная... Но плохо тебе сейчас! Ой как плохо!

Цыганки разом закивали, поддерживая старуху.

– Всё расскажу, всё поведаю, не пожалей пятерочки на хлеб-молочко для голодных деточек! – продолжала верешать цыганка.

Словно загипнотизированный, Арслан выташил из кармана синюю пятерку. Цыганка спрятала деньги меж грудей.

– Так вот, слушай, кареглазый, расставание у тебя будет печальное, но и встреча сладкая уготована! И лежать тебе на пуховых подушках, а рядом с тобой – красавица-душка! И берегись, когда ты меж небом и землей!

В этот момент из арки вышли два милиционера.

– Эй, гражданки, ну-ка, пошли отсюда, быстро! Сколько вам говорить?

Цыганки, оглядываясь и зло ворча, удалились.

– А вам, гражданин, не стыдно? – хмуро посмотрел на Арслана сержант. – Приличный с виду человек...

...Арслан с Ликой и Мумином вошли во двор института. Обед для гостей организовали во дворе. Участников юбилейного мероприятия приглашали к длинным, красиво сервированным столам.

– Вот здесь я работал когда-то, – задумчиво произнес Арслан, обращаясь к Лике. Ответа не последовало, и Арслан оглянулся. Рядом никого не было.

Лица и Мумин стояли в стороне, о чем-то весело болтая. Лица с удовольствием ела сочную грушу, смеялась. Мумин протянул ей платок, потом сам вытер сок на щеке девушки.

Неприятное чувство неприкаянности, одиночества среди толпы, какой-то ненужности охватило вдруг Арслана.

Почти автоматически он побрел в сторону курилки под старой акацией. Присел за самодельный шербатовый столик. В перерывах здесь курили, обменивались институтскими новостями и сплетнями, втихаря резались в карты – в буру или в секу, играли в нарды или стучали костяшками домино. Как давно это было. И как будто вчера.

Арслан огляделся.

Двор института был тем же, но очень изменился. Вот здесь был склад с оборудованием, в углу – лаборатория, за ней гараж с вечно распахнутыми воротами, чумазым механиком. Искореженные пыльные ГАЗики и ЗИЛы с открытыми капотами, которые давно надо было списать и отправить на переплавку, торчали здесь десятки лет – всё руки не доходили... Сейчас же ворота заперты, покрашены серебрянкой. Дорожки тщательно подметены, на цветочных клумбах, обложенных покрашенными известкой камнями, яркими пятнами виднелись цветы.

Знакомый волнующий запах заставил Арслана встать. Он заглянул за угол, за березовую занавеску. В этот момент усатый ошпоз в колпаке и халате «открывал» плов. Изумительный ароматный пар поднимался над большим казаном. Повар ловко орудовал капкиром – шумовкой, перемешивая рис с морковью. Куски мяса откладывал на доску для резки. Повар улыбнулся Арслану как хорошему знакомому: «Хорманг!» Арслан кивнул в ответ и вышел из импровизированной «кухни».

– Арслан! Где тебя носит? – Раджаб Шакиров и ещё два человека подошли к нему. Незнакомый лысый человек улыбнулся, обнял Арслана.

– Испанец, ты что, не узнал меня?

Арслан внимательно посмотрел на человека.

– Ну, представь, что у него не лысина, а кудри! – засмеялся Радж.

– Азнавур! Ты?

– Наконец-то! – хлопнул лысый Арслана по плечу. – Вазген Минасян собственной персоной! Как ты, Арслан, дорогой мой?

– Нормально, – улыбнулся Арслан.

Шакиров обнял старых друзей.

– Давайте за стол, ребята... Вечером, после банкета соберёмся старой компанией, попоем наши песни!

После обеда Арслан попросил отвезти его в гостиницу. Девушка на ресепшене, передавая электронные ключи, спросила, приглядевшись к нему:

– Вы не заболели?

– Нет, всё в порядке, – ответил Арслан, хотя боль в левой стороне груди усилилась, однако после некоторого замешательства все же спросил: – Нет ли у вас чего-нибудь от сердца?

– Вот, – протянула девушка ему блистер с таблетками валидола, – только это...

Лекарства, которые Арслан принимал уже лет десять, остались в сумочке Лики. А её всё не было. Арслан зашел в номер и только сейчас понял, как он устал. Вспомнил слова лечащего врача: «Арслан Николаевич, все ваши болячки

от нервов. Старайтесь избегать волнений, стрессов. А они могут происходить как от неприятностей, так и от чрезмерной радости...» Легко сказать! Как можно избавиться от собственных мыслей, от воспоминаний? От позднего раскаяния, от чувства вины и стыда, которое он испытал на кладбище? Или от встречи с друзьями, с которыми было столько связано?

Арслан положил таблетку валидола под язык, не раздеваясь лёг на кровать. Закрыв глаза.

«Стелла», – беззвучно произнесли губы.

...Шёл мелкий дождь вперемежку с ещё почти невидимыми снежинками. По шоссе, сопровождаемая гаишными «Жигулями», двигалась колонна ПАЗиков. Мимо проплывали черные поля с голыми кустиками гузапаи.

В автобусах ехал веселый народ. В основном молодые люди, сотрудники всяческих НИИ, проектных организаций, работники ЖЭКов и прочий люд. Задние сиденья автобусов были завалены раскладушками, матрасами, тюками, – тем скарбом, с которым каждый год тысячи горожан отправлялись на «битву» за хлопок. А сейчас было возвращение в стольный град, любимый Ташкент. И, опьяненные вином и радостью, МНСники, начинающие инженеры, методисты пели-орали песни, бренчали на гитарах.

В одном из автобусов расположились сотрудники института, в котором работал Арслан Ромирес. Вазген Минасян, он же Азнавурчик, покачиваясь на поворотах, пел блатную песенку, остальные пассажиры с воодушевлением подхватывали эковский хит.

Неожиданно колонна остановилась.

– Что случилось?

– Кто их знает!

– Может, назад поедем?

– Типун тебе на язык!

Дверь с шипением открылась. В автобус поднялся человек в длинном кожаном пальто, начальник штаба. Азнавурчик продолжил петь.

– Веселитесь?

– Что остается делать, Казимир Рудольфович? А что стоим? – спросил Минасян.

– У второго автобуса коробка передач медным тазом накрылась, – вздохнул человек. – Придется потесниться, ребята. Вот, доверяю вам, мои славные хлопкоробы, целый табун красавиц... Из строительно-проектного института... Эй, девчата, проходите.

Со смехом, шутками-прибаутками в салон одна за другой поднимались девушки. Со своими баулами, матрасами и раскладушками.

– Казимир Рудольфович! У нас и так тесно! Куда они прут?

– Ничего, потерпите! – отрезал Казимир Рудольфович. – Располагайтесь, дамы!

Вскоре вся задняя часть маленького ПАЗика заполнилась до потолка вещами. Девушки устраивались кто где. Девушка в голубой спортивной куртке растерянно оглядывалась по сторонам.

– Садитесь сюда, – Арслан подвинулся, показал на освободившийся пяточок у окна.

Девушка с трудом протиснулась, неловко плюхнулась, как-то бочком, рядом с Арсланом.

– Ой, извините... – улыбнулась она, внимательно посмотрев на него.

– Всё нормально... – Арслан вдруг закашлялся, отвернулся.

Автобус тронулся. На глубокой выбоине автобус дернулся. Девушка, сидевшая на краешке сиденья, по инерции подалась сначала назад, потом

вперед. На какое-то мгновение она невольно прижалась к Арслану. Этого было достаточно, чтобы ощутить изгиб её тела, плотную грудь. Смушенно посмотрев на Арслана, она отвернулась к окну.

В это время одна из девушек взяла гитару Азнавурчика. Запела сильным голосом: «Подайте мне гитару, Налейте мне вина!..» И женская компания дружно поддержала её.

Громкая песня, смех, гул автобуса – все звуки вдруг пропали для Арслана. Всё вдруг невероятно сжалось в этом крошечном уголке автобуса – только он и незнакомка. Она смотрела в окно. По её лицу в смутном отражении проплывали далекие огоньки, капли дождя сползали по стеклу. Арслан не в силах был отвести взгляда от неожиданной спутницы. Любовался мягким овалом её щеки, густыми ресницами, нежными завитками волос на тонкой шее. Он ощущал её запах, сотканный из аромата духов, разгоряченного тела и ещё чего-то трудно определимого.

Она протёрла запотевшее стекло и в четком, почти зеркальном, отражении Арслан увидел её глаза. Она смотрела на него неотрывно, с каким-то любопытством, улыбаясь уголками губ. Словно в каком-то волшебном коконе, они отгородились от окружающего их пьяного и шумного пространства автобуса.

Она сняла с рук шерстяные перчатки. Одна из них упала на мокрый пол.

Одновременно они наклонились, чтобы поднять в темноте перчатку. Их щеки соприкоснулись. И маленькая молния пронзила обоих. Арслан, нашарив перчатку, протянул девушке.

– Спасибо, – потирая щеку, виновато улыбнулась она. – Меня зовут Стелла. А вас?

– Арслан...

Много позже, почти год спустя, она призналась:

– Знаешь... Тогда, в автобусе, когда нас дернуло током, я испытала... – она смушенно замолчала. – Мне казалось, что вот-вот – и я упаду в обморок.

Боль, сильная, до сих пор незнакомая ему, поднялась откуда-то снизу, из живота. Заполнила всю грудную клетку. Перешла в левое плечо. Арслан застонал, с трудом поднялся в кровати. Поднял трубку телефона.

...Врач скорой помощи, приветливый молодой человек, сложил провода автономного аппарата ЭКГ в футляр, собрал свои вещи в походную аптечку.

– Арслан Николаевич, ничего страшного! Укол поможет. Вот пара таблеток на пока. А теперь ложитесь и отдохайте!

Арслан вынул из бумажника деньги, протянул врачу.

– Спасибо вам, – сказал он.

Врач кашлянул, оглянулся на дверь.

– Нет-нет... Что вы?.. Это лишнее... Это моя обязанность...

Арслан сунул купюру в нагрудный карман халата.

Врач, как бы не заметив этого, направился к выходу. В дверях добавил с улыбкой:

– И постарайтесь думать только о хорошем, Арслан-ака. Это всё нервы, нервы...

...На проходной Дома аспирантов Арслана остановила комендантша, полная, красивая – «кустодиевская» женщина, как он мысленно её назвал.

– Товарищ Ромирес, вам звонила женщина, просила связаться. Вот, – она вытащила из кармана клочок бумаги. – Мария... Позвоните ей по этому телефону.

Арслан набрал номер.

– Алло, Мария Кирилловна?

– Да, Лев Николаевич... Папа попросил разыскать вас. Ваша апробация переносится?

- Да, к сожалению.
- И что вы собираетесь делать?
- Придется ждать...
- Давайте встретимся. Где-нибудь в центре.

Они расположились на втором этаже кафе «Лира».

– Отец до вечера будет занят, – объясняла Мария, внимательно глядя на Арслана. – Просил переговорить с вами.

– Да, Мария, слушаю вас.

– Если вы решили остаться в Москве, он предлагает пожить на нашей даче. Она всё равно пустует. – Мария вытащила сигарету. – Там тепло, есть все условия, кухня. Телефон, телевизор, даже пишущая машинка... Это недалеко, платформа «Опалиха». От дачи до электрички пятнадцать минут быстрым шагом. Я сегодня свободна, могу отвезти вас туда.

– Да как-то неудобно... – Арслан шелкнул зажигалкой.

– Вы такой скромняга! – усмехнулась Мария. – Скромность, конечно, украшает мужчину... Когда в меру. Если вы согласны, то едем сейчас. Мне в шесть Леночку из сада надо будет забирать. Ну, решайте.

Не отводя глаз, она пристально смотрела на него. В этом прямом взгляде, в твёрдой интонации голоса был вызов.

– Мне надо сумку из гостиницы забрать...

– Это клоповник на Рязанском?

– Да...

Мария загасила сигарету.

– Едем!

Снег повалил крупными хлопьями. Дворники едва успевали смахивать его со стекла. Мария вела свою бежевую «шестёрку» уверенно, даже как-то агрессивно.

– Вы хорошо водите машину, – с уважением сказал Арслан.

– Жизнь заставляет... Дашь слабинку, так тебя в кювет столкнут, – она включила магнитола. – Обожаю Джо Дассена, а вам нравится?..

– Да, – сказал он, – нравится... Печка у вас отлично работает. Так тепло...

Мария снова взглянула на него, улыбнулась.

– Рада, что вам нравится, – тихо сказала она.

Арслан поднялся на этаж, зашел в комнату. Сосед по номеру, аспирант из сельхоза, возился с кипятильником. Арслан стал торопливо закидывать в сумку вещи.

– Арслан-ака, куда собрались? – удивился сосед. – На улице такая холодина! Что-то случилось?

– Всё в порядке, Шариф, – улыбнулся Арслан. – С Новым годом тебя!

«Кустодиевская» женщина приняла ключи от номера.

– У вас за трое суток вперёд оплачено, товариш Ромирес. Куда вы так торопитесь? – недоуменно спросила она, оценивая взглядом Марию.

– Переезжаю... – неопределенно ответил Арслан.

– С наступающим...

– И вас с Новым годом...

Преодолев несколько серьезных пробок, они выехали на Кольцевую.

Арлан рассказывал о себе, о маме, об отце.

– Я всё про себя да про себя, – сказал он, – а вы почему-то о себе ничего не рассказываете.

– Расскажу, – пообещала Мария. – Потом. Хотя вряд ли вам будет это интересно.

Проехали Красногорск, свернули с шоссе на заснеженные пустынные улочки дачного посёлка. Уже смеркалось.

Дача Двигубских располагалась на самом краю, вплотную к лесу. За забором деревянного дома темнели высокие сосны.

– Ну вот мы и приехали.

– Красивое место, – оценил Арслан, оглядываясь по сторонам.

– Я очень люблю нашу дачу, здесь так тихо, спокойно...

Замок на калитке замёрз, пришлось повозиться, разогревая его. В какое-то мгновение их лица оказались совсем близко. Падал и таял на щеках снег, огонь горящего бумажного жгута освещал лицо Марии неровным, дрожащим, светом. Неожиданно она нежно провела ладонью по лицу Арслана, но затем, приложив палец к губам, покачала головой.

Замок, наконец, открылся.

– Пойдемте, я вам всё покажу... – сказала она буднично, как будто не было только что этой секунды притяжения.

Мария провела его по уютным комнатам, обшитым «вагонкой», научила пользоваться газовой колонкой. Вытащила из платяного шкафа свежее бельё, постелила на пружинной кровати.

– Ну, пожалуй, я вам всё показала. Здесь за углом есть магазинчик, там можно купить хлеб, колбаску, сыр, пельмени, – сказала она, надевая куртку.

Арслан подошел к ней.

– Не надо меня провожать, – угадав намерение Арслана, возразила Мария. – Мне пора... – И уже в дверях добавила почти шепотом: – Я приду. Завтра.

В дверь постучали. Поднявшись, Арслан пошел открывать.

В комнату со свертками и пакетами вошли Лика и Мумин.

– Прости, дед! – виновато сказала Лика. – Мы так замотались! Но как интересно! Были на базаре в Старом городе, в двух музеях! Ели что-то невероятно вкусное! А Мумин – ходячая энциклопедия!.. – она хотела сказать ещё что-то, но осеклась на полуслове: – Что-то ты плоховато выглядишь, Лев Николаевич... Слушай, какая же я идиотка! Лекарства! Они у меня в сумке!

Она торопливо вытащила лекарства, налила воду в бокал.

– Ну не обижайся на меня... – Лика обняла Арслана, поцеловала его в щеку. – Я так больше не буду.

– В семь банкет, пора собираться, – напомнил Мумин.

Хлопнув Мумина по спине, Лика восхищенно затараторила:

– Представь, дед, какой он скромный, а лучше сказать, скрытный! «Шофер, гид»! А мы и уши развесили! Оказывается, этот обманщик учится и работает в Оксфорде! И знает пять языков! Полиглот!

– Не пять – четыре с половиной, японский только начал изучать, – с улыбкой поправил Мумин.

– А знаешь, как переводится имя Мумин? «Тихий, скромный»... Как точно подходит! Не в пример некоторым современным хамам и выскочкам! – Лика благодарно улыбнулась Мумину: – Спасибо за сегодняшний день!

Такой раскованной, весёлой, даже счастливой Арслан не видел внучку давно.

– Через полтора часа автобус будет ждать внизу, – уже в дверях предупредил Мумин. – Встретимся в ресторане.

– Мама оказалась права, – разбирая гардероб, заключила Лика. – Хорошо, что захватила то бордовое платье. Хочу выглядеть сегодня классически, с кандибобером!..

– Что? – не понял Арслан.

– Ну, комифо! Вы не против, Лев Николаевич?

Через час она вышла из своей комнаты. Брючки и пеструю кофточку она сменила на элегантное платье, кроссовки – на изящные туфельки на шпильке под цвет платья.

На плечи накинула шаль. Сделала легкий макияж и распушила волосы.

- Ну, что скажете, испанец? Как тебя зовет твой друг...
- Слов нет, – развел руками Арслан и поцеловал внучку в лоб.
- Эй, осторожней! Прическу испортишь!

Устроители юбилея постарались всё организовать на самом высоком уровне.

– Проходите, гости дорогие! Добро пожаловать! – приглашал Раджаб Турабович, приложив руку к сердцу.

Заметив Арслана и Лику, подошёл, с восхищением развел руками, взглянув на девушку:

– Красавица! Сегодня вы будете королевой бала!

Отведя Арслана в сторону, посетовал:

– Никак не пообщаемся, брат! После банкета соберёмся вместе. Мы с ребятами уже договорились. Может быть, даже у тебя, в твоём люксе... Не против?

– О чем речь, бродяга?! – пожал плечами Арслан.

Увидев кого-то, Шакиров извинился и пошел к новому гостю.

Подошел Мумин. Он тоже был в вечернем костюме с яркой бабочкой на шее. Изумленно оглядел Лику.

– Не узнал вас!

– Богатой буду, – отшутилась она.

– Проходите, Анжела, наш стол номер четыре.

Они прошли в зал. Лика остановилась в восхищении: золотая лепнина по стенам, огромные зеркала, шелковые портьеры на высоких окнах, гигантские хрустальные люстры, богато сервированные круглые столы...

– Офигенно! – произнесла она, оглядывая быющую через край роскошь.

Вышколенные официанты бесшумно сносили с подносами по залу. Ненавязчиво играла музыка.

Они сели за стол. Лика вытащила из сумочки лекарства.

– Так... Вот эту – первой... Потом вот эту, маленькую, таблеточку, – она заглянула в шпаргалку: – А после неё вот эту... Так... Читаю дальше... «Нельзя – солёное, копчёное, жирное, сладкое. Алкоголь исключить!» – Она провела ладонью по руке Арслана. – Строгая же у тебя жена, Лев Николаевич!

...Новый, 1986-ой, год Арслан встречал в семье Двигубских. Для праздничного стола решили сделать плов.

Днём Арслан с Марией съездили на Даниловский рынок, купили всё, что нужно для плова.

– Хочу научиться делать плов! – заявила Мария.

– Молодец, доченька! Как сказал Владимир Ильич: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!»

Мария не отходила от Арслана, помогала ему, нарезала лук, чистила рис. В паузах они переглядывались. Лена, мешая их тайным знакам, крутилась на кухне, поглядывая то на Арслана, то на маму.

Аля, Кирилл Филиппович и Ольга Сергеевна раздвинули большой стол в гостиной, постелили белоснежную скатерть, сервировали по-праздничному.

Аля не изменяла традиционному новогоднему меню: салат оливье, винегрет, селёдка «под шубой», соленья, мясное ассорти и конечно же холодец. В хрустальном графинчике – водка, полбутылки армянского коньяка, бутылка «Советского шампанского», «Мукузани» и домашний компот.

По телевизору, как обычно под Новый год, шла комедия «Ирония судьбы, или С легким паром». Но никто не смотрел на экран.

Все ждали плов, вдыхая аромат, доносившийся из кухни.

Арслан редко делал плов, и, если сказать честно, не всегда он у него получался. Но в тот последний вечер уходящего восьмидесят пятого плов получился на славу.

Под одобрительные возгласы домашних Мария поставила дымящееся блюдо в центр стола.

– Присаживайтесь, Арслан Николаевич... Машенька, а ты рядом, – лукаво улыбаясь, произнесла Алевтина.

Арслан и Мария оказались рядом в торце стола.

– Как вкусно! – первой похвалила Ольга Сергеевна.

– Я бы на месте ЮНЕСКО включил это блюдо в шедевры мировой цивилизации! – заявил Кирилл Филиппович. – Предлагаю тост за нашего гостя, по соместительству – повара, Арслана Николаевича! Ура!

– И за маму! – капризно добавила Лена. – Она же помогала!

За окном то и дело взмывали в темное небо одиночные ракеты, вспыхивали огни фейерверков.

...Банкет, как это обычно бывает, начался несколько чопорно, официально. Говорили длинные тосты, потом кого-то награждали, потом концерт. Но постепенно атмосфера становилась тёплой, дружеской. То за одним столом, то за другим раздавались смех, дружные возгласы.

Официанты – юркие парни в бабочках и расшитых жилетках – незаметно разливали в рюмки водку, в бокалы – вино.

– А сейчас хочу предоставить слово нашему гостю из Москвы, доктору наук, профессору Арслану Николаевичу Ромиресу. Его научная карьера начиналась в стенах нашего института, – Раджаб Шакиров передал микрофон растерявшемуся Арслану.

– Добрый вечер, господа... – произнёс Арслан и, чувствуя собственную фальшь и банальность, закашлялся. – Товарищи...

В горле вдруг пересохло, и он замолчал.

– Давай, не киксуй, – шепнула Лика и протянула ему фужер с водой. Арслан сделал глоток.

– Во-первых, друзья, разрешите поблагодарить за приглашение... – преодолевая растерянность, произнес Арслан. – Я долго не был здесь. За эти годы многое изменилось. Нет той страны, в которой мы жили. Изменился даже строй. Но существует память. И она возвращает нас в прошлое. В те годы, которые для многих из нас были самыми лучшими...

Он замолчал надолго, затем продолжил. Говорил медленно, с большими паузами. В празднуемом зале стало тихо. Лика внимательно смотрела на деда. Таким его она никогда не видела.

– Потому что это были наши детство и юность. Это был наш институт, наши преподаватели... А ведь многие здесь помнят, когда праздновали пятидесятилетие института... И это не забыть. Как ласковые руки матери... Как первую любовь, как первый поцелуй...

От спазма перехватило горло. Вздох, больше похожий на всхлип, прозвучал в мощных динамиках.

– Простите... – извинился Арслан. Вдруг его качнуло.

– Что с тобой? – вскрикнула Лика, подхватив его, опускающегося на стул.

– Сейчас... Сейчас всё пройдет... – виновато улыбаясь, прошептал Арслан. Лицо стало серым, губы дрожали, на лбу появились бисеринки пота.

Весь зал смотрел на него. Кто с удивлением, кто с сочувствием, а кто с равнодушной улыбкой.

– Ему надо на свежий воздух, – Лика умоляюще посмотрела на Мумина. – Помоги...

Взяв Арслана под руки, Мумин и Лика повели его к выходу.

Кто-то негромко спросил:

– Что это с ним?

– Наверное, выпил лишнего... – ответил другой. – В таком возрасте пить...

– Да не пил он, – перебил его третий.

Подошел Раджаб Турабович.

– Может, скорую вызвать? – с тревогой спросил он.

– Не стоит, Радж, сейчас пройдет... – через силу произнёс Арслан. – Отвезите меня в гостиницу, – попросил он, – мне и в самом деле надо отдохнуть.

Через минуту машина везла Арслана Николаевича и Лику в гостиницу.

...По совету Кирилла Филипповича Арслан с большим удовольствием сокращал в преамбуле своей диссертации цитаты из выступлений на разных партийных пленумах и съездах. Аprobацию назначили на восьмое января. Шесть дней, почти неделя. «Может быть, это и к лучшему, что аprobация перенесена?» – думал он, перечитывая вступительную часть. Без sacramентальных заклинаний типа «Руководствуясь мудрыми решениями Центрального Комитета и указаниями Генерального Секретаря...» работа становилась чище, яснее, легче.

Арслан смотрел вечерние новости, когда послышался стук в калитку. Он накинул на плечи куртку и вышел во двор. Издали в темноте узнал бежевую «шестерку». У калитки стояла Мария.

– Привет затворникам! – сказала она весело. – Гостей принимаете?

– Принимаем! – в тон ей ответил Арслан.

Он открыл калитку. Она по-своейски чмокнула его в щёку и прошла в дом.

Раздевшись в прихожей, Мария вошла в комнату.

– Хорошо как, тепло... Едой пахнет... Ну, как у вас дела?

– Работаю. Остались дополнения в четвертой части... А как Ольга Сергеевна, Кирилл Филиппович?

– Как всегда, – лениво отмахнулась Мария.

– Хотите есть?

– Хочу... – подойдя к нему, Мария встала на цыпочки, сомкнула руки на шее и поцеловала в губы, крепко и нежно.

Потянувшись к выключателю – свет в комнате погас. Только из окон лился голубой отсвет сугробов.

– Какой же ты дурачок... – шептала она, продолжая жадно целовать. – Такой недогадливый!

Арслан поднял её на руки, толкнул ногой дверь в спальню...

...Аprobация прошла на «отлично». Все, кроме одного желчного члена ВАКа, хвалили диссертацию.

– Товарищи, я уверен, что эта кандидатская диссертация при определенной доработке, углублении поставленных проблем, возможности использования важных исследований на Тозкайнаре сможет в будущем превратиться в добротную докторскую, – говорил Двигубский на обсуждении. – Я буду просить узбекский филиал головного института командировать товарища Ромиреса в наш институт для дальнейшей работы над этой очень важной темой.

В зале заплодировали.

На Старый Новый год Арслан прилетел в Ташкент.

Хотел было, как обычно, заехать сначала к Стелле. Но потом раздумал. Слишком тяжелым обещал быть разговор. К тому же он так и не научился лгать.

Из аэропорта поехал прямо домой. Рассказал обо всех московских перипетиях маме. Первым делом она отругала сына за то, что он не съездил в Солнечногорск к её «душевной подруге».

– Так и быть, скажу тебе по секрету, Поля Кашина была влюблена в твоего папу по уши. Ах, как она ревновала! Целыми ночами плакала. Но потом, после свадьбы, мы с ней подружились и обшались до самого её отъезда.

– Мама, я обязательно навещу тётю Полю, честное пионерское! Но как насчет предложения перейти в головной институт в Москве?

– Знаешь, Арслан, есть такая притча: птица счастья пролетает возле человека трижды. Надо только успеть выдернуть всего одно перо, – сказала мама. – Быть под опекой такого известного человека, как Двигубский, – твой шанс.

– Но как вы... одна?.. – Арслан знал, что здоровье матери в последний год заметно пошатнулось. Выручала её детдомовская закалка, да и тяжелые военные годы научили не расслабляться.

– Как-нибудь справлюсь, наша порода крепкая! – излишне бодро улыбнулась мама, а потом вздохнула: – Я верю, что папа смотрит на тебя сверху и очень радуется твоим успехам. Так что езжай, сынок, и не сомневайся.

Арслан обнял мать и заплакал у неё на плече.

– Спасибо, мама... – благодарно прошептал он.

Аскар Холматович ходил взад-вперёд по кабинету и раздраженно говорил:

– Узнаю Кирилла Филипповича! Любит он сливки снимать! «Он создаст все условия для работы!» Ему легко: кто может что-нибудь вякнуть против его авторитета? Нет таких! – он присел к Арслану: – Слушай, Арсланчик, хотя бы кандидатская будет на нашем счету?

– Конечно... – Арслан сидел, опустив голову.

– Ладно... Как говорится, чему быть, того не миновать... Но ты не забывай про нас! – и, оправившись от неожиданной малоприятной новости, требовательно уже произнес: – И попроси, чтобы Двигубский похлопотал о новом оборудовании для лаборатории. Полгода на письмо нет ответа!

– Хорошо, Аскар Холматович...

...Арслан и Лика вошли в свой номер.

Сняв пиджак и расслабив галстук, Арслан опустился в кресло.

– Как ты себя чувствуешь? – обняла его Лика.

– Ты знаешь, мне кажется, всё прошло... Только пить хочется.

Лика открыла бутылку минералки, налила в стакан.

– Вот, выпей...

– Как-то неловко получилось, – грустно отметил Арслан. – Честно сказать, я не был готов. Зря Радж дал мне слово. Ерунду несусветную начал нести... Как будто бредил. Наверное, было смешно, да?

– Неправда, – строго сказала Лика, – ты очень хорошо сказал. Даже слишком. Просто это было не в том месте и не в то время... Перестань себя мучить. И вообще, тебе надо отдохнуть. Поспать.

Лика ушла в свою комнату переодеться.

Арслан подошел к окну. Ночной город жил своей жизнью.

Через некоторое время Лика вышла в своей обычной одежде. Потёрла голые ступни.

– И как они носят эти шпильки целыми днями? – проворчала она. – Ноги просто гудят...

Зазвонил телефон.

Ли́ка подняла трубку.

– Да... Доехали... Всё нормально, Раджаб Турабович... Он хорошо себя чувствует. Правда. Просто переволновался немного. Деда, тебя...

Арслан взял трубку.

– Да-да, Радж, слушаю тебя. Какие могут быть планы? На боковую и спать. Спасибо за вечер. Не кончился? – Арслан улыбнулся. – Вот неугомонные! Когда? Ну хорошо, подождём, – он положил трубку на рычаг.

Ли́ка посмотрела вопросительно.

– Через полчаса к нам гости пожалуют... – виновато произнес Арслан.

...После разговора с директором института Арслан купил любимого вина Стеллы, потом поехал на Алайский базар, в цветочном ряду выбрал букет роз. Пешком пошёл на Былбаса. Всю дорогу мучительно думал, с чего начать разговор.

Поднявшись по лестнице, постучал.

Стелла показалась в дверях.

– Здравствуй... – протянул он ей цветы.

– С приездом, – приняв букет, ответила она.

Арслан потянулся для поцелуя, но она увернулась.

– Не надо, соседи увидят. Проходи.

Арслан вошел в комнату. Ему показалось, что она стала как будто меньше. И потолок ниже. И окна уже. И старый абажур не выглядел так уютно, как прежде.

– Поешь? – предложила Стелла. – Решила вчера побаловать себя, купила мяса, нажарила телячьих отбивных... На гарнир картошка фри.

Арслан поставил на стол вино.

– Встретим Старый Новый год, – хотел сказать он весело, но не получилось.

– Встретим... – внимательно посмотрела на него Стелла.

Арслан хотел было её обнять. Но Стелла снова увернулась и отошла к плите.

– Я котлеты подогрею... – сказала сухо и буднично. – А ты хлеба нарежь.

– Что с тобой?

– Со мной? Ничего. А с тобой?

Арслан промолчал, только почувствовал, как начинают гореть щёки.

– Мне предложили работать в Москве, – сообщил он негромко.

– Это здорово, – произнесла она дрожащим голосом. – Значит, тебя ценят и уважают. А ты и вправду достоин этого. Ты... Ты очень хороший...

В глазах блеснули слёзы, не удержавшись, она громко всхлипнула. И вдруг всем телом прильнула к Арслану. Обняла и стала целовать – глаза, губы, шрам над бровью. Сквозь сдавленные рыдания он слышал её неразборчивый шепот: «Люблю... люблю тебя... Мой сильный, мой гладиатор!..»

«Гладиатором» она стала называть его после аварии, когда Арслана привезли в Ташкент, в травматологию ТашМИ. Стелла ухаживала за ним, кормила, поила, переворачивала, чтобы не было пролежней, приносила и уносила утку, обтирала мокрой простыней. Старшая медсестра лстиво хвалила её: «Вот, понимаю, жена как жена!»

А когда в палате никого не было, Стелла гладила его заживающий шрам и смеялась: «Этот шрам очень идет тебе! С ним ты похож на римского гладиатора, победившего дикого вепря!»

...Они лежали, утомленные, уставшие от переполнявшего их мучительного предчувствия неумолимого расставания. От счастья только что пробежавшей молнии близости. От наступающих боли и горя.

– Помнишь, я когда-то говорила тебе, что именно так и случится... Ты скажешь мне «Прощай!»... – шептала Стелла. – А ты не верил...

Постепенно она успокоилась, голос перестал дрожать. Взяв с тумбочки небольшой томик, произнесла:

– Вот, послушай, путешественник:

...Дом снесли, но светятся сквозь ветки

В переулке два родных окна.

Светятся безропотно, устало.

Ждут меня, не гаснут на весу.

Где б меня по свету ни мотало,

Умирать сюда я приползу.

– Здорово? Это новые стихи Саши Файнберга. Мы учились с ним в одной школе, в «полтиннике». Только он был на три года старше.

Потом они, голодные, с аппетитом ели мясо, пили вино, смеялись. И снова эта бедная комнатка в мансарде старого ташкентского дома казалась Арслану волшебной каютой какого-то огромного корабля, уносившего их за голубой горизонт...

...В номер ввалилась шумная компания. В руках – бутылки, пакеты с закуской.

Седые профессора, серьезные академики стали вдруг мальчишками. Лица с восторгом смотрели на них, вдруг помолодевших, отчаянных и хулиганистых.

Первым, возглавляя веселую компанию, в люкс вошел с гитарой наперевес Вазген Минасян, «Азнавурчик», запевая:

– Подайте мне гитару,

Налейте мне вина,

Подайте мне мальчонку,

В кого я влюблена!

И все подхватили:

– Эх, на-ни-на-на-ни-на!

Эх, на-ни-на-на-ни-на!

Потом о чем-то спорили, что-то выясняли... Усевшись на ковре, снова пели нестройным хором: «Давайте восклицать, друг другом восхищаться...», затем последовали «Синий троллейбус», «Возьмемся за руки друзья» и другие популярные в пору их молодости бардовские хиты.

Лица обняла Арслана.

– Я так завидую вам! Вы какие-то особенные!

Утром следующего дня гостей юбилейных торжеств отправляли скоростным поездом в Самарканд.

– Я, наверное, останусь, – сказал Арслан Лике.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет-нет... Просто у меня здесь образовались дела.

– А ты не обидишься, если я поеду со всеми, – умоляюще посмотрела Лика в глаза Арслана. – Только по чесноку!

– Не понял...

– Ну, по-честному...

– Откуда у тебя эти словечки? – улыбнулся Арслан. – Если «по чесноку», то «шнурок» не обидится, а даже будет рад. Так что езжай спокойно.

– Мумин говорит, что это будет очень интересно... – говорила она, собирая сумку. – Лекарства на столике. Не забывай пить по графику бабули Маши.

Нежно поцеловав деда в нос, она упорхнула.

Арслан подошел к окну. Сверху было видно, как сопровождающие торопили гостей, приглашая их в автобус. На широких ступеньках, беспокояно оглядываясь по сторонам, показалась Лика. К ней подбежал запыхавшийся Мумин с дорожной сумкой и цветами. Они зашли за автобус, думая, что никто их не видит... Лика смеялась, тормозила волосы Мумина. Да и он выглядел счастливым.

Арслан грустно улыбнулся.

...В начале марта 1986 года Арслан вылетел в Москву. Устроился для начала в Доме аспирантов, затем позвонил Двигубским.

Трубку взяла Мария.

– Ты? – в голосе её была радость. – Не поверишь, но я успела соскучиться... Правда-правда... Когда придёшь?

– Завтра, Маша. Мама очень просила меня заехать в Солнечногорск, к её подруге. Не хочу оставлять это на потом.

– Хорошо, – согласилась Мария и после небольшой паузы добавила: – Отец хочет с тобой серьезно поговорить. Не знаю, по твоей диссертации, кажется... От Леночки тебе привет... Она тут для тебя какой-то рисунок нарисовала... Ну ладно, до встречи!

Захватив мамин подарок – отрез хан-атласа, два патыра, по полкило кишмиша и кураги – и длинное письмо, Арслан сел в полупустую электричку на Ленинградском вокзале.

На платформе «Подсолнечная» вышел на площадь, подошёл к частнику-бомбиле на красном «Москвиче».

– До Солнечногорска довезёте? Улица «Лесные поляны», дом четыре.

– Знаю я этот барак, – включая зажигание, произнёс водитель. – Всё никак не снесут эти халупы... Мишка всё с водкой воюет, про перестройку поёт, козел пятнистый, а построить нормальное жильё для людей не может...

Водитель знал, что говорил. Двухэтажное деревянное строение когда-то было оштукатурено, но сейчас штукатурка виднелась кое-где бесформенными островками на крестообразной дранке из черных реек.

Арслан постучал в дверь, обитую рваной клеенкой, под номером три. На пороге появился мальчик лет семи.

– Здравствуйте. Вам кого?

– Мне Полину Степановну Кашину...

– Бабуля! К тебе тут какой-то мужик пришёл! – крикнул мальчик. – Вы пока проходите... Я сейчас приведу её... – и он убежал в темноту дома.

Арслан вошел в комнату. Огляделся. С потолка в тазики со звоном капала вода. Обои во многих местах отошли от тёмных деревянных стен. Стол, четыре табуретки, старый шкаф с какой-то посудой, фотографии в большой рамке, телевизор, прикрытый салфеткой, продавленный диван...

Через некоторое время мальчик вывел старую женщину, держа её за руку.

– Вот он тебя спрашивает... – подвел мальчик женщину к Арслану.

– Здравствуйте, Полина Степановна, – дрогнувшим голосом произнёс Арслан.

– Здравствуйте... А вы кто будете? Голос незнакомый...

Белёсые зрачки женщины смотрели куда-то мимо.

– Я... Меня зовут Арслан... Я сын Хадичи из Ташкента...

– Из Ташкента... – будто эхом отозвалась женщина.

– Да. Мама прислала вам кое-что... – стал он вытаскивать из пакета подарки.

– Что же мы стоим? Коленька, дай дяде стул... Вы садитесь...

Арслан сел за колченогий стол, женщина нащупала вторую табуретку, села напротив.

– Я не расслышала, извините... От кого, вы сказали?

– От Хадичи Назаровой. Вы работали вместе в детдоме.

– Так вы сын Хадичи! – воскликнула женщина. – И сын Николая?

– Да... Фамилия моя Ромирес...

Женщина приблизилась к Арслану, провела сухими ладонями по его лицу.

– Вы похожи на своего папу... Точно, копия Николая... А что же у вас с бровью-то?

– Так, поранил...

– Коленька, ты собери что-нибудь на стол... – обратилась слепая к мальчику.

– Не надо, Полина Степановна, я сыт. Да и ехать мне надо, срочное дело. Вот, это отрез для вас... Тут кишмиш... И хлеб.

Полина взяла в руки лепёшку. Приблизила к лицу. Вдохнула глубоко.

И вдруг заплакала.

– Бабуль, ну что ты? – мальчик взял её за руку.

– Ташкент... – всхлинула она. – Знаешь, что это, Коленька?

– Конечно. Город такой есть, – буркнул мальчик, кусая янтарную курагу.

– Нет, мой мальчик, Ташкент – это рай на земле... – слёзы заструились по её лицу. – А как там Хадича, подруга моя душевная? Жива-здоровая?

– Да. Она вам и письмо написала... – Арслан вытащил из кармана конверт.

Зная расписание электричек, Арслан никуда не торопился, просто искал малейший повод, чтобы скорее уйти отсюда, и уже думал, что и как он будет потом рассказывать маме о Полине Степановне Кашиной.

В переполненном вагоне свободных мест не было. Он стоял в тамбуре, смотрел в окно. Снег до горизонта ещё покрывал пологие холмы, темнели островами лесные чаши, мелькали поселки, отдельные дома.

Вспомнился вдруг мамин бархатный альбом. На одной из фотографий на фоне ворот с надписью «Парк имени Тельмана» стояли в ряд молодой человек с шегольскими усиками – папа, девушка в платьице с плечиками, в белых носочках и туфлях с ремешком – мама, трехлетний малыш в украинской вышиванке – он, Арслан, и женщина с толстой косой, обернутой вокруг головы. Только сейчас Арслан понял, что эта улыбающаяся женщина и была Полиной Кашиной.

Уже стемнело, когда он вышел на Комсомольскую площадь. Бросил в шель автомата монетку.

– Алло, квартира Двигубских? Здравствуй, Леночка. А кто из взрослых рядом? Ну, дай трубку. Алло, Кирилл Филиппович, добрый вечер... Да, я в Москве. Прямо сейчас? Хорошо. Скоро буду.

Они сидели в кабинете. Кирилл Филиппович развернул газету «Правда».

– Вот, Арслан Николаевич, слушайте внимательно: «В условиях гласности необходимо учесть протесты широких кругов общественности, писателей, ученых, экологов. Необходимо изучить все аспекты этого проекта. Удивительно, что Минводхоз не смог представить убедительный ответ на жесткую и справедливую критику», – Двигубский отложил газету. – Как я и предполагал, они хотят похоронить проект. И, видимо, специальное постановление появится очень скоро...

– Значит, исследования Тозкайнарской пади станут никому не нужны? – задумчиво предположил Арслан.

– Мыслите в правильном направлении, молодой человек, – Кирилл Филиппович подошел к окну. – Но не всё так плохо. Я долго думал в ваше отсутствие. И понял: это очень хорошо, что вы переходите в головной институт. В Ташкенте вашу тему зарубили бы прямо сейчас. А здесь я, слава богу, имею какой-то вес.

В этот момент в дверь постучали.

– Да-да, войдите...

В кабинет вошла Мария.

– Папа, ужин остывает... Аля ругается.

– Через минутку мы выйдем, доченька.

Мария, обменявшись с Арсланом мимолетным взглядом, вышла за дверь.

– Так вот, теперь всё зависит от вас, Арслан Николаевич. В наикратчайшие сроки надо защитить диссертацию, тут же приступить к докторской и в ближайшее время представить заявку на тему.

– А это возможно? – неуверенно спросил Арслан.

– Возможно, – твердо произнес Двигубский. – Я буду защищать вашу работу как только смогу. Во-первых, потому что работа того достойна. Во-вторых... – он помолчал, – ладно, скажу без всяких политесов... Потому что я понял: мои симпатии к вам лично ничто по сравнению с теми чувствами, которые испытывает к вам Маша... Дочь мне всё рассказала. Вы догадываетесь, что она пережила тяжелую драму? Я просто боялся за её психику. Но всё изменилось, когда она познакомилась с вами... Думаю, что вы меня поняли...

– Да, Кирилл Филиппович...

– Но, главное, карьера требует определенных жертв. Особенно научная. Я прав? – Двигубский напряженно посмотрел на Арслана. Тот согласно кивнул. – Ну, а теперь за стол! Сегодня у нас рыбка. Это фирменное блюдо Алевтины, – приобнял он Арслана. – Идёмте.

Обещания Двигубского и его план, казавшийся авантюрным, воплощались в реальность. Уже в конце мая Арслан держал в руках жесткую корочку свидетельства кандидата геологических наук. В конце июня он подал заявку на защиту докторской диссертации. А в августе 1986 года вышло Постановление Совмина СССР и ЦК КПСС «О прекращении работ по переброске части стока северных и сибирских рек». Но принятую заявку уже никто не мог отменить. Да и тема теперь не была связана с «переброской» и называлась широко и неопределенно.

Арслану пришлось «пахать» днём и ночью. На даче, в библиотеке Министерства геологии и природных ресурсов, в Ленинке.

А в сентябре сыграли скромную свадьбу в загородном ресторане. На свадьбу из Ташкента приехали Хадича и Аскар Холматович.

...Арслан позавтракал в одиночестве. Потом спустился на первый этаж.

– Доброе утро, – сказал он знакомой девушке.

– Доброе, – ответила она. – А вы что, не поехали в Самарканд?

– Да... У меня тут одно дело. До отъезда надо успеть. Могу я заказать такси?

– Конечно, вам бизнес или эконоом?

– А какая разница?

– Бизнес будет чуть дороже, но и машина получше, почти лимузин, – улыбнулась девушка.

– Давайте «бизнес». Гулять так гулять...

– Я вам дам зонтик, дождь собирается.

Минут через пять девушка предупредила:

– У подъезда ждет «Шевроле-Каптива», госномер 194. Удачной поездки!

Арслан вышел на улицу. В этот момент налетел сильный порыв ветра, сорвав с деревьев желтые, багровые, красные листья. Они завертелись, закружились, падая на асфальт.

«Золотая пора золотого пера...» – вспомнил Арслан стихи, которые читала ему Стелла.

– Куда едем? – вежливо спросил водитель, молодой парень.

– На улицу Былбаса.

– Куда? – оглянулся водитель.

– Былбаса... Это за Алайским базаром... Там еще рядом конфетная фабрика...

Преодолевая недоумение, таксист решил:

– Поедем в сторону Алайского, а там покажете...

Машина тронулась.

По лобовому стеклу застучали первые капли дождя.

Проехали сквер, свернули на Энгельса.

– По-моему, нам сейчас направо, – неуверенно предположил Арслан.

«Каптивa» свернула с большой дороги и поехала по старым улицам.

Несмотря на работающие дворники, струи дождя заливали окна, существенно ухудшая видимость. Да и зрение у Арслана за последние годы село. Подавшись вперед, Арслан всматривался в проплывающие мимо дома.

Неожиданно он увидел покосившиеся ворота.

– Вот... Остановите здесь. Вы можете подождать?

– Подождём... за плату.

– Насчёт денег не беспокойтесь! – спешно заверил Арслан

– Только это вовсе не... как вы сказали? Былбаса?

– Былбаса, – поправил Арслан, выходя из машины.

Дождь усилился. Арслан раскрыл зонтик. Прошел распахнутую калитку. Из-за зарешеченного закуртка залаяла злая беспородная собачонка. Двор почти не изменился. Те же кусты сирени, та же водопроводная колонка в центре... Только как-то нелепо выдвинулся временный шиферный навес с мешками. На картонках было коряво написано: «Цемент – 26000», «Алибастер», «Писок». Собака зашла в истеричном лае. Непонятно откуда раздался голос: «Заткнись, кому сказал!» – и собака послушно замолчала.

Лестница. Та самая. Когда-то он мог взбежать наверх, перепрыгивая через три ступеньки. Но сейчас... Арслан остановился, не решаясь сделать первый шаг. Вдруг перехватило дыхание.

Окна Стеллы были темны.

Постучал в знакомую дверь. Никто не ответил. Снова постучал. Тишина. «Может, это и к лучшему?» – подумалось, и он стал медленно спускаться.

– Испанец!

Арслан, оглянулся, вздрогнув от неожиданности. В дверях стояла незнакомая женщина лет сорока.

– Я сразу вас узнала! – крикнула женщина. – Подымайтесь, что под дождем стоять?

Арслан поднялся наверх.

– Заходите, не стесняйтесь! – весело продолжала она, пропуская Арслана в комнату. – Я соседка Стеллы. Помните, внизу мы, девчонки еще, играли в классики, а вы, такой красивый, с цветами поднимались к нашей Стеллочке... – говорила с улыбкой женщина, пряча на ходу какие-то тряпки.

Комната изменилась. Вместо абажура – люстра со сломанным плафоном. Стена, на которой когда-то висели акварели, была заклеена плакатами с мускулистами,

белозубыми киноактёрами. Из старой мебели – только никелированная кровать с блестящими шариками по бокам. Вместо проигрывателя – музыкальный центр.

Женщина вытерла рукавом стул.

– Присаживайтесь, испанец! Так вас мама называла. Вы должны её помнить. Она с Хадичой-опой на скорой помощи работала. Наила, вспомнили?

– Нет...

– У вас, простите, не найдётся сигаретки?

– Я не курю.

– А раньше курили... Так красиво! И вообще, вы были очень красивой парой! – вздохнула она. – А мы, девчонки, так завидовали вам!

Найдя в полной пепельнице окурок, женщина закурила.

– Меня зовут Наргизой. А вас?

– Арслан Николаевич... А вы... Вы живёте здесь?

– Совершенно верно. На законных основаниях.

– Это... Вам эта квартира досталась после кончины Стеллы Леопольдовны?

– Кончины? Вы чё, того? – она возмущенно повертела пальцем у виска.

– Я звонил... Много раз... По междугородке, – от волнения у Арслана перехватило дыхание. – Никто не отвечал... А через год какой-то мужской голос сказал, что её больше нет на свете и чтобы я сюда больше не звонил...

– А вы и уши развесили! – захохотала вдруг женщина. – Вас, мужиков, облапошить, что два пальца!.. И вправду, почти год её здесь не было. Она там лежала, по пятому трамваю...

– Где? – не понял Арслан.

– Ну... в психушке... Мама говорила, что это с ней случилось, после того как вы её... Ну, ушли от неё... Потом в себя пришла. Только стала очень молчаливой. А насчёт мужского голоса – это, наверное, Вениамин Аркадьевич был. Стелла его хоть и не любила, но в девяносто третьем они расписались, усыновили детдомовского мальчика и умотали в Германию по еврейской программе.

– Где она сейчас?

– А кто знает? Германия большая, – помолчав, Наргиза добавила: – После её отъезда нам и дали эту квартиру. А в девяносто восьмом мамы не стало... Теперь вот одна я здесь. Но через месяц и меня здесь уже не будет. Всё под снос... Не дождусь...

Она нажала на пульт, из магнитолы зазвучал пронзительный, лающий голос про «рюмку водки на столе».

– Обожаю Лепса! Слушай, Арслан, можно на «ты»? Есть повод для праздника! Воскресла твоя Стелла! С тебя поляна!

Арслан положил деньги на стол.

– Вот, ты настоящий мужик! Подожди, я сбегаю в лабаз, обмоем... Разрешите, я и сигареты куплю? Тут хватит! – сжимая деньги, радостно тараторила она.

Женщина живо сбежала вниз и пропала за воротами.

...Она и в самом деле быстро вернулась. Смахнула со скатерти крошки, стала торопливо вынимать из пакета кока-колу, томатный сок, бутылку портвейна, несколько пачек чипсов, крабовые палочки и сигареты.

– Ну что, вздрогнем? – разлив вино по фужерам, предложила она. – За вас, за Стеллу, за то золотое времечко! – и жадно, не отрываясь, выпила до дна. Захрустела чипсами. – А вы что не пьете?

– Нельзя. Я лекарства пью...

– Честно, вы были такой красивой парой! – в который уже раз повторила она. – Мы все были влюблены в вас, испанец!

– Не надо меня так называть.

– Хорошо, Арслан-ака... – она снова налила себе вина. – Я вам расскажу по секрету... Стеллу после больницы трудно было узнать... Краситься перестала, ни с кем не разговаривала. Видно, переживала сильно...

Наргиза хмелела на глазах. Без причины смеялась, курила одну сигарету за другой. Одутловатое лицо потенциальной алкоголички покраснело.

Арслан смотрел на неё, пытаясь увидеть в ней девчонку с косичками, играющую во дворе в «классики».

– Вы в привидения верите? – вдруг спросила она.

– Нет... Я, пожалуй, пойду, – Арслан встал.

– Не уходите, – Наргиза со страхом огляделась по сторонам. – Я вам расскажу... Года три назад мы крепко поддали. Проснулась, всё как в тумане. Потолок ходуном ходит. Хотела встать – не могу. И вдруг... – глаза её расширились от ужаса, – смотрю – за столом Стелла сидит! Улыбается... Я испугалась, глаза закрыла. Не знаю, сколько я так пролежала... Но когда открыла глаза – Стеллы уже не было... Может, глюки? Потом меня полдня трясло!..

Она потянулась к фужеру Арслана.

– Можно, я выпью?

Арслан, забыв о зонте, спускался по качающейся от старости лестнице, подгнившим ступеням. Капли дождя стекали по его лицу, попадая за воротник.

Выйдя на улицу, он оглянулся. Постоял. Рядом возвышались громады новых домов, и тут же зияли тоскливо пустыри на месте снесенных дворов. А двор, бывший для Арслана чуть ли не центром мира, стал каким-то маленьким, забытым и несчастным.

Арслан медленно пошел по тротуару. Услышав гудок, оглянулся. Водитель, открыв дверь, крикнул:

– Куда же вы? Забыли про меня?

– Извини, задумался... – садясь в машину, произнес Арслан, а затем спросил: – Как тебя зовут?

– Ойбек. Так куда едем?

– Не знаю, Ойбек... Просто покатай меня по городу. По твоим любимым улицам.

Водитель удивленно посмотрел на своего пассажира, но промолчал, и «Капитива» тронулась.

Дождь прекратился как-то неожиданно, и, пробившись сквозь курчавые белоснежные облака, выглянуло солнце, осветив умытый дождем город.

Проплывали мимо дома, парки, мосты, старинные особняки и сверкающие зеркальными панелями небоскрёбы.

Мелькали лица незнакомых людей. Молодые, старые, веселые и грустные, оживленные и задумчивые, озабоченные и растерянные. Они шли по улицам, ехали в автомобилях и автобусах, сидели на скамейках, гуляли с колясками, смеялись, говорили по телефону, делали сэлфи, слушали музыку, заткнув уши изышными наушниками...

Город жил своей жизнью. Жизнью, устроенной невероятно сложно и одновременно – очень просто.

Станный пассажир сидел неподвижно, смотрел в одну точку впереди себя. Водитель искоса взглянул на него.

– Может, в гостиницу? – спросил он через час бессмысленной, как ему казалось, езды.

Пассажир заморгал, словно очнулся от тягостного сна, рассеянно взглянул на парня.

- Извините, домла, вы не заболели? – с тревогой в голосе спросил таксист. Арслан покачал головой.
- Я здоров как никогда, – улыбнулся он. – Давай в самом деле в гостиницу. Машина подъехала к крыльцу гостиницы. Арслан протянул деньги водителю.
- Тут много, – растерянно произнёс тот.
- Детям подарки купишь...

Поднявшись по широким ступеням гостиницы, Арслан вошел в вестибюль.

– Дед! – услышал он и оглянулся.

Ли́ка и Мумин выходили из сувенирного магазина с пакетами в руках.

– Здравствуйте, Арслан-ака.

– Добрый вечер...

Ли́ка обняла Арслана, поцеловала в щеку.

– Я так волновалась! Где вы ходите, Лев Николаевич? – с наигранной обидой произнесла она.

– Так... Бродил по городу, – неопределенно ответил Арслан. – Как съездили?

– Во! – Ли́ка подняла большой палец. – Самарканд просто сказка!

Она снова нежно поцеловала Арслана.

– Ты не представляешь, как я тебе благодарна! – Ли́ка оглянулась на Мумина. – А Мумин и в самом деле ангел-хранитель! – а после паузы сказала тихо: – Дедуль, у меня к тебе одна просьба...

– Ну, говори...

– Как бы начать? – отведя глаза, сказала Ли́ка неуверенно. – Обещай, что не обидишься на меня, ладно?

– Ну, не тяни.

– Ты можешь полететь один? – она погладила Арслана по щеке.

– А что случилось? – Арслан отвел её руку.

– Понимаешь... Мумин предложил съездить в Хиву и Нукус... Там потрясающий музей... Русский авангард двадцатых годов, представляешь? Все расходы любезно берет на себя Мумин... – Ли́ка переглянулась с Мумином. – Всего два дня...

– А как же билет?

– Я поменяю, – уверил Мумин. – А можно полететь из Хивы прямым рейсом в Москву. Вы не беспокойтесь, Арслан-ака.

Зазвонил сотовый телефон Мумина.

– Да, дядя... – он оглянулся на гостей. – Он рядом. Да, нашелся... Передаю...

– Да, Радж, слушаю... – Арслан переглянулся с Ликой. – Какой ужин? Хорошо, Радж, через час будем готовы. На ужин зовет, – пояснил он Лике. – В узком кругу. Пойдем?

– Конечно, – уверенно сказала Ли́ка.

И снова Арслан заметил, как переглядываются Мумин и Ли́ка...

Они зашли в номер.

– Хочу открыть тебе один секрет... – Ли́ка прильнула к плечу Арслана, заглядывая в глаза.

– Догадываюсь, – усмехнулся Арслан.

– Мумин зовёт меня с собой в Лондон... На Рождество...

– Как у вас всё просто! Раз – и в Лондон! И что значит «зовёт»? Он олигарх? И в качестве кого он тебя приглашает в Англию?

– Мумин сделал мне пред-ло-же-ние! Там, в Самарканде! – выдержав паузу, выпалила она.

– Ну вы даёте! И на какие шиши собираетесь там жить? – начиная раздражаться, поинтересовался Арслан.

– Дед, оказывается, Мумин – это племянник Раджаба Турабовича. А его брат Барат Турабович Шакиров – олигарх. Ну почти... У него бизнес в Англии и в Подмоскovie. Ясно? А у Мумина квартира в пригороде Лондона... Но об этом знаешь только ты. Для нашей женской гоп-компании – молчок! Особенно для строгой бабули Маши. Договорились?

– Это умрёт вместе со мной! – нарочито торжественно произнес Арслан и, засмеявшись, обнял внучку, поцеловал. – Как же ты выросла! Самое главное, Анжелка, не обожгись во второй раз...

– Значит, разрешаешь?

– Куда я денусь? – сказал Арслан. – Только оставь мне лекарства...

Машина ехала по вечерним улицам.

Арслан и Раджаб Турабович сидели на заднем сиденье, Лика впереди, рядом с Мумином.

– Поразительно, как изменился город, – задумчиво произнес Арслан.

– Да и мы тоже не те! – Раджаб обнял Арслана за плечи. – Жалко, рано уезжаешь, я тобой, как говорится, не насытился! Но ничего, будем теперь встречаться почаще... Правда, Мумин? – лукаво спросил он племянника.

Мумин пожал плечами, переглянулся с Ликой.

– Ты за внучку не беспокойся, Арслан, Мумин парень надежный, – прошептал Радж.

Пограничник строго посмотрел на Арслана, сравнил с фотографией в паспорте.

– Проходите, хорошего полета.

Арслан помахал рукой провожавшим его Раджабу, Лике и Мумину.

В ярко освещенном магазине «дьюти фри» Арслан Николаевич купил мелкие сувениры – подарки для домашних. Потом сидел в баре, пил минералку и смотрел через стекло на ночную жизнь аэропорта, где горели огни прожекторов, двигались самолеты, тягачи, трапы, автобусы.

– Пассажиры, следующих рейсом Ташкент – Франкфурт, просим пройти к выходу номер два, – слышалось в динамиках сначала по-немецки, затем по-русски.

В стеклянном отражении Арслан видел, как по коридору шли к выходу пассажиры «Люфтганзы». Женщина в синем форменном костюме с планшетом в руках поторапливала пассажиров немецкого рейса. В проходящей мимо толпе он увидел в отражении женщину в бежевом пальто... Она шла одна, чуть наклонив голову набок... Арслан резко оглянулся. Сделал два шага.

– Стелла... – прошептал он. Потом хрипло крикнул: – Стелла!

Никто не услышал этого крика.

Арслан побежал за уходящей толпой. Растерянно оглянулся по сторонам. Женщина в бежевом пропала...

Пассажиры спускались по двум лестницам к выходу. Арслан перегнулся через перила, пытаясь разглядеть в толпе Стеллу.

– Стелла! – снова крикнул он в отчаянии. Немцы поднимали головы, недоуменно оглядываясь на странного седого человека.

Снова мелькнуло бежевое пальто.

– Стелла!

Арслан, расталкивая пассажиров, двинулся к выходу.

Выводящая дежурная торопливо отрывала корешки посадочных талонов. Пассажиры проходили в автобус.

Арслан отодвинул одного, другого...

– Ваш талон! – дежурная взглянула на Арслана.

– Пожалуйста, пустите! – иша взглядом женщину в бежевом пальто, выкрикнул Арслан.

Он увидел её. Женщина поднялась на нижнюю ступеньку автобуса. Арслан вырвался из рук дежурной, подбежал, взял женщину за руку. Она удивленно оглянулась.

Стелла почти не изменилась. Только вокруг глаз образовалась сеточка мелких морщин... Круги под глазами... Волосы те же... Но слегка поседевшие. Но это была она, его Стелла!

– Стелла, – тяжело дыша, произнес Арслан. – Ты не узнаешь меня?

Стелла неотрывно смотрела на него. Губы её подрагивали, глаза блестели от сдерживаемых слёз.

– Уберите руку! Что вам от меня надо? Это какое-то безобразие! – вдруг закричала она по-немецки.

Она вошла в автобус, и автобус тронулся. Арслан двинулся за ним, пытаясь разглядеть за стеклами её лицо. Стелла появилась на короткое, как вспышка, мгновение и снова исчезла за чьей-то спиной.

К перрону подошел следующий автобус.

Кто-то тянул Арслана в накопитель, кто-то кричал что-то по-русски, кто-то по-немецки... Но Арслан не слышал и не видел ничего. Кроме уезжающего в темноту автобуса.

«Заканчивается посадка на рейс Ташкент – Москва...» – послышался в зале голос диктора.

Арслан сидел с закрытыми глазами в темном уголке накопителя за массивной колонной. Его знобило. Он поднял воротник плаща, словно хотел укрыться от всего.

Пресловутая причинно-следственная связь, которую он так добротнo и любовно выстраивал для себя всю жизнь, которая льстиво отвечала на все мучающие его вопросы, успокаивая и убаюкивая его совесть долгие годы, вдруг стала рушиться, как высохший на солнце песочный замок на пляже... Уловки, попытки зарыться головой в песок, самообман... Бесмысленность, сведение всех усилий к нулю, как та адская работа на «Тозкайнарской пади». «Успешная» карьера, все эти научные звания, грамоты, дипломы, медали, побрякушки, потерявшие в один момент смысл...

Так и не появившиеся на свет собственные дети, наследники...

И два сиротливых, брошенных памятника родителям...

И Стелла – лучшая, самая великолепная в этом мире женщина... И она вошла в длинный перечень его потерь, потерь нечаянных и потерь осознанных, созданным им самим. Стоило ли его благополучие, сытое существование в чужом мире, равнодушное спокойствие всего этого?!

Вдруг вспомнились слова Двигубского, сказанные после закрытия проекта: «Все мы немножко конформисты...» Они всё прощали. Они были удобны и комфортны.

– Ромирес! Это вы? – крик под самым ухом.

Арслан открыл глаза. Перед ним стояла вспотевшая и злая дежурная.

– Да, – медленно приходя в себя, ответил Арслан. – А что случилось?

– Мы вас по всему аэропорту ищем! – продолжала возмущаться женщина. – Бегом на посадку!

Рейс обслуживал тот же экипаж, что и три дня назад. Нилуфар приветливо встретила Арслана.

– А где же ваша внучка? – спросила она.

– Что? – рассеянно произнес Арслан.

– Анжелика, ваша внучка, вы без неё?

– Осталась... – неопределенно ответил Арслан, махнул рукой. – В Лондоне...

– В Лондоне? – стюардесса недоуменно взглянула на него.

– Шутка, – сказал Арслан и прошел в салон.

Нилуфар с тревогой осмотрела ему вслед.

Арслан сел в кресло, пристегнулся. Подошла Нилуфар.

– Арслан-ака, вот, подушку под голову... Удобнее будет, – заботливо предложила она. – Поспите. Вы такой бледный...

– Спасибо, девочка.

Самолет развернулся и встал на старте взлетно-посадочной полосы.

Двигатели «Боинга» взревели. Самолёт, мощно набирая скорость, помчался по черной от следов резины полосе. Двинув закрылками, он оторвался от земли, оставляя в темном небе белую ленточку траверса.

Комфортабельный салон жил своей жизнью: кто листал газету, кто работал на ноутбуке, кто смотрел фильм на экране плазменного телевизора. Большинство же пассажиров бизнес-класса спали. Стюардессы готовились к завтраку. Надев фартуки, разносили приставные столики, салфетки, меню в кожаных обложках.

Одна из стюардесс шепнула на ухо Нилуфар:

– Посмотри на своего старичка... С ним что-то не то...

Нилуфар оглянулась на Арслана. Казалось, он спит. По вискам стекали капельки пота. Она отложила поднос, присела рядом на корточки.

– Арслан-ака... – произнесла негромко она. – Что будете есть?

Арслан открыл глаза. Потом встал, медленно пошел между кресел. Вдруг закачался, прижав обе ладони к левой стороне груди. Хрипло застонал и, словно подкошенный, рухнул, цепляясь за подлокотники кресел, на ковrolановый пол в проходе.

Нилуфар бросилась к нему, с трудом перевернула на спину.

– Воды! – крикнула она.

Любопытство подняло пассажиров бизнес-класса со своих мест.

– Что с ним?

– Кто его знает...

– Надо на грудь мокрое полотенце положить, помогает.

– Хорошо бы валерьянку, сорок капель на стакан. Как рукой снимает!

Кольцо вокруг лежащего сужалось.

– Отойдите! Все отойдите! – закричала Нилуфар. – Ему воздух нужен!

В динамиках салона экономкласса раздался взволнованный голос:

– Если среди пассажиров есть врач, просим срочно пройти в салон бизнес-класса...

Пассажир скинул с себя китель с погонями капитана медицинской службы, взял безжизненную руку Арслана у запястья.

– Пульс уходит... – он обернулся к Нилуфар: – Слушайте меня внимательно. На счет «раз» делаете сильный вдох. Потом пауза, на счет «два» – выдох! В полость рта больного... Ясно?

– Да-да, – дрожащим голосом произнесла Нилуфар, – нас учили...

Нилуфар склонилась над Арсланом.

– Раз! – врач резким, сильным движением вдавил грудь.

Нилуфар глубоко вдохнула, приникла губами ко рту Арслана.

– Два! – закричал капитан. И Нилуфар что было сил выдохнула в легкие пассажира свой воздух. – Ещё раз! Ещё! – кричал офицер. – Сильнее! Ну же!

Арслан видел через иллюминатор себя, несущегося в крошечной тьме «Боинга». Видел всё, что происходило. Он смотрел на себя в иллюминатор, но знал, что над ним сейчас черное небо с блистающими звездами, а внизу – Тозкайнар.

Мрачная Тозкайнарская падь неожиданно сменилась ярким солнечным днем. Летное поле в ромашках и одуванчиках. Сорванная ветром шляпа. Мальчик бросился за ней, споткнулся, упал, но успел схватить. Мама и папа взяли его за руки, подняли над землей и побежали к ожидавшему их самолётику. Арслан поднял глаза. В дверях стояла Стелла. Она была в бежевом пальто.

– Я узнала тебя, испанец! – крикнула она. – Но я не Стелла...

А потом он почувствовал порыв ветра, сначала легкий, потом всё сильнее и сильнее. Он летел в пространстве странного тоннеля. Сила, неведомая, страшная, несла его к светящейся далеко впереди точке. И чем ближе она становилась, тем спокойнее и даже радостнее делалось на душе.

– Нет! Ты пойдешь! Пойдешь! – смахивая выступившие капли пота со лба, шептал врач и продолжал с упорством маньяка давить двумя руками на грудь умирающего пассажира. Нилуфар вошла в ритм, и когда грудная клетка вздымалась, она с силой вдыхала в чужие легкие живительный воздух.

Свет вдруг исчез. Пропал, как и тоннель и жуткий ветер... Боль пронзила всё тело, которое он неожиданно стал ощущать.

Он закричал яростным, каким-то животным криком:

– А-а-а-а-а!..

Веки пассажира дернулись. Военврач приник ухом к груди.

– Пошло! – произнес он хрипло и устало откинулся на кресло.

Грудь Арслана поднялась в самостоятельном вдохе.

Арслан открыл глаза. Нилуфар склонилась над ним.

– Стелла... – почти неслышно прошептал он.

– Я не Стелла, я Нилуфар... – всхлипнула девушка. Арслан ушел в забытие, но дышал ровно.

Врач проверил пульс.

– Постарайтесь не трогать его сейчас... Укройте... Ему сейчас холодно, – сказал он, надевая китель. – Скорую вызвали?

– Да-да... – укрывая Арслана пледом, произнесла Нилуфар.

Ярко светилась неонов надпись: «Der international Flughafen Frankfurt-am-Main».

Женщина в бежевом пальто стояла у окошка пограничной службы аэропорта. Сотрудник, полистав паспорт женщины, протянул ей с улыбкой:

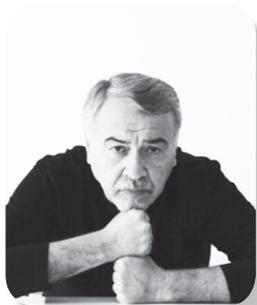
– С возвращением на родину, фрау Стелла Лернер...

– Спасибо...

Шасси вынырнули из чрева огромного самолета. «Боинг» шел на посадку. В снежном тумане светились огни взлетной полосы.

В залах аэропорта «Домодедово» гулко прозвучало объявление: «Совершил посадку самолёт, прибывший из Ташкента. Встречающих просим пройти в зону прилёта». Тягач медленно тянул «Боинг» на стоянку, к телескопическому трапу. С другой стороны по заснеженному полю уже неслась машина с проблесковым маячком и большим красным крестом на боку.

В холодном воздухе тревожно пульсировал звук сирены.

Все это было, и все это есть...

ВЛАДИМИР ИСХАКОВ

Ташкентское время

Как будто ясно, что Ташкент не Рим,
В нем не бывает лондонских туманов...
Но я влюблен, я просто болен им,
Я персонаж ташкентского романа.

Я здесь с отцом «Чапаева» смотрел,
Меня здесь мама в школу собирала,
Любил и дрался, даже в хоре пел,
Бросал все к черту, чтоб начать сначала.

Здесь был мой двор и первые стихи,
В Цветаеву влюбленность и в Хайяма,
Тетради диссидентской чепухи...
Но лжи и словоблудия – ни грамма.

Я верил бабушке, она любила петь
Романсы, а потом читала Блока
И так могла доверчиво смотреть
На мир, в котором находила Бога.

Он явно был на улице всегда,
Когда она смотрела сквозь прохожих,
И я бы не решился никогда
Ее в минуты эти потревожить.

Как персонаж ташкентской суеты,
Я был студентом, не любил учиться,
Но мог читать стихи до хрипоты,
И всех послать, и от души напиться.

Владимир ИСХАКОВ. Родился в 1954 г. Работал зав. кафедрой истории, культурологии и истории медицины Второго ТашМИ (ныне Ташкентская медицинская академия). Ученый, автор научно-популярных фильмов. С 2009 г. член Президиума Евразийской Академии Телевидения и Радио (Москва).

* * *

Растворяется сахар
 В горячем чае
 В сладком молчании.
 Я растворяюсь
 В жарком лете,
 И остается
 Ветер –
 Колыхание тени
 Без тела.
 Так ведет себя
 Часто душа
 Без дела.
 Ей бы только
 Побольше
 Сладкого чая,
 Чтоб не морщиться,
 Видя, как
 Я увядаю.
 Что ей старость?
 Тупые сердечные боли.
 Мне осталось
 В чайхане пропадать поневоле
 И следить за душой,
 Как она сахарок добавляет
 В мой покой,
 Где он медленно тает.
 Оседает осадок
 Жизни краткой и грешной,
 Он так сладок...
 Видно, смерть – сладкоежка.

* * *

Глиняность и тополиность,
 Чайность и неторопливость,
 Мне опять арба приснилась:
 Захотелось босиком
 Пробежаться, пыль взметая,
 И чтоб мама молодая
 Помахала мне платком.
 Захотелось впасть в беспечность
 Детских лет и верить в вечность
 Даже мыльных пузырей,
 И не верить в смерть упрямо,
 И не знать могилы мамы,
 И не выть, как зверь, над ней.

* * *

До самого Нового года
 Снег будет висеть в облаках –
 Такая в Ташкенте погода,
 Такой здесь на небе Аллах.
 Но только приблизится время
 И сядем встречать Новый год, –
 Как творческое озаренье,
 На нас снегопад снизойдет.
 Не чудо, а просто причуда
 Зимы, и как чувство вины –
 Снежинки из ниоткуда,
 И все мы опять прощены.

* * *

Хорошо блуждать во мраке
 Незапамятных времен,
 То в кольчуге, то во фраке,
 То напялив балахон.

Знать на вкус эпоху бронзы,
 Воздух Рима смаковать,
 Продавать в Багдаде розы,
 В Вавилоне пировать.

Жизнь закончить в Назарете
 И родиться в Бухаре,
 Чтоб за все прогулки эти
 Петь молитву на заре.

* * *

То ли ангелы, то ли чайки
 Над волнами парят вдали.
 Мне из ракушки травит байки
 Неприкаянный дух Дали.

В них задумки картин и сюжеты,
 Что остались в его мастерской
 На краю полутьмы, полусвета,
 В переливах ракушки морской.

То ли ангелы, то ли чайки
 Разлетаются кто куда,
 Но со мной остаются байки,
 Запах красок и пустота.

Арабески

* * *

Кофе арабский – привкус веков
В нем настоялся... Пары глотков

Хватит, чтоб словно в песочных часах
Сыпалось время у вас на глазах.

Финик в прикуску, и время опять
Перевернется и двинется вспять.

Снова из Мекки уходит пророк
По бесконечности горних дорог.

Все это было, и все это есть,
Пишется время как Господа весть.

Кофе арабский – легкий дымок,
Смыслы Востока иши между строк.

И снова ветер, и песок,
И воздух цвета апельсина.
И дождь не дождь – фруктовый сок,
И овощной наполовину.

Я здесь живу как бедуин,
Хожу едва заметной тенью.
Моих растрепанных седин
Песок касается в смятенье.

Он не привык – песок пустынь –
К холодной седине скитальца,
Легко стирая неба синь,
Он здесь как будто прячет пальцы.

И кружит, как бумажный змей,
И хвост оранжевых песчинок
Сворачивается все быстрее,
Вступая с ветром в поединок.

ПОТРЕБНОСТЬ ДУШИ

«Когда человек, начиная писать стихи еще в детстве, не бросает и в зрелые годы, достигнув многого, благодатную привычку обращаться к перу и бумаге, его строки заслуживают взволнованного внимания.

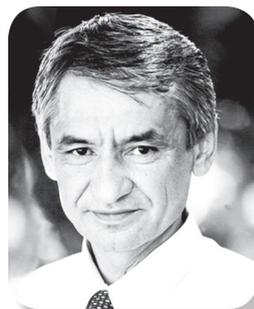
Таковы стихи Владимира Исхакова – доктора медицинских наук, профессора истории, сценариста и режиссера, чьи работы в документальном кино отмечены целым рядом международных и национальных дипломов. Казалось бы, при таком обилии дел и жизненных назначений зачем еще сочинительство, послание души в воздух, в никуда, в небеса, без надежды быть услышанным и оцененным?

Потребность души, очень личное, неодолимое, неизбежное желание. Свойство истинного поэта, который просто не может иначе. А если добавить к этому образование, богатый жизненный опыт, несомненный филологический дар и человеческую зрелость, то и выстроится поэтический мир, интересный не только для его создателя.

...Я желаю Владимиру Исхакову обрести своего читателя, запомниться и полюбиться ему. Желаю ни с чем не сравнимой радости рождения новых строк, означающего движение его жизни к высшим пределам, ко всему важному, связанному с истиной бытия».

Римма КАЗАКОВА

Поэты – в огне стонущие сердца

МУХАММАД ЮСУФ

Поэты

Поэты – в огне стонущие сердца,
нищие дети нищих матери-отца.

Средь высоких – выше всех и мудрей,
среди убогих – последнего ниже глупца.

Поэты – пастбища газелям степным;
больные города – сердцам больным.

То сладость небесная на устах,
то мирской овекает их горький дым.

Пусть от их лачуги до ада – шаг,
до рая – как от брови до брови – им.

Под старой джидой

Берег сая. Ночь.
Парень. Девушка.
Вздохи, шепоток –
под старой джидой.

Старик по нужде
вышел к той джиде:
сердце – тук-тук-тук –
под старой джидой.

Бросился домой:
– Старая, вставай!
Срамные дела
под старой джидой!

Скорей побежим...
Провалиться им!
Чтоб сгореть дотла
под старой джидой!..

Что будет потом?
Свадьба, новый дом,
родня за столом...

Тайны сберегла
старая джида.

Мухаммад ЮСУФ. (1954–2001). Народный поэт Узбекистана. Родился в Андижанской области. Автор более 10 стихотворных сборников, нескольких поэм.

Мак

*Памяти Шавката Рахмона**

Что оставлю, уйдя:
немного земли,
да сундук пыльных книг,
да стихов пяток.
Что вослед мне скажут
друзья и враги –
Бог с ними... Лишь в тебе
моих дней итог:
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Я уйду – ты цвети
подальше от зла,
и красоты своей
в горе не растрать.
Черных дней череда
вдруг станет светла.
Только черным душам
светлее не стать.
От них ты оградись
стеной этих строк...
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Хоть лежу целый день
в комнате глухой –
мысленно слышу я
клекот птичьих стай.
Их полет осенний
в дали голубой:
стихотворцу он шлет
долгое «прошай».
Мне крылом пусть махнут
хотя бы разок.
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Чтоб на них поглядеть
в прозрачную даль –
на айван не могу
даже выйти я...
Осень. Свадьбы идут.
На сердце печаль –
не успел ни одну

дочку выдать я.
Погулять на пиру
веселом не смог...
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.
Но, увидишь – уйду,
пройдет мало дней,

и набьется народ
в тесный дворик наш.
Ты еще устанешь,
поверь, от гостей;
за хороших людей
дочерей отдашь.
Будет белым наряд
и чистым – чертог...
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Наклонись надо мной
и сердца тетрадь
раскрой и запиши
всего пару слов:
кому – нужен дворец,
кому – есть да спать,
мне же – только воздух,
последний глоток.
Живой спит; мертвый блит –
сон ему не впрок...
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Огнем грудь пылает...
Прошу, поспеши,
позови докторов,
пусть режут уже!
Тягостным стал союз
тела и души...
Только куда, бедной,
податься душе?
Свод небесный далек;
ближе – пыль, песок...
Мак мой, трепетный мак,
мой слабый цветок.

Про жизнь пусть говорят:
 один день – весна,
 на другой – облетят
 сухие листы...
 в моей жизни цвела
 только ты одна –
 над могилой цвести
 одна будешь ты:
 ты над ней поднимешь
 свой алый флажок.
 Мак мой, трепетный мак,
 мой слабый цветок.

Все пройдешь: потоки
 воды и огня,
 и пред лицом беды
 не опустишь рук.
 Что у Бога прошу –
 чтоб после меня
 друг ложный, двуличный
 не вошел в твой круг:
 патока на устах,
 а в руках – силок...
 Мак мой, трепетный мак,
 мой слабый цветок.

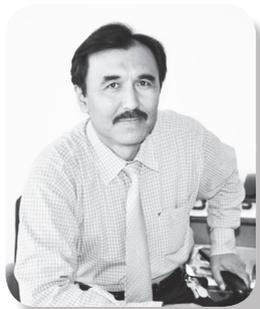
Если что – помни, есть
 Юсуф Мухаммад;
 Хоть поэты, увы, –
 нетвердый народ.
 Выпивает парень,
 правду говорят...
 Но зато искренний,
 он не подведет.
 А что он простоват –
 это не порок...
 Мак мой, трепетный мак,
 мой слабый цветок.

Покой ищет душа,
 ищет – не найдет,
 ни в разуме бедном,
 ни в сердце больном.
 Как завтра забрезжит
 солнечный восход –
 поцелую тебя
 и покину дом...
 Друг мой, долго не плачь,
 убери платок.
 Мак мой, трепетный мак,
 мой слабый цветок...

Перевод Сухбата Афлатуни.

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений АБДУЛЛАЕВ). Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток свыше». Родился в 1971 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУз).

АКБАР МИРЗО

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА ВОЙНЫ

Рассказ

Когда я уезжаю в командировку, матушка на следующий же день звонит, чтобы узнать, что и как. И в этот раз случилось то же самое, только я молчал, не зная, что сказать ей, в горле словно ком застрял. А из трубки доносилось снова и снова:

– Что случилось, почему ты молчишь?

Я прошептал про себя: «Тётя Зоя умерла!»

– Не слышу тебя, сынок, – повторяла мама.

И как же я сообщу ей эту тяжелую весть? Может быть, рассказать ей по возвращении? Да, точно, расскажу, как только вернусь, а сейчас ей лучше не знать об этом.

– Мама, я сам вам позвоню. Не беспокойтесь!

– Как там Зоя? Долго не задерживайтесь!

– Да-да, конечно. Пока, мам.

– Передай привет Зое.

Успокоил маму, а сам потерял покой. На следующий день я пошёл к могиле тети Зои, чтобы попрощаться. Не зная, что сказать, я смотрел на две могилы. Воспоминания нахлынули сами собой: издали доносился рев паровоза, позже слышались звуки отъезжающего поезда...

С началом войны в наш кишлак Кумушкан прибыло много эвакуированных из Украины. Зою-опу, то есть тетю Зою, поселили в доме нашей соседки Олмосхон-ай. В том году я пошёл в первый класс. Вернувшись из школы, застал маму, которая собралась навестить новых соседей. Я увязался за ней: со вчерашнего вечера мне не терпелось увидеть снежно-белого гуся, громкое гоготание которого разносилось по всей округе.

Под сводами виноградных лоз соседка Олмосхон-ая разговаривала с какой-то русской старушкой. Они сидели на ветхом, выцветшем, покосившемся топчане. Увидев коврик, разостланный на старом кигизе, мама удивленно приподняла брови, подумав: «Видать, в честь гостей». Кстати, полосатый коврик, привезенный дядей Тулкуном, расстилали только на свадебные торжества или для гостей, а в остальное время на старый войлочный кигиз из бараньей шерсти ничего не стелили.

Акбар Мирзо. Родился в 1961 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор романов «Оқтепалик ўғри», «Ажал билан юзма-юз», повести «Нажот кемаси» и сборников рассказов «Орзуга оқ йўл», «Қалб исени».

Завидев нас, Олмосхон-ая вышла навстречу. Она заметно осунулась и согнулась, с тех пор как проводила на войну мужа и двух сыновей. Но действительность принимала как должное, понимая, что не одна она такая страдала. «Чтоб сдохли эти немцы!» – все время повторяла она.

Русских женщин до этого я никогда не видел, поэтому на всякий случай спрятался за маму, но старушка поманила меня рукой:

– Иди сюда, сыночек!

Слов я не понял, но по жесту смекнул, что к себе подзывает.

– Иди, подойди к ней, – подтолкнула меня мать, но я, смутившись, не сдвинулся с места.

– Невестку вашу не видать, – сказала мама на ломаном русском.

– С тех пор как приехала, заперлась в комнате и плачет не переставая, – ответила Олмосхон-ая вместо старушки. – Мы звали её покушать – не идёт, окаянная. Я даже растерялась.

– Почему? – спросила мать, протягивая соседке узелок с ароматным свежеиспеченным сладким хлебом.

– Может, у нас ей не понравилось?

– Да что вы?!

– Так ведь не ест со вчерашнего дня, – в сердцах воскликнула Олмосхон-ая...

– Проклятые немцы! У всех отобрали покой своей войной. Бедняжка, наверное, лишилась и мужа, и дома. Поэтому и плачет, – пыталась успокоить мать соседку.

– Если бы только плакала! Она же рыдает во весь голос так горестно, что сердце разрывается...

– Наверное, пострадала больше всех. Да, кстати, я принесла горячие лепешки. Хорошо было бы, если б она их отведала. Может, мне удастся позвать её? – сказала мать, прежде чем присесть на край топчана.

Перед тем как войти в дом, мать обратилась к старушке, спросив о причине горя её невестки.

– Я... я не могу рассказать, – голос старушки задрожал, а из глаз покатились слезы, бесцветные сухие губы судорожно задрожали от волнения.

– Заходите. Если б вы смогли её успокоить! Но боюсь, что вам это не под силу. Если она от отчаяния нагрубит, пожалуйста, не обижайтесь.

Я последовал за мамой.

В комнате возле окна на железной кровати лежала худоская молодая женщина. Даже с порога было видно, как вздрагивали её хрупкие плечи. У её ног с воинственным видом стоял жирный гусь, которого мельком я видел вчера. Я было сделал шаг, чтобы потрогать его, но мать удержала меня за руку, наказав мне стоять молча, а сама тихонько подошла к плачущей женщине. Гусь обеспокоенно загоготал, словно предупреждая хозяйку о приближающейся опасности. Женщина даже не шелохнулась.

– Дочинка, – сказала мать, вспоминая весь свой скудный запас русских слов, – мы соседи. Горячий хлеб принос. Ставай, дочинка!

Женщина не пошевелилась, будто не слышала. Матери очень хотелось подойти к ней, но она побаивалась гуся, который, казалось, вот-вот набросится на неё в случае чего...

– Кыш! – подняв руку, сказала мать, но женщина вдруг крикнула:

– Не трогайте его! – а затем добавила: – Выйдите отсюда. Не мешайте мне, – и в сердцах отвернулась к окну.

Мать опешила, не зная, что делать дальше. Признаться, я не совсем понял,

что сказала та женщина, завернувшись в большой белый пуховый платок, но было ясно: что-то тут не так. Да и мама моя застыла на месте в смятении.

Мне стало жаль маму и я сказал:

– Пойдем!

Если честно, меня разозлила грубость незнакомки, которая даже по возрасту не должна была так поступать. Бедная мама, она с таким трудом испекла этот хлеб и хотела по-братски поделиться им в трудное и голодное время... Я потянул её за руку. И только тогда она поняла, что звать женщину бесполезно. Мы вернулись назад.

– Никого не слушает, – посетовала Олмосхон-ая, утешая мою мать.

– Как её зовут? – спросила мать.

– Зоя, – ответила старушка, освобождая ей место возле себя. – Она моя невестка. Ей двадцать два года. Муж и сын ушли на войну. Мы остались вдвоём.

– Ваш сын погиб на войне? – спросила мать старушку.

– Слав Богу, пока жив, – ответила та, с умилением глядя на хлеб в маминых руках.

– Быть может, родители её погибли при бомбежке?

– Нет, они тоже живы.

– Так почему же она тогда убивается? – не унималась мать.

Старушка вдруг заревела в голос, раскачивая головой. Сейчас она рыдала не менее горько, чем её невестка, и все же о причине слез не сказала ни слова.

– И мне не рассказывают, окаянные, – пожаловалась Олмосхон-ая, выкладывая на стол только что срезанные гроздья винограда. – Давайте спросим у них дня через два, когда придут в себя. Присаживайтесь к столу!

Мы вернулись домой, так и не узнав, о чем горюет молодая женщина. Вскоре старушка от страданий и горя покинула этот мир, унеся тайну с собой. Через четыре года война закончилась, но сколько судеб она покалечила! Наступили мирные дни. Кругом царили радость и веселье. Лишь на бледном лице Зои улыбка так и не появилась. Напротив, теперь она горевала пуше прежнего. На родину возвращаться тоже не спешила, проговорившись соседке, что не может туда вернуться. Меня это удивило не меньше матери, тем более что и подрост я, понимал уже кое-что.

После окончания школы я уехал в Ташкент учиться, но, к сожалению, в университет поступить не смог, а на следующий год был призван в армию, попав служить в украинский город Харьков. Прослышав об этом, тётя Зоя начала передавать мне приветы. Оказывается, она родилась в этом городе. Но после замужества переехала в Крым вслед за возлюбленным. Когда до увольнения остался месяц, у меня появилась идея пригласить в Харьков маму и тетю Зою. Хотел с ними погулять два-три дня, а потом вместе вернуться домой. Однако из письма узнал, что, услышав о моём предложении, тётя Зоя залилась горькими слезами, сказав моей матери: «Как же я туда вернусь? Что всем скажу? Нет, никогда не смогу поехать!» Меня это не на шутку раздосадовало, ещё сильнее захотелось разгадать её тайну. Странно, и как она живёт с этим столько лет? И никому ни слова!

Демобилизовавшись, я сдал документы на исторический факультет университета. Потом последовала аспирантура, защита кандидатской диссертации... В армии я в совершенстве изучил украинский и крымско-татарский языки. Может, именно поэтому меня пригласили работать в МИД. Перед командировками на Украину с разными делегациями я обязательно заезжал в родной кишлак Кумушкан получить благословение родителей. Тётя Зоя, узнавая об очередной моей поездке, со слезами провожала меня.

– Давайте я вас с собой возьму, – предложил я однажды, но тётя Зоя не согласилась. Однако в следующий раз она дала мне адрес своего дома.

– Наверное, наш дом давно уже разбомбили. И, пожалуйста, расспросите о малышке по имени Расия.

Для того чтобы произнести эти слова, ей, видимо, потребовалась неимоверная сила: она обливалась потом, дыхание сдавило, ещё немного, и потеряла бы сознание.

Я был ошеломлен. Её голубые глаза, как и при первой нашей встрече, были полны горечи, слёзы так и катились по щекам. Печальный голос дрожал, слова были еле слышны. Что же это за история, которую она никак не может забыть? Неужто это такое великое несчастье, которое нельзя вычеркнуть из памяти? А может, тоска по Родине?

Я выкроил время, чтобы выполнить обещание. Поехал в Зоину деревню. Оказалось, что большая часть жителей вернулась в свои дома, а в пустующие заселились те, кто потерял кров. Видно было, что люди уже обжились, но последствия войны все ещё ошущались. Мне не составило труда найти дом, куда Зоя пришла невесткой. Половина дома, видимо, была отстроена заново, так как он был разделен на две части. Я постучался. Калитку открыла полная женщина лет пятидесяти.

Рассказав, зачем приехал, я спросил, когда они здесь поселились.

– Весной сорок шестого, – обеспокоенно ответила женщина, представившаяся Альмирой Рауфовой. Затем вдруг спросила: – А что, хозяева хотят вернуться?

– Нет, – ответил я.

Она облегчённо вздохнула. Я расспросил о малышке по имени Расия.

В полуразрушенный дом Альмира Рауфовна заселилась с двумя детьми. Однажды пришёл какой-то старик, который еле волочил ноги. Увидев знакомых поселенцев, он разочарованно повернул обратно. Но Альмира Рауфовна, догнала его, пригласила в дом, чувствуя, что ему есть что рассказать. Хозяйка предложила гостю водки, у старика развязался язык, и он стал рассказывать, как после массового отъезда жителей он остался в деревне один. В поисках еды бродил из дома в дом, пока не забрел в дом Зои. Вместо еды он обнаружил здесь завернутого в пеленки ребёнка, который лежал на кровати у окна. Старик тихо подкрался к нему: ребёнок не подавал признаков жизни. Совесть не позволила оставить ребёнка непогребённым, но кладбище, к сожалению, было в соседней деревушке, куда добраться не хватило бы сил. «Схороню его на ближайшем холме», – решил он. После захоронения еле живой старик с трудом нацарапал на маленькой дощечке: «Расия – трёхмесячный ребёнок» и, съев кусочек черствого хлеба для восстановления сил, закрепил дощечку над маленькой могилкой. Он с трудом дотянул до окончания войны, чуть не погибнув от голода и холода, а услышав, что в этот дом заселились новые хозяева, отдал Альмире Рауфовой найденное в пеленках свидетельство о рождении малышки с просьбой передать хозяевам, если вернуться. В сердцах он крепко выругался, проклиная непутевую мать, оставившую ребёнка на произвол судьбы. Вскоре старик умер.

Домой я возвращался с сознанием, что понял тайну страданий тети Зои. Получается, она сознательно оставила беспомощного ребёнка умирать в мучениях! Но как? В голове не укладывалось... Неужто она посчитала ребёнка обузой? Верить в это не хотелось. Тетю Зою я почти возненавидел, но все же не оставляла надежда,

что, может, я ошибаюсь. Ведь, будучи вдовой, Зоя не вышла замуж. Никогда я не видел её смеющейся. После окончания войны не торопилась на родину...

Теперь я понимал, что она, видимо, не смогла простить себе этот нечеловеческий поступок, преградивший ей путь на родину. Неужели все так и есть?

При встрече тётя Зоя бросилась мне на шею и долго не отпускала из объятий, горько рыдая, однако мне казалось, что слёзы её неискренни. Я постарался освободиться из её объятий. Почувствовав это, она разрыдалась ещё пуше, а затем с дрожью в голосе проговорила:

– Это не то, что ты думаешь.

– А что?! – вырвалось у меня.

Мать не понимала, что происходит. Она беспокоилась, что я грубо веду себя с бедной женщиной. Наконец, успокоившись, тётя Зоя спросила, поспешно поправляя воротник моего пиджака, который все это время, сама того не замечая, с силой сжимала.

– Какую же весть ты принёс?

– А может, вы сначала расскажете?

– Нет, сначала ты.

Мать завела нас в дом.

Я подробно рассказал обо всем, что узнал во время командировки. Когда рассказывал о старике, зашедшем в дом в поисках еды, в глазах тети Зои появились слёзы; когда же я заговорил о мертвом ребёнке, обнаруженном на кровати у окна, она, не сдержавшись, отчаянно разрыдалась в объятиях моей матери, которая все ещё не понимала, что происходит. Её морщинистые руки гладили вздрагивающие плечи и седые волосы тети Зои. Не в состоянии найти слова, которые бы успокоили женщину, она искала ответ в моих глазах. При рассказе о том, что старик выкопал могилку на холме близ деревушки, тётя Зоя на мгновение замолкла, и, приподняв голову, скороговоркой благословила Всевышнего за то, что тот не оставил дитя на съедение бродячим собакам, а затем спросила:

– Ты видел своими глазами могилку Расии?

– Да. На ней даже сохранилась дощечка с именем девочки. А вот это её документ.

Увидев свидетельство о рождении, Зоя застыла на несколько мгновений, затем, придя в себя, дрожащими руками бережно взяла его и прижала к лицу. Перед глазами вновь ожили страшные события прошлого.

* * *

...Недобрая весть, которую с раннего утра распространяли по деревне, переходила из дома в дом. Председатель колхоза и однорукий майор лет пятидесяти своими распоряжениями заставляли ещё пуше паниковать людей, которые и так жили в страхе от скорого нашествия фашистов.

– Срочно всем на вокзал в течение часа! Поезд отходит ровно в шесть! Берите с собой только самое необходимое. Слышите? Только документы и съестные припасы на два-три дня!

– А постель? – спросил кто-то в суете.

– Нельзя. Собирайтесь, на вокзале народу много. Если не успеете на шестичасовой, отстанете от поезда. Немцы совсем близко! Пошевеливайтесь!

Голоса «глашатаев» теперь слышались во дворе Зоино дома.

– Можно мне взять с собой гуся? – спросила Зоя, указав на пернатое, повсюду следовавшее за ней. – Ведь скоро и дочка подрастёт...

– Ты в своём уме? Ещё неизвестно, найдётся ли место для тебя и твоего

ребёнка! Убери его! Что ты стоишь как вкопанная?! Собирай шмотки старушки!

Громогласный майор теперь всюду стучал в соседские окна.

– Что вы возитесь?! Бегите на вокзал!

Зоя заметалась. Надела на свекровь тёплый джемпер, накинула тёплый платок, обмотав его концы вокруг туловища. Не забыла даже в валенки обувь.

– Вы бегите! Я сейчас соберу Расию, догоню вас!

Старушка попросила не забыть прихватить и её лекарства.

– Конечно возьму! Идите за людьми!

Зоя кинулась в дом, за ней гусь неровной походкой. Из-под старого серванта достала документы, завернутые в пожелтевшую газету в несколько слоев. Наспех раскрыла: вроде все на месте. Теперь осталось разбудить ребёнка, одеть. Отыскав теплую одежду, одела ребёнка, бросив остальные вещи в общий узел. Теперь и гусь заметался, казалось, и он понял, что приближается какая-то беда, загоготал громче обычного. Не отставая от Зои, ходил за ней по пятам. Она в спальню – он за ней, она в сени – он туда же. Зоя искала свою одежду, изредка поглядывая на гуся. Ей жаль было оставлять его одного. Что если оставить ему вчерашнюю еду? Положить ещё полбуханки... Как-нибудь день продержится... Нет, его вообще нельзя оставлять! Фашисты зарежут... Она даже представила эту картину и вздрогнула от ужаса. Нет, не сможет она оставить его! Как-нибудь донесет до вокзала, а там видно будет. У неё появилась идея завернуть гуся в пеленки, как ребёнка. А чтобы он не гоготал, она завяжет клюв веревкой. В поезде уже никому до него не будет дела. Обрадовавшись своей находчивости, Зоя разорвала старое одеяло пополам. Она подумала, что если одинаково завернуть и ребёнка, и гуся, то будет казаться, будто у нее двойня, и люди обязательно пропустят ее в поезд без очереди. Энергичными движениями она завернула в одеяло сначала гуся. Тот, поняв, видимо, что уезжает с хозяйкой, сопротивляться не стал. В шкафу с белой ситцевой занавеской вместо стекла она обнаружила тёплый зимний платок. Найдя ещё один такой же, запеленала гуся так, что он не мог двигаться. Завернула в одеяло и ребёнка, обвязав оборванным платком. Чтобы не искать в поезде документов ребёнка, когда потребуют, она засунула метрики прямо в пеленки. Теперь надо взять еды в дорогу.

– Ты готова, Зоя?! – панически кричал председатель.

– Бегу! – ответила она и вскинула на плечо большой узел.

– Чего ты тянешь? Все уже ушли!

– Все, я готова!

Прихватив ребёнка и гуся, она вылетела на улицу. Мимо пробежала соседка, волоча за собой пятилетнего сына. Ни здарсьте, ни до свидания. Все в панике. У всех в голове одно – успеть! Зоя хотела было побежать за соседкой, но увидела, что к ней спешит майор. Сердце упало: «Он заметил. Мне конец», – промелькнуло в голове.

Майор сразу понял, что в одной руке у Зои гусь.

– Все равно сделала по-своему! – крикнул он, подбежав.

– Так ведь...

– Не надейся, все равно не пушу в поезд! Мне поручено эвакуировать только людей! Тебе понятно это? Стой, иди сюда! Который из них ребёнок?

Майор пощупал, а затем, раскрыв пелёнку и увидев гуся с завязанным клювом, вырвал его из Зоиных рук и перекинул через деревянную ограду во двор. Не на шутку перепугавшись, Зоя ничего не ответила рассвирепевшему майору.

– Ладно, не возьму его с собой. Только дай развязать его!

– Живо! Если не догонишь меня, пеняй на себя! – перебил он испуганную Зою.

Зоя ринулась назад. Ворвавшись в сени, сбросила узел на пол. Положив ребёнка на круглый стол, выбежала во двор. Хотела было развязать гуся, но подумала, что тот всё равно не отстанет. «А что если засунуть гуся в узел?» – мелькнуло в голове. Решено, но узел увеличился в размерах. «Если злой майор заметит, мне несдобровать, – думала она. – Гуся он не пожалеет. Пнёт, да так, что покалечит...» Не зная, как поступить, Зоя металась по комнате. Неужели выхода нет и придется распрощаться с гусем, который так привык к ней?!

Она бросила взгляд в окно. Майора не видать. «Если он немного отойдет, выйду», – подумала она. Тут ребёнок начал всхлипывать от голода. Взяв его на руки, она пошла в спальню, присела на железную кровать и стала кормить его грудью. «Пусть вдоволь пососёт. Успею, добегу. Вряд ли поезд отъедет в шесть, как сказали...» Зоя не спеша покормила ребёнка, будто некуда было торопиться. Теперь дочка сыта. Положив ребёнка на кровать, она подошла к гуся, взяла его на руки и задумалась.

– Зоя!

Увидев на пороге майора со сжатыми кулачищами, она словно окаменела.

– Бери барахло и вон!!!

Зоя невольно повесила узел на плечо.

– Не хочешь уезжать? Хочешь сдать немцам? А может, ты их разведчица? Говори! Если так, то я сам тебя пристрелю!

С этими словами майор вынул пистолет из кобуры.

– Говори, негодная!

От страха Зоя бросилась во двор. Майор заглянул во все комнаты, чтобы убедиться, что в доме никого не осталось. Когда он шагнул в спальню, ветер поднял штору на окне, которая на миг закрыла ребенка, лежавшего на кровати, и майор, не заметив его, вернулся назад...

Еле живая, Зоя с трудом поднялась в вагон. Прижав сверток к груди, она с облегчением откинулась на стенку и задремала, не слыша от усталости ни шума, ни криков, ни плача детей. Она выдохлась, пока бежала к поезду без оглядки, боясь обернуться и увидеть целящегося в неё из пистолета майора с налитыми кровью глазами. К счастью, успела! Теперь можно и отдохнуть. Ребёнок сыт. Тоже устал, наверное, от беготни. Ладно, пусть спит...

Проснулась Зоя от грохота колес мчащегося поезда. Спросила, который час, у сидевшей рядом женщины, то и дело проклиная Гитлера: «Да чтоб ты сдох, Гитлер проклятый, чтоб дом твой сгорел!»

– Уже два часа как едем.

Зоя прислушалась к ребёнку. Он молчал. Не хотелось его будить, пусть отдыхает, ведь ребёнок ещё! Лишь бы грохот колес да беспокойный говор людей и плач детей не напугали её крохотную малышку. Чем дольше поспит, тем лучше.

Прошёл примерно час, а ребенок всё молчал. Да, иногда покачивание вагона успокаивает детей, подобно колыбели. Но неужто дитя до сих пор не проголодалось? Ну-ка...

Раскрыв пеленки, Зоя окаменела, словно увидела ядовитую змею. Ей хотелось что-то сказать, нет-нет, закричать! Но в горле будто ком застрял. Она безмолвно раскрывала рот, словно ей не хватало воздуха. Сердце замерло.

Никто вокруг не обращал на нее внимания, будучи занят своими делами: кто-то тихо грыз кусок черствого хлеба, пряча его между ладонями, не желая,

видимо, привлекать внимание громким хрустом; кто-то протягивал охрипшему от жажды ребенку железную кружку с водой; кто-то искал потерявшуюся сестренку, а кто-то дремал. Истошный крик, стон из самой глубины сердца накрыл собою голоса вокруг, заставив всех вздрогнуть.

Никто ничего не понимал. Только женщина, сидевшая рядом с Зоей, предположила, что она, возможно, лишилась ребенка, и в страхе приподняла край одеяльца. Под ним... лежал гусь с завязанным клювом...

– Остановите поезд!!! Я вам говорю: остановите поезд!

– Нельзя, – сказал старик, сидевший поодаль. – Время тяжелое, дочка. Не можем остановиться, пока не выберемся из опасной зоны...

– Тогда я сойду! Да, я должна сойти!

Зоя рвалась к дверям, натываясь на людей.

– Что случилось?

– Дома осталась дочка! Я, оказывается, оставила мою малышку! Вы слышите, я оставила дома трехмесячного ребенка одного!

У одних на лицах было сочувствие, у других гнев.

– Как такое случилось?

– Какая же ты мать? Как можно забыть ребенка?

– Куда ты смотрела?

Вопросы и упреки сыпались отовсюду.

– Я же не нарочно. Второпях вместо дочки схватила гуся.

– Гуся?!

– Не может быть!

– Вот это да!

– Откройте дверь! Помогите же, что вы стоите? Я должна вернуться в деревню! Дома Расия осталась одна. Я должна быть с ней! Если не приду, она умрет! О Боже, помоги мне!

– Мы уже четыре часа в пути, – сказал тот же старик, дергая Зою за рукав. – Это где-то двести, а то и двести пятьдесят километров. А что если ногу сломаешь? Даже если не покалечишься, дома все равно будешь не раньше, чем через два дня.

– Пусть, мне бы только сойти с поезда!

Воя, Зоя изо всей силы дергала двери вагона, пытаясь их открыть. А старик всеми силами старался остановить молодую женщину. Бабы, согласившись со стариком, уговаривали Зою покориться судьбе. Но никому не под силу было успокоить мечущуюся в отчаянии женщину.

Вдруг перед глазами Зои потемнело, она рухнула на пол...

От услышанного я покрылся холодным потом. Жестокая война оставила на сердце этой женщины незаживающую рану. Только теперь я, кажется, понял, почему ее печальные глаза не просыхали от слез. Бедняжка не могла забыть тот злосчастный день, который перечеркнул всю ее жизнь. И никогда, наверное, не забудет.

– У меня к тебе одна просьба, – сказала тетя Зоя, умоляюще глядя мне в глаза.

– Только скажите.

– Теперь я должна вернуться в деревню. Я бы хотела, чтобы ты меня сопровождал.

– Вы хотите уехать... навсегда?

– Пока ничего не могу сказать.

– Вы думаете, односельчане вас проймают!? Ведь они...

– Пусть думают что угодно. Все это время я была убеждена, что от дочки не осталось никакой памяти. Слава Всевышнему, оказывается, есть могилка! Я должна навестить ее, обнять и попросить прощения. Буду умолять, чтобы она простила меня, грешную. Если не сделаю этого, не смогу сама себя простить. Пожалуйста, возьмите меня с собой в следующую поездку!

Я пообещал. Впервые она поцеловала меня в лоб.

В середине весны я снова собрался в командировку. Оформил тетю Зою как туристку в надежде, что она вернется обратно, купил билеты.

...На подходе к деревушке мы замедлили шаг: у нее затряслись руки, а ноги будто свинцом налились. Я взял ее под руку, со слезами на глазах она поблагодарила меня.

– У меня сердце кровью обливается: как же я предстану перед ее могилкой?..

– Держитесь, Бог свидетель, вы сделали это не нарочно. Мне кажется, дочка давно вас простила.

– Если так...

Тетя Зоя не сводила глаз с приближающегося холма, в горле у нее пересохло, воздуха не хватало, ноги едва передвигались. Наконец, взобравшись на холм, мы дошли до маленькой могилки Расии. Увидев старую дощечку с вырезанной надписью, тетя Зоя не выдержала и разрыдалась. Она упала на колени перед покрытой молодой травой могилкой дочери, обняла ее и застонала.

Я не в силах был наблюдать эту печальную картину. Стоя возле могилы, Зоя бесконечно повторяла: «Прости меня, дочка». «Пусть побудут наедине», – решил я и отошел в сторону.

Прошло немало времени, прежде чем я вернулся, желая помочь тете Зое подняться: земля-то сырая – вдруг заболит?..

– Тетя Зоя, вставайте, не мучайте дух ребенка!

Тетя Зоя не ответила. Я подумал, что, видимо, не расслышала, и тронул ее за плечо. Тело бедной женщины почему-то не шелохнулось. Пораженный страшной догадкой, я пощупал пульс – тишина...

Ближе к вечеру в этот день на холме появилась еще одна могилка...

Перевод Лиры Пиржановой.

Ли́ра ПИРЖАНОВА. Переводчик. Окончила персидское отделение ТашГИВ. Владеет несколькими языками.

Мысли о былом

ТИЛАК ДЖУРА

* * *

На окраине города,
Где воздух глубок и свеж,
Мать и сын живут гордо
В бурном потоке надежд.

В домике раннее солнце
Свой оставляет след.
Мать – за шитье, лишь проснется,
Сын – за бумагу чуть свет.

День не приносит покоя.
Вяжет она и шьет.
Он, в такт вода рукою,
Читает, почти поет:

– Бесконечного неба арка,
Реки быстротечной струя –
Пусть это будет подарком
Вам, матушка, моя.

– Как хорошо! – молодея,
Молвит. – Как дивна земля!
(Руки дыханием греет:
Хоть бы ведерко угля).

Вздрыгнул, поник головою,
Жесткою складкой рот.
Но снова, прикрывшись рукою,
Голосом тихим поет:

– В древних горах тюльпаны,
Все сады бытия,
Все золото барханов –
Вам, матушка моя.

– Как хорошо! – над вязаньем
Остановилась рука.
(Где-нибудь шифер достанем,
Чтоб не лило с потолка...)

На окраине города,
Где вечер глубок и свеж,
Мать и сын живут гордо
В бурном потоке надежд.

Тилак ДЖУРА (1947–1994). Родился в Бухарской области. Работал на кафедре теории и практики переводов ТашГУ (ныне НУУз). Автор 7 сборников стихов, научных трудов, переводов с русского, турецкого, азербайджанского, армянского языков.

* * *

Качнулись вслед вершины тополей.
Осталось детство в их наклонах строгих.
Запутался в ветвях бумажный змей –
Летучий змей дней наших босоногих.
 О лабиринты босоногих троп,
 Что вывели нас к жизни вдохновенной!
 Теперь пустыня обжигает лоб,
 Теперь летим в объятия вселенной!
И наша цель натянута, как лук.
Мы движемся, как молния сверкая.
Нам тяжесть не делить под тучами разлук,
Которые встают, пространство разделяя.
 Но в сердце не померкнет тот ручей,
 Что был нам бурною рекой в порогах.
 Сегодня память матери нежней
 Своих детей целует босоногих!
Качнулись вслед вершины тополей,
Осталось детство в их наклонах строгих!

* * *

– Будь у меня клочок земли,
 засеял бы.
Будь у меня клочок небес,
 засмотрелся бы, –
Так Мустафакул мечтал.

– Будь у меня бумаги клочок,
 написал бы мечту свою...
У Мустафакула есть
 горсточка звёзд,
 земли уголок,
 бумаги клочок...
Он всё мечтает:
– Будь у меня любимая,
 родинкой приник бы к её губам.
Будь у меня быстроногий конь,
 солнцем бы светлым летел на нём...
У Мустафакула есть
 любимая
 и быстроногий скакун.
Он продолжает мечтать...

Перевод Татьяны Гутиной.

ГАСТАРБАЙТЕР

Рассказ

АЛЕКСАНДР ИКРАМОВ

*Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о Ромео и Джульетте.*
В. Шекспир

Зима

– Варька, ну ты просто дура! Какой гастарбайтер? Выдумала тоже. Ну ты что, не понимаешь? Человек приезжает на учебу к нам. Будет учиться и работать. Осваивать новые методики. Будет год учиться, понимаешь, год! Ну какая гостиница? Квартиру он тоже не хочет снимать. Дорого. Ему нужна комната. Понимаешь? Ком-на-та! Всё! У тебя свободная комната? Деньги тебе нужны? Так чего ты кобенишься? У тебя мужа нет, детей нет. Ты одна. Никто возражать не будет. Он нормальный мужик, интеллигентный, вежливый. Кандидат медицинских наук! Он уже приезжал к нам. Я его знаю! Ну? Поняла?

Людмила нервно смахнула со стола несуществующие крошки.

– Варь, сама подумай. Ну стану я тебе подсовывать кого попало. Я тебе говорю – нормальный мужик. Для него твоя квартира – идеальный вариант. Центр, к работе близко. А тебе деньги. И неплохие между прочим. В конце концов, не понравится – откажешь ему. Всё, я пошла.

Людмила вышла в коридор, хлопнула входная дверь.

Вот так всегда. Со школьной скамьи подруга верховодила в жизни Варвары. С её характером полком командовать, как говорила бабушка. Но бабушки уже нет! Год назад бабушка внезапно умерла, и Варвара осталась в Москве одна-одинешенька, Людмила сама взяла на себя все хлопоты с похоронами и прочими ритуальными мероприятиями. Варвара, оглушенная горем, ничего не соображала. Мама, единственный близкий человек, работала далеко на Севере и не смогла приехать вовремя. Недавно мама переехала в Москву к своему новому мужу, с которым когда-то вместе училась в университете. Варвара подозревала, что переехала она ради неё, бросив свою любимую работу. Она очень беспокоилась за дочь.

Варвара вышла в коридор и закрыла входную дверь на зашелку, остановившись перед зеркалом в коридоре. Ну что ж, тридцать два года, не замужем, детей нет. Не дурнушка, но и не красавица. Так себе. Фигура не испорченна родами. Ноги стройные. А в остальном ничего особенного. Правда, худошава.

Александр ИКРАМОВ (Рустам РАХИМОВ). Родился в 1960 г. в Ташкенте. Окончил ТашМИ, преподавал в Академии МВД РУз, подполковник. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

Насколько даже излишне. Но это, скорее, результат правильного питания, а не диеты. Просто у бабушки пенсия была небольшая, да и зарплата Варвары не позволяла шиковать. Так что питались без особенных изысков. Не голодали, конечно. Кашки по утрам, обед часто вегетарианский, а от ужина бабушка всегда отказывалась. Зато она варила всякие варенья, и целый год они пили чай с вареньем. Варвара и в этом году наварила варенья, но с кем теперь чай пить?

Квартира была бабушкина – ещё старинной постройки. Высоченные потолки, светлая, в самом центре Москвы. Три комнаты. В одной жила бабушка, в другой Варвара, а в зале они пили чай. Нет, можно было, конечно, попить и на кухне, но бабушка любила пить чай именно в зале, торжественно, из старинных чашек и самовара. Самовар был электрический, но все равно – это был самовар. И чаепитие было целым ритуалом.

Варвара заглянула в комнату бабушки. Год прошел, а она ничего здесь не меняла. Только вытирала пыль и поливала цветы.

Мужчина оказался совсем не таким, каким представляла его себе Варвара. Ничего азиатского в нем не было. Говорил по-русски чисто, без акцента. В толпе москвичей абсолютно ничем не выделялся бы. Среднего роста, широкие плечи. Видно, раньше занимался спортом. Голова бритая, как бильярдный шар, и вежливый до приторности. Людмила говорила, что это у них менталитет такой. Восточное воспитание. Он сидел на стуле, внимательно смотрел на Варвару и молчал. И Варвара молчала. Говорила в основном Люда. Варвара показала квартиру, гостю она понравилась, и они договорились, на каких условиях он будет жить. Потом они с Людой ушли, и вернулся постоялец только вечером с чемоданом и сумкой. Варвара сидела в зале, смотрела телевизор, чувствуя какое-то раздражение. Он вышел из своей комнаты и попросил разрешения принять душ.

– Да, конечно, – рассеянно ответила Варвара, но раздражение усилилось.

Он что, и в туалет будет разрешения спрашивать? Варвара выключила телевизор и пошла спать. Дверь на всякий случай закрыла на заселку.

Утром Варвара проснулась поздно. Было воскресенье, торопиться было некуда. Вспомнив про постояльца, она вышла из комнаты. Постоялец уже стоял в коридоре в куртке и надевал обувь.

– Извините, Варвара Николаевна, я убегаю. Хочу побродить по Москве. По знакомым местам. Я завтрак приготовил, там, на столе, так что приятного аппетита.

Он ушел и Варвара закрыла за ним дверь.

Снова стало нарастать раздражение – какой завтрак? Из каких продуктов? В холодильнике пусто.

Она сдернула полотенце и увидела полный стол еды. Холодильник был забит продуктами: колбаса, сыр, сосиски, сметана, молоко, яйца...

«Зачем это все?..» – растерянно думала Варвара.

Вечером она сказала ему:

– Не нужно было этого делать. Покупайте только для себя.

– А я купил только то, что необходимо. На каждый день. А вы, пожалуйста, берите все, что хотите. Кушайте на здоровье.

Весна

Варвара, заходя в подъезд, столкнулась с Витькой, соседом, больно стукнувшим её в бок и наступившим на ногу.

– Ой, извините, тетя Варь, – на ходу извинился он. – Бабушке плохо, скорую бегу встречать.

Варвара зашла в квартиру и почувствовала, как вкусно пахнет жареным мясом. Она вошла в кухню, потирая бок.

– Ты чего? – удивился он.

– Да так. Витька, сосед, налетел на ходу. А ты что жарить? Как вкусно пахнет! Это что за трава, базилик?

– Ага, только у нас она называется райхон.

– Красиво. Ты уже обедал?

– Да нет, тебя ждал, в животе уже урчит. Мой руки.

Варвара пошла мыть руки и, выходя из ванной, снова потерла бок.

– Так сильно стукнул? Отругала его?

– Да нет, он бежал скорую встречать. Там бабе Наде плохо. Опять приступ, наверное.

– А чем она болеет?

– Астма у нее. Периодически приступы случаются. Вот они неотложку и вызывают. А так ей медсестра из соседнего дома уколы делает. Сейчас, наверное, дома её нет.

Он задумался.

– Слушай, давай ходим. Может, помощь срочная нужна.

Варя пожала плечами

– Ну давай.

Они поднялись на два этажа. Дверь открыла перепуганная Оля – Витькина мать.

– А, это ты Варя? Что хотела? Извини, тут маме плохо.

Варвара хотела что-то объяснить, но Он решительно отодвинул Варвару и Олю в сторону.

– Где больная?

– Там, – Оля махнула рукой в сторону комнаты.

Он пошел в комнату, за ним – женщины. Баба Надя сидела на краю кровати. Кожа была землистого цвета, на лбу крупные капли пота. Дыхание тяжелое, с присвистом, она упиралась ладонями в колени. Так было легче дышать.

– Здравствуйте, – тон был деловым и ничего лишнего. – Лекарства ваши где?

Баба Надя кивнула головой на столик при кровати. Там лежала куча лекарств, но Он быстро нашел нужные и, открыв ампулы, начал набирать в шприц.

– Вам обычно эти лекарства колют?

Баба Надя кивнула.

– У неё вены очень тонкие. Тяжело попасть. Не всякий может, – Оля суежилась рядом, пытаясь помочь.

– Аллергии нет? – Он продолжал набирать лекарство.

Баба Надя помотала головой. Говорить ей было очень тяжело.

– Сейчас станет легче.

Поднял рукав халата, и Варвара увидела тонкие худые руки бабы Нади. «Да как тут вообще вену найти можно...» – удивилась она. Но Он легко проколол кожу, а потом, нащупав вену, ввел иглу и начал медленно вводить лекарство. Баба Надя сидела опустив голову. Постепенно дыхание становилось свободнее, изменился цвет лица. Варя и Оля с напряжением смотрели на них. Вдруг баба Надя глубоко вздохнула и подняла голову.

– Отпускает, – с придыханием сказала она, снова закрыла глаза и расслабилась.

Он кивнул Варваре головой – «поддержи». Варвара подхватила легонькую бабу Надю за спину, она облокотилась на неё. Он кончил вводить лекарство и, вынув шприц, проверил пульс. Потом они с Варей осторожно уложили бабу Надю на подушки. Она открыла глаза.

– Спасибо вам.

– На здоровье, – ответил Он. Потом принял и сказал Оле: – У вас горит, по-моему, что-то...

Оля ойкнула и кинулась на кухню.

– Пойду, помогу, – Он пошел вслед за Олей.

– Муж твой? – спросила баба Надя.

Варвара смутилась.

– Да нет, жилец.

– Хороший человек. И врач хороший.

В дверь резко позвонили и тут же стали стучать кулаком.

– Борька, – улыбнулась баба Надя, – сынок.

Борис ворвался в комнату и бросился к матери.

– Мамуль, ну что с тобой?

Варвара тихонько встала и вышла в коридор. В дверь снова резко зазвонили и вновь стали стучать кулаком. Варвара открыла дверь. Ворвался Витька, а за ним вошли врачи.

– Куда?

Витька махнул рукой. Из кухни выглянула Оля.

– Скорая приехала, – сказала Варвара.

– Идем к нам. У меня тут расстегайчики.

Варвара вошла на кухню. Он сидел на табуретке и жевал. Отломил половину расстегая и протянул Варваре.

– Да что вы, ешьте сами, вот полная тарелка, – засуетилась Оля. – Варя, бери.

– Нет, спасибо, – ответил он. – Нам хватит. Нас дома жаркое ждет.

На кухню вошел Витька.

– Без меня не знаю, когда нашли бы нас врачи. Тут ещё, как назло, кто-то машину свою поставил – не проехать, не пройти. Я хотел камнем в лобовое запустить, но возиться некогда было.

Все взялись за расстегайчики. На кухню вошел врач скорой. За ним шел Борис.

– Простите, коллега, мне нужно кое-что узнать. Что вы ввели и какую дозу? Записать надо бы в листок для отчета.

– Да-да, конечно. Эуфиллин 2,4 % пять кубов с физраствором, потом... – сыпал он латинскими названиями лекарств.

Врач скорой кивал головой и быстро записывал.

– Ну, замечательно. Спасибо вам.

– Доктор, как она, с ней все нормально? – Борис дышал доктору в затылок.

– Да, вы знаете, коллега сделал все хорошо. Приступ прошел, я вам потом подскажу, какие лекарства попить. Хотя ваша мама лучше меня знает, что ей нужно.

– Господи, как хорошо, что вы оказались дома! – Оля вытирала тарелки сухим полотенцем. – А то не знаешь, к кому обратиться.

– А вы сами не пробовали колоть?

– Ой, я боюсь!

– Надо учиться. Конечно, врача надо вызывать, но самой тоже нужно уметь.

Скорая уехала. Они тоже засобирались, дома ждал обед. Но Варвару на лестничной клетке остановил Борис.

– Слушай, возьми вот это, – он протянул деньги.

Варвара удивилась тому, сколько он даёт.

– Нет, ты что, с ума сошел? Да ещё так много...

– Бери, мама наказала отблагодарить.

– Ну я-то тут при чем? Ему отдай.

– Я давал – не берет он, отказывается. Ну ладно он, мы и не знакомы вовсе,

но с тобой мы с детства друг друга знаем. А мать наказала отблагодарить. Ты знаешь я ради матери...

– Не возьму я ничего.

Борис разозлился.

– Возьми, я сказал. Раз мама сказала, я сделать должен. Всё!

Он сунул Варваре деньги в карман, потом, слегка замявшись, чмокнул её в щеку:

– Спасибо тебе за маму! – и вернулся в квартиру.

Дома Варя положила деньги на стол.

– Борис дал, я не хотела – он сунул.

– Вообще-то, у соседей брать не надо. Но... Раз сунул, то ладно. Купи, что нужно, для себя или для дома. Слушай, картошка, по-моему, переварилась...

Лето

От мамы возвращались совсем поздно. Уже около полуночи. В метро было совсем пусто. В вагоне, куда они сели, было всего несколько человек. И почему-то старушки. Ехать нужно было долго, и Он задремал, опустив голову на грудь. Устал. После ночного дежурства не выспался. Варвара тоже стала дремать, обхватив его руку и прислонившись к плечу. На очередной станции ввалилась группа юнцов, гогоча и размахивая руками. Варя поморщилась от шума. Он, не обращая внимания на юнцов, дремал. Те расселись в конце вагона на скамейках и продолжали гоготать.

Через остановку в вагон вошла девчонка в коротенькой юбке. У Вари екнуло сердце – что-то будет. И точно: юнцы сначала замолчали, разглядывая юную пассажирку, а потом начали шушукаться. Поезд тронулся. Один встал и подошел к девчонке. Стал что-то говорить. Видимо, что-то неприятное. Та встала и отошла к двери, намереваясь на следующей станции перейти в другой вагон. Это была ошибка. Юнцы встали и окружили девушку. Началась возня и вскрики. Девушка сопротивлялась но, кажется, её держали за руки. Старушки с осуждением отворачивались, а Варя с раздражением думала: «Вот зачем надела такую короткую юбку? Сама виновата. Ну не станут же они её прямо тут насиловать? Пошупают и отпустят. Господи, когда же станция?»

Он шумно вздохнул и открыл глаза. Осторожно убрал Варину руку, встал и подошел к юнцам. Пуская слюни в сладострастном угаре, они не заметили, как Он подошел.

– Ну что, подзаборные? Нормальные девочки не дают ребятам с помойки?

Тон был пренебрежительно-наглый. На такое не ответить было нельзя. Варя подошла и ухватила за его руку. Он стоял и спокойно рассматривал толпу.

– Ты чё, дядя, рамсы попутал? – один из юнцов был, видимо, за жоака и вышел вперед.

– Рот закрой, сявка, и слушай сюда. Девочку отпустили и запомнили: если я сейчас вытащу удостоверение, то дальше разговор будет только в участке. Всосали инфу?

– Лягавый, что ли? На, возьми меня, – жоак вытащил из кармана «бабочку» и махнул перед лицом лезвием.

– Ну ты даёшь, – улыбнулся Он. Потом резко сунул руку за пазуху – будто за пистолетом. – Ну, иди сюда, гаденыш, дай мне возможность пристрелить тебя при нападении на сотрудника.

Жоак шархнул назад. Остальные тоже попятнулись.

– Иди сюда, – Он властно протянул руку к девочке. Вторая была за пазухой. Девчонка стряхнула с себя руки и со всего размаха дала пощечину тому, что был слева. Видимо, сильно её достал. Пройшла сквозь толпу и прижалась к Варваре. Та инстинктивно прижала её к себе, как мать прижимает ребенка.

Поезд подъехал к станции. Не вынимая правой руки из-за пазухи, Он скомандовал:

– Пошли вон, бегом!

Юнцы бросились к выходу. Двери закрылись, поезд тронулся.

Сидя на скамейке и размазывая слезы, девчонка рассказывала, что была у подружки на дне рождения, засиделись, но её проводил до метро старший брат подружки, офицер-десантник. Хотел проводить до дома, но она отказалась. Что могло произойти в метро? А вот, оказалось...

– Да если бы он сейчас был здесь, да он бы их всех за секунду раскидал.

– Если бы он был с тобой, они и не подошли бы к тебе.

Поезд подъезжал к станции.

– Давай мы проводим тебя до дома.

– Нет-нет, спасибо вам огромное. Меня у выхода папа встречает. Ещё раз спасибо вам огромное.

Она побежала к выходу из метро, а поезд поехал дальше.

Когда шли от метро к дому, Варвара спросила:

– Откуда у тебя пистолет? Настоящий или травматический?

– Какой пистолет? – очнулся Он.

– Ну, этот, который у тебя... – кивнула она на пиджак.

– А-а-а, этот... Да нет никакого пистолета. Пусто тут, – ответил Он, позевывая. – Слушай, спать хочется. Что-то я так устал...

Варя недоверчиво потрогала пиджак. Под полой ничего не было.

– И правда ничего... А я подумала...

Осень

– Слушай, ты, вроде, дополнительную работу подыскивала себе?

– Вроде, – пошутила Варвара.

– Так я вроде как нашел. Были мы у одного богатенького в гостях. Смотрели его тещу. Я разговорился с хозяином дома. У него дочка пятнадцати лет, он хочет, чтобы она в МГИМО поступала. Готовится с репетиторами, английский и французский изучает. Ну, я и спросил про русский и литературу. Он задумался, а потом говорит: «Надо бы и это». Я предложил тебя: «У меня классная учительница есть. Берет, правда, дорого, но готовит качественно».

Он попросил телефон. Я дал твой. Так что сегодня будет звонить. И учти, о цене мы уже договорились: я сказал сколько – он согласился.

– И сколько?.. Сколько!?! Да ты с ума сошел. Да кто согласится за такие деньги?

– Он уже согласился. И сказал, что это по-божески. Так что жди звонка

На другой день в комнату вошла девочка в джинсах в обтяжку и умопомрачительно красивой блузке.

– Киса, – представилась она, – меня так все зовут и в школе, и дома.

– А учителя?

– По фамилии вызывают...

За ней вошел шкафообразный парень. Это был шофер-телохранитель.

– А это Саша. Его ко мне папин начальник безопасности приставил.

Договорились, что ждать её он будет в машине.

– Саша такой пусик! Добрый. Он, когда меня возит, всегда останавливается, где попрошу. Особенно, когда с девчонками едем куда-нибудь. Мороженое и пепси решает покупать. Мне девчонки завидуют. Их телеха (телохранители) от инструкции отступить боятся, а Саша – нет, не боится. Лапочка! У него недавно дочка родилась...

Выяснилось, что учиться она не хочет.

– Зачем же ты согласилась?

– Папочка заставил. Сказал, не буду учиться – не поеду в Испанию на море. Пришлось согласиться.

Три занятия она приезжала и исправно отбывала положенное время. Но учить что-либо категорически не хотела. Слушала вполуха, а на последнем занятии вообще заткнула уши наушниками с музыкой. Варя бессильно опустила руки. Села напротив.

– Зачем же ты мучаешь себя и меня? Я ведь не могу так заниматься с тобой...

– А вы не старайтесь. У меня так училка по английшу делает. Преподаёт – а там трава не расти. Папулечка ведь деньги платит. И вы так делайте.

– Я так не могу – это обман. Я сообщу об этом твоему папе.

– А я скажу, что вы преподавать не умеете, что то, что вы преподаёте, я не понимаю. Кому поверят?

– Ну почему ты так делаешь? Неужели тебе не интересен Пушкин?

– Не интересен. Он жил триста лет тому назад. Он архаизм.

– А ты читала его?

– А зачем? Есть же кино разное. Мне интересно смотреть. А самой читать...

Вечером Варя пожаловалась.

– Надо её заинтересовать, – ответил Он.

– Как?

– А ты попробуй прочесть ей сама что-нибудь. Ты ведь так замечательно читаешь.

– Да что ей прочесть?

– А что привлекает девочек в таком возрасте? Любовь! На! Вот как раз для неё.

– Шекспир?! Ромео и Джульетта?! Ты с ума сошел. Она и слушать не будет...

На другой день, попытавшись провести урок, Варвара поняла, что это бесполезно. Киса упорно ничего не хотела. Варвара бросила учебник на стол и подошла к окну.

Киса исподлобья хитро посматривала на нее. Очередная училка была повержена. Конечно, это грозило новым «серьёзным» разговором с папочкой, но раньше прокатывало. Странно, что она не хватается за телефон и не спешит жаловаться папочке, как это делали другие.

Посмотрев в окно на темнеющее небо и падающие листья, Варвара обернулась: её взгляд упал на книгу, о которой вчера был разговор, она раскрыла её и просто начала читать:

– Две равно уважаемых семьи

В Вероне, где встречаются нас события,

Ведут междоусобные бои

И не хотят унять кровопролитья.

Друг друга любят дети главарей,

Но им судьба подстраивает козни,

И гибель их у гробовых дверей

Кладет конец непримиримой розни.

Их жизнь, и страсть, и смерти торжество,

И поздний мир родни на их могиле

На два часа составят существо

Разыгрываемой пред вами были.

Помилостивей к слабостям пера:

Грехи поэта выправит игра.

Киса в недоумении смотрела на училку. Она свободнее села на стуле и засунула в рот леденец. Было скучно, но она молчала. Ладно, пусть хоть такой компромисс. Время шло, и Киса не заметила, как заслушалась. Действие переносило её в Верону, на много веков назад. Но события были так похожи на сегодняшние! И любовь юноши и девушки, и несогласие родителей из богатых, но враждующих семей. Как все похоже...

Постепенно она увлеклась. Маски сменялись одна за другой. События

разворачивались стремительно. Смерть уводила персонажей со сцены. Хитрость, коварство, любовь...

Варя следила за лицом Кисы. Сначала та сидела с отсутствующим видом, не поднимая глаз, но в какой-то момент подняла глаза, и Варя увидела в них интерес. Теперь она безотрывно следила за Варей. Её простодушное лицо выражало всю гамму чувств, которые испытывала девочка.

Тревожный звонок прервал Варвару на полуслове. Она открыла дверь, и вошел Саша.

– Извините, Варвара Николаевна, время вышло, а Кисы все нет, я и забеспокоился.

– Простите, Саша, это мы зачитались. Ну что, – обратилась она к девочке, – может, прервемся?

Но Киса отрицательно замотала головой.

– Ну хорошо, если вы не торопитесь... Саша, хотите послушать?

– А что вы читаете?

– «Ромео и Джульетту».

– Шекспира?! Конечно хочу. Только... одну минутку...

Он набрал номер на телефоне.

– Это я. У нас все в порядке. Но занятие не закончилось, приедем с опозданием. Возьми на контроль. Как закончится – доложусь.

Он положил телефон.

– Извините, Варвара Николаевна.

Варя продолжила читать.

Тихо шло время, сумерки сгустились и превратились в ночь. И вот:

Сближенье ваше сумраком объято.

Сквозь толщу туч не кажет солнце глаз.

Пойдем обсудим сообща утраты

И обвиним иль оправдаем вас.

Но не было судьбы грустней на свете,

Чем выпала Ромео и Джульетте.

Варя положила книгу, наступила тишина. Киса тихонько всхлипнула. Шмыгнула носом и вытерла глаза. Саша шевельнулся, и кресло жалобно скрипнуло под ним.

– Спасибо вам, Варвара Николаевна. Вы так здорово читаете. Ну, мы уже пойдем, наверное. Нас дома ждут.

Киса встала и пошла к дверям. Уже одевшись, она вдруг повернулась и подошла к Варе:

– Меня Настей зовут. А бабушка зовет Анастасией.

Когда он пришел с работы, Варя рассказала о том, что было. Он только кивнул – «вот и хорошо».

Позже раздался телефонный звонок.

– Извините, Варвара Николаевна, здравствуйте. Это отец Кисы. Извините, что так поздно. Киса вернулась какая-то странная, мне показалось, даже заплаканная, сразу легла у себя, а Сашу попросила купить ей завтра Шекспира. Вы не могли бы прояснить ситуацию?

– Сегодня мы читали «Ромео и Джульетту».

– И что?

– Настя очень чувствительный подросток. Ей понравилось.

– Кто? Ах... Вы сказали – Настя... Да-да... Значит, все в порядке? Ну, извините за беспокойство. Спокойной ночи.

Настя ворвалась в комнату и закричала с порога:

– Враньё все это! Девчонки сказали, что такой любви не бывает! Только в книжке она может быть! Надо быть психом, чтобы умереть из-за любви к кому-то. В обычной жизни такой любви нет!

– А ты как думаешь? – спокойно спросила Варя.

– Они правы!

– А разве человек не отдаёт жизнь за другого человека на войне? Или на пожаре не рискует своей жизнью ради другого человека? Зачем он это делает? Или это делают только психи?

– Не знаю!

– Они правы только в одном – не нужно умирать ради любви. Ради любви нужно жить. Во что бы то ни стало. А Шекспир просто написал такую историю. Вот уже пятьсот лет люди продолжают читать его, и эта история по-прежнему волнует их. Подумай об этом.

Ещё через несколько дней Настя пришла на занятие возбужденная.

– Я поняла! Вы правы! Пусть говорят что хотят. Любовь есть на свете. Шекспира потому и помнят, что он написал о ТАКОЙ любви!

– Хорошо, что ты это поняла. Только любовь свою надо встретить. Но у тебя вся жизнь впереди.

Настя помолчала и вдруг, улыбнувшись, сказала:

– А меня теперь все в школе зовут Анастасией.

– Почему?

– Я так сказала! Я сказала, что это сейчас в моде: старинные русские имена Анастасия, Фёкла, Варвара не то что избитые Ленка, Светка или, ещё лучше, Анжелика или Кейт – всякая заграница. Анжелка даже заплакала сначала, но я её быстро успокоила. А на уроке по литературе я нашу Анну Федоровну в тупик поставила. Сказала, что буду поэтессой. Она предложила прочитать что-нибудь своё. Я говорю: «Сочиню – прочту. А пока прочту любимое». И выдала:

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличие,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Не ставит ни во что любовных клятв.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленья
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться...

Настя действительно читала хорошо, слова лились свободно и искренне. Варя поразились тому, как много выучила Настя за такое короткое время.

– Не знаю. Слова сами легли на сердце. А Анна Федоровна мне отличную оценку поставила, – пояснила та.

– Ты просто молодец!

– А потом меня девчонки стали доставать и требовали рассказать, откуда я все это знаю. Я и сказала, что занимаюсь с репетитором. Сказала, что с самым

лучшим репетитором в Москве. Папочка договорился. Так Ленка, дура такая, сказала, что она со мной не станет дружить и на пони своём кататься не позволит, если я не договорюсь с вами насчет неё. А я сказала, что мне её пони на фиг не нужен. Так Ленка чуть не заплакала и умоляла договориться. Я сказала, что это сложно, но попробую только ради неё. А Светка обиделась и сказала, что подруги так не поступают. В общем, я обещала и насчет неё поговорить.

– Ну хорошо, ты же знаешь, я сейчас свободна и с удовольствием позанимаюсь и с ними. Где двое, там и трое.

– Двадцать два!

– Что двадцать два?

– Двадцать два человека хотят у вас заниматься. А половине школы я отказала. Сказала, что стоимость обучения высокая.

– Насколько высокая?

– В два раза выше, чем у меня. А что?! Мне же теперь положены скидки...

Зима

Аэропорт сверкал огнями. Самолеты взлетали и садились. Рев и гул моторов сливался и раздавался далеко вокруг.

Девушка-пограничник смотрела на странную пару. Она – в шикарном манто и сапогах, с золотыми сережками, прическа, макияж, Он – просто и обычно одетый, в куртке и полусапожках. Даже шикарное манто не скрывало большой живот женщины.

– Варь, ну как я могу уехать в такой момент. Тебе же недели две осталось.

– Перестань, отец – это святое. И, дай бог, чтоб он ещё сто лет прожил.

Он покачал головой.

– Сестра сказала, что в очень тяжелом состоянии. Не знаю, успею ли застать его в живых.

– Успеешь. Постарайся. И постарайся помочь ему. Ты же волшебник. А я буду молиться за него.

– А как же ты?

– Всё будет хорошо, Люда сегодня перебирается ко мне, с клиникой вы договорились, в любой момент примут. Я теперь на машине. Так что беспокоиться не о чем.

– Да, скажи Людмиле, чтоб обратно не гнала сильно. Хоть машина и новая, а мало ли что...

– За машину переживаешь, – улыбнулась Варя.

– Перестань! Я за тебя беспокоюсь.

– Не волнуйся. Помни только главное: я жду тебя всегда, в любое время...

Он хотел что-то сказать, но она прикрыла его рот ладонью.

– Я знаю, у тебя будет много хлопот с отцом, много домашних дел, ты старший сын и теперь за маму отвечаешь. Но знай, я жду тебя. Всегда. И когда бы ты ни приехал, я всегда буду тебя ждать. А скоро мы вдвоем будем тебя ждать. Только приезжай. Когда сможешь.

Варя крепко поцеловала его в губы.

– Иди, на твой рейс объявили посадку.

Он подошел к окошку и протянул девушке-пограничнику паспорт. Она посмотрела: с учетом все в порядке. Почти год прожил.

Он прошел за барьер и помахал ей рукой. Она послала ему воздушный поцелуй. Он ушел, а Варя ещё долго смотрела ему вслед и глотала слёзы.

А девушка-пограничник смотрела на неё и не могла понять, что между ними общего. Она такая богатая и красивая, а Он кто?.. Скорее всего, гастарбайтер.

Маятники

Анастасия ПАВЛЕНКО

За стеной

За стеной кто-то мерно и глухо стучит,
так работает сердце, когда не молчит.
Хлещет возниц по красным и пухлым
щекам,
бьет по сгорбленным спинам и
сильным рукам,
чтоб по венам бежали горячей гурьбой
и всю жизнь оставались довольны
собой.

За стеной кто-то громко с надрывом
кричит,
это Я потеряло от дома ключи,
перед дверью с баулами счастья стоит,
проклинает судьбу и весь свет материт.
А в подкладке пальто среди крошек
сухих,
среди желтых квитанций ключ
в страхе притих.

За стеной в полумраке чуть слышно
поют,
это губы любимой любимого ждут,
отпускают на волю святые слова,
чтобы их не сташила людская молва
на крошку, в жаркое, на суп или
впрок,
отправляют с нарочным, не зная
дорог...

Анастасия ПАВЛЕНКО. Родилась в 1979 г. Окончила факультет иностранной филологии Кашкадарьинского госуниверситета. Работала учителем в школе. Работает зам. главного редактора газеты «Самаркандский вестник». В «Звезде Востока» печатается впервые.

Я просыпаюсь

* * *

Я просыпаюсь с улыбкой –
где-то вчера проблемы
съедены лангольерами
и пропиты забулдыгой.

Он мучает, грызет и точит,
И ищет трешинку в стене,
А не найдя, грохочет ночью,
Кошмаром явится во сне.

Я просыпаюсь, а солнце
дарит свое богатство
в вечной валюте братства –
осенними червонцами.

Он роется в ошметках мыслей,
В очистках прожитого дня,
Ему доступны дол и выси,
Куда он волочит меня.

Я просыпаюсь, слыша,
как просыпается город,
раскладывая свой короб
лукавого нувориша.

И, задыхаясь на исходе,
Когда уставший мир затих,
Моей рукой себя выводит
По буквам ненасытный стих...

Я просыпаюсь, чтобы
светлое сделать важным,
пусть иногда врукопашную
и без защитной робы...

Маятники

Им дают другие имена,
изошряясь в тонкостях и смыслах.
В пустоту из пустоты – волна
на плечах свинцовым коромыслом.

В мастерской художника

Здесь нерв грунтованный распят –
Он резонирует мгновеньям
И ловит брызги вдохновенья
В тот час, когда другие спят.

И цепляют крючьями страстей,
обещая больше зрелищ, хлеба.
Но хрустит дорога из костей,
и слова с песком уходят в небыль.

Здесь что ни линия, то фронт
Священной битвы света, цвета,
Немых вопросов без ответа,
Без примирения сторон.

А все тонкости – забавы для котят,
солнечные зайцы на паркете:
их пытаются рукой поймать,
в клетку посадить и обезвредить...

Здесь грёзы обретают плоть –
Они летают, смотрят, слышат,
Ворочаются, громко дышат
И в силах время побороть...

Вновь дают другие имена –
громче, заковыристее прежних.
В пустоту из пустоты – волна
каменное точит побережье...

Ночной Самарканд

Утомленный за день, Регистан
затихает под покровом ночи,
Гур-Эмир на страже одиночеств
Не поет свой героический дастан,
Город в бирюзовом чапане,
Золотыми звездами расшитом,
Изумрудной лентой перевитый,
В лунном свете засыпает на спине...

Нелепые дожди

Весной случаются нелепые дожди –
Из морока нахлынут, ниоткуда.
Придут и умоляют сделать чудо.
На днях ко мне пожаловал один.

Гость говорил о сути бытия,
О невозвратном миге мироздания,
Об одиночестве, души терзаннях,
Всё повторял, что он судьба моя.

А я смеялась в мокрое лицо,
В глаза его растерянные глядя,
Забуть себя просила Бога ради,
Из грез своих не возводить дворцов.

Дождь потоптался под моим окном,
Примял траву немного башмаками,
Которые нешадно промокали,
И растворился в городе ночном.

Движением привычным дверь закрыв,
На гвоздь ключей повесив связку,
Сняла с лица насмешливую маску
И удалилась в край плакучих ив...

В тишину

В тишину, как в мечту,
Нагишом с головой.
Я за счастье почту
Быть водой, быть травой,
Вне дорог и путей,
Искореженных фраз,
Вне дурных новостей
И замыленных глаз.
Но стучит и трещит,
Колошматит и прёт –
И уж стены не шит,
А беруши не в счёт.
Шум желаний чужих
Заползает под скальп,
Где промозгло дрожит
Заколдованный альт...

Инна ЛЮЛЬКО

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Рассказы

О КРАНЕ, И НЕ ТОЛЬКО

Сломался и потёк кран.

Одинокая женщина преклонных лет меня поймёт. Потёк кран! В субботу! Под вечер! А мужа нет... А дети в России...

Особь моего пола – непостижимые люди! Женщина может быть хоть семи пядей во лбу, но если потёк кран, она мечется в великом смятении по квартире субботним вечером, и её мучит одна убийственная мысль – что делать-то?!

Ну да, это я. Та самая, семи пядей. А вот толку от этих пядей ни на грош...

Но я же не вечный двигатель! Любое движущееся тело от сопротивления воздуха начинает замедлять ход и останавливается. Воздух у меня в доме, по-видимому, особенно плотный, поэтому я довольно быстро скомандовала себе: «стоп!», вспомнив о своей мудрости. Я всегда мечтала быть мудрой, поэтому выращивала её в себе, как цветок в горшке. Вроде каланхоэ, которым не любуются, а вспоминают о нём только тогда, когда насморк нагрянет.

Мудрость укоризненно, как слабоумной, кивнула на телефон.

Я кинулась к нему, как к Николаю Угоднику, и стала звонить в ЖЭК. К моему радостному удивлению, послышался усталый женский голос. Который на мою подхалимски просительную речь тускло ответил:

– А мастер уже ушёл...

– Что же мне делать?.. – горестно, скорее, себе, чем собеседнику, сказала я, сдерживая подступающие слёзы. Но женщина их почувствовала и предложила, потеплев:

– Могу дать вам телефон сантехника. Он не наш сотрудник, но люди его хвалят. Попробуйте!

Я записала телефон и стала звонить этому хвалёному мастеру. Трубку взяли, и я торопливо, заискивая, описала собеседнику свою трагедию. Впрочем, какому собеседнику? Это был монолог, завершившийся моим адресом. В ответ услышала только:

– Ждите. Буду.

От нервного напряжения у меня, как обычно, проснулся нездоровый аппетит. Я сварила кофе и быстро нажарила мини-оладки. Люблю такие: маленькие, размером со спичечный коробок.

Инна ЛЮЛЬКО. Родилась в 1952 г. в Баку. Работала художественным оформителем. Публиковалась в журнале «Звезда Востока» и в интернете.

Знаете, что такое оладьи для хозяйки-одиночки? Это тесто, замешенное в чайной чашке. Пять минут – и ешь. Даже кофе ещё обжигает.

Не успела поесть, как раздался звонок. Я побежала в коридор и открыла дверь...

На пороге стоял седой Спаситель классически сантехнического вида: небритый, в простецкой куртке, с сумкой через плечо... И с ядрёным запахом алкоголя. А за край его куртки держалась серьёзная девочка лет шести.

Я молчала в растерянности, и мужчина спросил:

– Можно?

– Можно, можно, – очнулась я, – заходите!

Они вошли в прихожую. Мужчина поставил сумку на пол и наклонился развязать шнурки на ботинках. Вдруг он покачнулся и... упал на четвереньки! Девочка бросилась к нему, с отчаянной мукой в голосе вскрикнув негромко:

– Деда, деда!..

Я ошеломлённо смотрела на них, абсолютно парализованная этой сценой...

Мужчина попытался встать, но совсем завалился на пол, а девочка судорожно припала к нему, обнимая тонкими ручонками, и заплакала очень тихо, не по-детски.

Трудно описать шквал моих эмоций – подходящих слов я не находила...

– Что с ним? – задала я девочке самый тупой вопрос, на который оказалась способна.

Она неловко оторвалась от него, поднялась с колен и в глубоком смущении ответила еле слышно:

– Он пьяный... – потом умоляюще подняла на меня глаза и добавила: – Он хороший!.. Он только полежит немного – и встанет!..

Слёзы лились и лились из её глаз, прислонившись к стене, она стирала их ладошкой...

Сердце моё – как оно не разорвалось от происходящего, не знаю?! Я осторожно оторвала её от стенки и спросила:

– Это твой дедушка?

Она кивнула.

– А бабушка дома?

– Бабушка умерла...

– А папа с мамой где?

Она низко опустила голову. Я почувствовала, как она замкнулась: нельзя было задевать эту тему.

– Ну ладно, – сказала я, – пусть деда полежит, а мы с тобой подождём на кухне, что мы в прихожей стоять будем!

Взяла её за холодную ручку – она не сопротивлялась – и повела на кухню. Девочка робко огляделась, и я увидела, как она посмотрела на оладьи.

– Хочешь кушать? – спросила я.

Она отрицательно покачала головой. Но я засуетилась: поставила греться молоко, чтобы сварить какао.

– Знаешь, я голодная, – сказала я, – а в одиночку есть так грустно! Видишь, я одна живу. Может, ты поешь со мной? Просто за компанию?

Она благодарно вскинула на меня светлые глаза и, слабо улыбнувшись, опять кивнула.

Я поставила перед ней кружку с какао, себе налила ещё кофе, и мы стали есть так дружно, что засмеялись обе.

– Какие хорошенькие! – заметила она, деликатно подхватывая оладьи с тарелки.

– Мне тоже нравятся. Они такие – на один укус!

Она была голодна – я видела – и ела аккуратно, но с аппетитом. Потом встрепенулась и спросила тревожно:

– А вы?

– Так ведь и я ем, разве ты не заметила? – схитрила я. – Это уже твоя доля осталась! Доедай, а то они холодные станут невкусными.

Она доела всё с тарелки и оглянулась, ища, где помыть руки. Подошла к моему текущему крану и сказала уверенно:

– Деда обязательно починит его вам! Потому что он, – старательно выговорила она, – инженер-ас!

– Он инженер? – переспросила я. – А почему чинит краны?

– Потому что он стал пенсионером, и его выгнали с работы, – простодушно и печально пояснила она. И мне стало не по себе от открывшейся вдруг семейной драмы...

– Раз уж мы с тобой посидели вместе за столом, то теперь нам придётся познакомиться! – заявила я ей. – Тебя как зовут?

– Тата, – ответила она и на мой немой вопрос добавила: – Вообще-то меня называли Татьяной, но когда я была маленькая, то не могла сказать «Таня». Получалось «Тата». Так деда рассказывал. Ему понравилось. Мне тоже!

Она посмотрела на меня, и я опять подивилась свету её доверчивого взгляда: это был маленький ангел. Раненный беспощадной бедой, но не утративший своего сияния...

– Ну а меня можешь звать Марина Григорьевна!

– Ой, а деда тоже Григорьевич! Олег Григорьевич! – радостно сообщила она.

– Вот и познакомились, – засмеялась я. – Слушай, а что же мы будем делать с нашим Олегом Григорьевичем? Он же лежит на полу!

Тата смутилась.

– Он одетый. Не замёрзнет... А когда проснётся – не знаю...

Что ж, когда нет мужчины, решать приходится женщине. Вытаскивать из огня. Пахать. Спасать детей...

– Сделаем вот что, деточка моя. У вас с дедой кто-нибудь есть дома?

– Есть. Рыбки.

– И больше никого?

– Никого.

Тогда мы с тобой сейчас пойдём спать...

– Нет, я ещё не хочу, – слабо засопровтивлялась она.

– А я тебе сказку расскажу!

– Сказку? Какую?

– Ну, выберем!

– А мне деда стихи читает на ночь!

– Какие – помнишь?

– Да! «Из вереска напиток Забыт давным-давно, А был он слаще мёда, Пьянее, чем вино». А ещё – про Федота-стрельца! И про старика со старухой! Они молчали и не хотели дверь закрыть, и воры съели у них всю еду!..

«Боже мой! Да что это за дед удивительный, что знает такие стихи?» – удивилась я про себя.

– Он по книжке читает тебе?

– Нет, наизусть рассказывает!

Мне хотелось выйти в коридор и посмотреть на сантехника, павшего в беспомыслии в моём коридоре... Но я опасалась тревожить ребёнка.

Мы с Татой отправились в спальню и устроились на моей кровати. Она, потихоньку осваиваясь, уютно уместилась у меня «под крылушкой», и я рассказывала ей про аленький цветочек до тех пор, пока она не уснула...

Самой мне сон не шёл в голову. Я ещё, ещё и ещё раз обдумывала события этого вечера, и внутри меня творилось что-то похожее на весеннее томление сердца...

А ещё у меня в доме, у дверей, валялся, как мешок с зерном, инженер-ас. Олег Григорьевич. И текла вода из аварийного крана. Унося, по приметам, мои деньги...

С ума сойти!!!

Тата спала. Я уже часа два бессонно ждала хоть какой-нибудь развязки. Философия обычно доводила меня до постели и успокаивала. Но сейчас всё пошло как-то иначе, а умудрённость моя исчезла начисто.

Внезапно в квартире раздались отдалённые звонки чужого телефона. Его разбуженный хозяин коротко ответил что-то приглушённым голосом и умолк.

Я встала и вышла в прихожую. Олег Григорьевич, увидев меня, вздрогнул и спросил упавшим голосом:

– Где Тата?

– Не бойтесь, – шёпотом ответила я, – она спит!

Он обессиленно прикрыл глаза, а потом вскинул их на меня и умоляюще проговорил:

– Простите... Простите ради бога... Это ужасно... Простите!..

Теперь я видела, чьи глаза у ангела в моей постели... Светлые, с такой же мукой во взгляде...

– Я не мог Татку оставить... Мы одни... – продолжал говорить мужчина в крайнем смущении и совершенно не мог решить, что теперь делать.

Мне было нестерпимо жалко его, и я решила.

– Так, Олег Григорьевич. Вы раздевайтесь и ложитесь в гостиной на диване. А утром почините мне кран. Греть инструментами сейчас не дам – ребёнка мне разбудите. Зовут меня Марина. Спокойной ночи!

Я вернулась к Тате. И вдруг моментально уснула рядом с ней...

Утром я проснулась от осторожного позвякивания на кухне. Тихо прокрадась в ванную – принять божеский вид – и явилась на место своей аварии. Олег Григорьевич уже спокойно посмотрел на меня и доложил:

– Всё готово. Это я вас разбудил? Простите за вчерашнее ещё раз...

– Да что вы всё заладили одно и то же! – весело ответила я. – Скажите уже что-нибудь новенькое. Желательно повеселее.

– Вряд ли смогу сейчас повеселее, – произнёс он с горечью. – Свиньёй перед вами предстал...

– Я забыла. Поверьте. А пока Тата спит, давайте мы с вами по кофейку?

– Давайте, – улыбнулся он глазами.

– А давайте ещё вот что... Давайте попробуем доверять друг другу. Попробуем?

Он испытующе посмотрел мне в глаза, и после минутного колебания согласился:

– Давайте. Попробуем.

...Мы пили кофе с тыквенными пирожками, говорили о том о сём, и я с нетерпением поджидала момента, когда смогу задать ему вопросы, которые вертели у меня на языке.

Но тут в дверях появилась Тата и с улыбкой уставилась на нас. Потом стремительно подошла к деду, ткнула в его объятия и сказала мне:

– Я же говорила!..

– Что это ты говорила, девушка, а ну признавайся! – спросил он у неё.

– Всё! Всё говорила! – выпалила она радостно...

Происходящее казалось мне какой-то нереальностью, сном!..

Пирожки вскоре улетели со стола, а мои гости засобирались домой.

Перед дверью я спросила у Олега Григорьевича, сколько я должна за работу. И тут он покраснел чуть не до слёз от негодования:

– Зачем вы так, Марина! Вы мне подарили больше, чем я вам. Татка вон счастлива. Спасибо вам... А можно... – он не договорил...

Ну а я, как бессловесная овца, стояла неуклюжим столбом и не знала, что делать...

Закрыв двери за ними, я почувствовала... такое отчаяние!.. Сидя на своей кухне, я рыдала, оплакивая и их, и себя, и ещё непонятно что. И рыдала до тех пор, пока лицо окончательно не распухло от слёз.

Где-то послышался звонок. Это был не мой телефон. Я вышла в прихожую, откуда раздавался звонок. Телефон нашёлся... в кармане моего плаща на вешалке! Ничего не понимая, я включила связь...

– Алло, это Марина? – раздался в трубке голос Олега Григорьевича.

– Кажется, да! – ответила я в нос.

– Что с вами? – встревоженно спросил он.

Я молчала, боясь зарыдать снова...

– Я забыл у вас телефон, Марина, звоню от соседей!

И всё-таки я позорно разрыдалась...

Он замолчал, и сказал:

– Мы сейчас приедем!..

Через полчаса они... (мои нечаянные милые!) опять стояли у меня на пороге, во все глаза рассматривая моё зарёванное лицо, и светились. Оба...

Я сунула этому пьянчуге его телефон и засмеялась, махнув рукой:

– Растеряха!

– Марина Григорьевна, а можно нам прийти к вам ещё? – спросила Тата.

– Валяйте! Кран-то поломается скоро, наверное! Как думаешь?

– Конечно поломается! – засмеялась она.

Я протянула ей руки, и мы обнялись!..

А Татка прошептала мне в ухо:

– Это я положила телефон в ваш карман... Я хочу к вам! Только деду не говорите!..

– Конечно не скажу! Ни за что!..

ЭЙ, ДОН КИХОТ!

Сегодня Дон Кихот в двадцать первый раз делал предложение руки Даме сердца.

Не стоит романтически обмирать: делал он это не опустившись на колено в бряцающих доспехах, а в заштатной кафешке, еле ворочая заплетающимся языком и сопровождая своё обращение уже привычным для уха прекрасной Дульсинеи любовным бормотанием:

– Дура-баба!

«Дура-баба» с горьким сожалением созерцала ничтожное состояние рыцаря: он напоминал насильно, из скотской забавы напоенного вином петуха. Заваливаясь набок, он, вскукарекнув, пытался куражиться, слабо помня, кто он есть...

На плече у него светлело пятно обтёртой со стены извёстки. Усы желтели закопчённой сигаретным дымом сединой. А исхудалая кисть руки – руки Мастера, Художника, Учёного! – сотрясалась и отбивала звонкую дробь на стеклянной стопке горлышком водочного графинчика.

Душа Дульсинеи корчилась в печали и разочаровании: уже который год некогда славный Дон Кихот постепенно сползал в холодную пропасть, куда не добирался свет солнца, и она не в силах была удержать его трагическое падение. Она была всего лишь слабой женщиной, одних её усилий было так мало!..

Оглядываясь, она с ужасом ловила на себе торжествующий взгляд многоликого и вездесущего дьявола.

Он липко пялился на неё глазами кассира злачного заведения – и взирал с приторно угодливого лица официантки.

Он небрежно улыбался лицом всё понимающего таксиста.

Он остро сверкал сквозь тупую муть глаз пьяного друга Дон Кихота.

Он поражал холодной сталью взора непримиримого врага, готовя контрольный выстрел...

Мир людей не вскрикивал и не бил в набат, видя, как гибнет один из его светлых героев, он с ленивым безразличием скользил мимо, занимаясь своими делами, вежливо выражая дежурное:

– Как жаль...

Что могла сделать одна женщина в единоборстве с нечистой силой?

Разбить тысячи бутылок искусительного зелья? Но неумолимый Молох зелёного змия тотчас же родит сотни тысяч новых.

Сковать обезволенного Дон Кихота по рукам и ногам, не внимая его мольбам и проклятиям? Но змеиные оковы сильнее металла, да и грош цена насильному благочестию!

В живительные часы утреннего просветления рыцарь лихорадочно пытался вырваться из ужасной трясины и умоляюще обещал:

– Всё! Всё!!

Но по мере приближения тёмного времени дьявола всё слабее становился голос несчастного Дон Кихота.

– Мой враг гнетёт меня! – в радостном возбуждении кричал он тогда. – Я зол! Я в гневе! Я буду пить!

И дьявол с готовностью слал ему деньги и щедрых приятелей...

Зелье туманило ясную голову рыцаря из Ламанчи, и он уже не дарил своей возлюбленной цветы своей любви, а грубо хлестал её:

– Ты не Дульсинея! Ты Змей Горыныч! Доколе же, бессердечная, будешь ты водить меня за нос, как рыбу на крючке? Меня, вседостойного Дон Кихота? Доколе, жестокая, будешь ты сокрушать моё сердце?!..

Она вздрагивала от его слов, как от ударов хлыста, и ошущала себя утлым судёнышком без вёсел, лодочкой, гонимой от берега злым ветром... И уплывала всё дальше...

Дьявол, витающий за плечами Дон Кихота, скалился улыбкой в лицо удаляющейся Дульсинеи и не спеша готовился праздновать очередную победу: сколько благородных Дон Кихотов угасло в его руках – не сосчитать!

Вот и ещё один должен был пасть вскоре...

И он ревел в уши рыцарю, подливая масло в убийственный огонь:

– Эй, Дон Кихот!! Тебе ли, высокородный, ходить в узде у вздорной капризницы? Разве не видишь ты, что выпьет она всего тебя и выбросит на ветер опустевшую оболочку?.. Агу, агу её!!..

А ветер разносил по горам и равнинам эхо:

–Эй, Дон Кихот!!

– Эй, Дон Кихот!

– Эй, Дон Кихот...

Улугбек ХАМДАМ

ПАРА СЛОВ

Рассказ

Супруги сели в машину и отправились на дачу. Дорога была долгой, говорили о разном. Некоторые шутки мужа были настолько забавными, что жена просто хваталась за живот.

– Хватит, хватит, пожалуйста! – во весь голос причитала она, ударяя мужа по плечу. Словом, было так весело, что в машине все сотрясалось от смеха. По дороге заехали за покупками на один из местных базаров. Неторопливо шагая вдоль прилавков и перешучиваясь с продавцами, веселые покупатели закупили все необходимое.

– Даст Бог, теперь наша жизнь станет ещё краше! – сказал муж, усаживаясь в машину. Он с любовью посмотрел на жену, она улыбнулась в ответ. – Дорогая, наконец-то пришло время, когда дети выросли и устроены, и мы, наконец, можем пожить для себя! – муж нежно коснулся руки жены. – Теперь каждый день у нас будет праздником, слышишь, праздником!

Наконец, доехали до места. Настежь открыв железные ворота, супруги вошли во двор. На пороге их встретило совсем иное, будто обновленное время года.

– Посмотри, жена, осень приехала вместе с нами. Вот ведь как, а мы и не заметили, – сказал муж, глядя на огромные, словно золотые деревья. – А в дороге мы даже не обратили внимания...

Он начал выгружать покупки из машины, а жена подошла к бассейну напротив и присела на корточки. Раздвинув попадавшие в воду листья, стала разглядывать в ней свое отражение.

– Разве вам недостаточно других зеркал? Лучше подойдите и посмотрите в зеркала моих глаз, в них вы все та же, совсем не изменились... – ласково сказал муж, почему-то переходя на «вы».

Женщина благодарно улыбнулась.

Супруги, словно пара трудолюбивых волов, принялись за дело. Жена стала наводить порядок в ещё не совсем достроенном доме. Он уже давно был без присмотра, поэтому она тщательно подмела, убрала все внутри и снаружи; а муж нарубил дров и развел огонь. В одно мгновение дача превратилась в уютный уголок, как будто сами ангелы наполнили ее своим дыханием и теплотой.

– Когда будет готов обещанный плов? – слышался капризно-нежный голос жены.

Улугбек ХАМДАМ. Родился в 1968 г. в Андижанской области, доктор филологических наук, поэт, писатель, переводчик, член Союза писателей Узбекистана. Автор многочисленных поэтических сборников, романов, повестей и рассказов.

– Мы не заставим вас долго ждать, госпожа! – воскликнул муж, мелко нарежая морковь. – Провалиться мне на этом месте, если через час не нарежу на стол!

– Типун вам на язык: вы же знаете, что ангелы ловят всякое сказанное слово. Варите подольше – вкуснее будет.

– Как пожелаете, душа моя. Я же сказал, теперь будем жить только для себя, для вас!.. Сейчас приготовлю поджарку для плова, попробую на соль и поведу вас к реке, вниз!

– Как бы не утонуть...

– Не бойтесь, до сих пор я берег вас, буду и впредь беречь...

Через некоторое время муж за руку повел жену к воде. Река эта представляла собой один из притоков Чирчика, здесь её называли Захарик-дарё. И в самом деле – это большой приток, почти такой же, как сама река. Но все же несколько меньше, поэтому в его названии есть слово «арик»¹. Интересно: с одной стороны вроде река, а с другой – арык! Да ещё в названии притока есть слово «зах»². Но ведь там, где протекает река, и должна быть «сырость». Забавно, каждый, глядя на Захарик-дарё, увидит в ней что-то свое: кто-то просто грунтовую воду, кто-то – канаву, ну а кто-то – реку. Каждый в этом мире видит то, что равнозначно его мечте, тому, что соответствует его представлениям. Но если эти три представления соединить в одно, то можно сказать, что за течением реки Захарик-дарё человек наблюдал в трех возрастных периодах, словно за протекающей жизнью, как вам это? Например, в молодости человеку видится река, в зрелом возрасте – канава, а в старости – просто затхлые воды, ну что тогда?.. Жизнь, как утверждают некоторые философы, это наше представление о ней, не так ли? Человек сталкивается лицом к лицу с тем, что желает видеть... Вот бы нам разгадать эту тайну, но кому дано её знать?.. Единственное, что осознал человек, это то, что в мире все не так, как это может показаться на первый взгляд, совсем не так!..

Однако, как бы то ни было, течет, извиваясь, река Захарик-дарё, одевшись по погоде – накинув на себя легкое платье, сшитое из прозрачной ткани мягких волн. Такое легкое, точно задумала и его вот-вот скинуть.

Когда подошли к берегу, муж из пожелтевшей травы сделал коврик и постелил жене.

– Милости просим! – сказал он шутливо-любезно.

Жена осторожно присела, а муж, не выпуская её руки, пристроился рядом. Они молча наблюдали за плавным течением реки, созерцали окрестности и говорили о разном. Так, слово за слово, просидели довольно долго. Неужели тысячелетней давности утверждение о том, что «человеческая жизнь сродни течению воды», в данном случае нашло свое подлинное воплощение? И когда душу тронула и чуть слышно заплакала грусть, мужчина поднес к губам пальцы жены и по одному стал целовать их. Потом начал ласкать губами ее шею, благоухающую французскими духами. Женщина засмеялась. Влечение мужа усилилось...

– Успокойтесь! Что будет с пловом? – жена поднялась с места.

– Оставь, будь что будет, – муж попытался прижать ее к груди. Но жена взяла инициативу в свои руки:

– Нет, идемте! – сказала она.

Они встали и поднялись наверх. Муж направился к казану. Вода почти выкипела, он долил из кумгана³ и подбросил в огонь пару поленьев, сложенных рядом, и вернулся к жене.

¹ Арик – канава.

² Зах – сырость, влажное место, или стоячие затхлые грунтовые воды.

³ Кумган – кувшин для воды с узким горлышком.

Женщина расположилась на тахте¹, расположенной на возвышении во дворе. Она сидела, опершись подбородком на ограждение. Погруженная в свои мысли, она застыла, устремив взор к подножию гор. Перед ней как на ладони открывалась окрестная даль.

– О чем ты задумалась, моя принцесса? – муж сзади обнял жену за плечи.

– Так... ничего, – сказала жена и мягко улыбнулась.

– Знаешь, что мы теперь будем делать? – муж посмотрел в её глаза.

– Что? – спросила женщина.

– Жить! По-человечески! Будем жить как люди!

Женщина вместо ответа снова улыбнулась.

– Помнишь, я обещал, что сделаю тебя самой счастливой женщиной? И по сей день это для меня – зарок. Кто отступит, тот трус! – муж сел рядом с женой. – Оглянись назад – душа радуется: у нас есть сын и дочь, мы воспитали их не хуже других. У нас хорошая работа, мы строим свое гнездо, создаем в нем уют. То, что мы ещё достигнем – впереди, чего не хватало – то в прошлом. Ну скажи, жена, что ещё может быть нужно человеку, а?! Вот увидишь, отныне все будет лучше и лучше, слышишь, намного лучше!

Жена улыбнулась, а муж снова приобнял её. Она встала и отправилась мыть рис, а муж пошел проверять огонь и соль.

– Позволь мне оди-и-ин разочек самому приготовить плов для тебя.

– Вы всегда сами и готовили.

– Но этот будет другим, моя принцесса, совсем другим.

– Что это с вами сегодня, отец?!..

Они вместе взялись готовить плов: жена держала посуду, муж шумовкой начал перекалывать рис в казан, но в этот момент кто-то позвал его с улицы. Муж отозвался:

– Да, сейчас, – и, передав шумовку жене, направился к воротам.

Жена, недолго думая и не дожидаясь возвращения мужа, переложила оставшийся рис и попробовала на соль: плов показался ей совсем пресным.

– Отец, вы вообще солили?

От «отца» не было ни звука.

Жена, воображая себя знатоком, посолила по-своему: разом сыпанула большую ложку соли. Вода выкипала, рис все более впитывал эту соль. Наконец, уверенной походкой вернулся радостный муж.

– Это был наш сосед, тот старик. Привез на машине печку, к зиме готовится. Я помог ему выгрузить вещи. Говорит, что раньше незаметно было, а с годами все сильнее чувствует холод... Чем ты была занята здесь? Да ты одна тут справи-лась с пловом! Ну-ка, дай мне сюда кочергу и чашку, я сам закрою казан.

В это время зазвонил телефон жены.

– Ало! Да, подружка, привет-привет. Ты в порядке?.. – зашебетала она и прошла в дом.

Муж доварил плов, убрал угли из топки и водой из кувшина тщательно вымыл руки, испачканные сажей. Вытирая их, он вошел в дом вслед за женой. У полуоткрытой двери он услышал ее голос:

– Лучше и не спрашивай, подруга: день какой-то бестолковый, я просто умираю от скуки. Придумаю какую-нибудь причину вернуться пораньше... Приходи ко мне вечером, развеем тоску...

Муж, уже взявшийся за ручку двери, так и застыл, словно памятник. Только

¹ Тахта – настил для отдыха на деревянных или металлических ножках.

спустя некоторое время он отпустил ручку и отступил назад. Растерянный, он пошел туда, где стоял казан. Не зная, что делать, мужчина растерянно огляделся кругом. В сознании вертелась та самая пара слов. Эти слова, будто две назойливые мухи, залетевшие в комнату, беспрестанно жужжали в его мозгу: бестолковый день! бестолковый день! бестолковый день!.. бзыыынг, бзыыынг, бзыыынг...

Муж машинально спустился к реке. Он присел на берегу и уставился на течение...

– Что там с пловом? – услышал он голос жены. – Эй, куда вы пропали, отец?!..

Но муж, словно пригвожденный к месту, не мог даже сдвинуться. Жена сама нашла его и подошла.

– Э-э, вы что, спите с открытыми глазами? – подергала она мужа. – Даже не думаете, что там, может быть, плов подгорел, а?..

«Ты говоришь о каком-то плове, а тут вся моя жизнь горит!.. Плов-то, может, и подгорит, так его можно заново сварить, а жизнь? Если она подгорит, как начать ее сначала?» – хотел сказать муж. Очень хотел. Но увидел, что жена, как всегда, безоблачно улыбается ему.

– Что с вами? Почему вы так побледнели? Вставайте, пойдемте наверх, вы не проголодались? – жена потянула мужа за руку. – Ещё немножко, и мы остались бы без плова. Я его помешала. Получился очень красивый. Накладывайте сами, вы же любите красиво подать на стол.

Муж выложил плов на блюдо: мясо, айву, чеснок, перец, похожий на бусы, были выложены поверх риса. Пряный запах лучшей зиры, исходивший от плова, раздражил бы обоняние любого: настолько он был манящим и волшебным. Но у мужа совсем пропал аппетит, он был в таком состоянии, что даже глоток воды в горло бы не полез. Несмотря на это, чтобы не испортить настроение жене, он присел за стол, даже постарался привести себя в прежнее состояние, хотя уже не в силах был сделать это.

– Ну что ж, начинайте, – сказала жена, подавая ему чай.

Муж попробовал плов и остоленел: его лицо исказилось так, словно в рот положили не ложку плова, а ложку соли.

– Что? – осторожно спросила жена. – Что-то случилось? – Потом попробовала сама. – Солоновато, хотите сказать? Нисколько.

Муж промолчал. Хлебнув чаю, он попытался проглотить то, что уже было во рту. «Бог мой, – подумал он, – столько лет прожить со своей спутницей жизни и до сих пор не знать её вкуса. Конечно, я знал, что она любит посланее, но не до такой же степени!..»

– Хорошо, – призналась жена, – я слегка пересолила. Мне показалось, что плов пресный, вот я и добавила шепотку соли. Ничего страшного. Вон же река есть, вы сами говорили, что вода здесь целебная. Заварю чайник зеленого чая покрепче, и чай вымоет все скопившиеся соли. Кушайте же, – жена постучала ложкой по тарелке...

«Нет, никакой чай, даже если я заварю и выпью целую реку чая, не вымоет той соли, которая сегодня во мне!» – подумал муж, но не произнес ни слова, потому что, поглядев на жену, заметил, что она снова улыбается. В сущности, так было всегда: она смеялась, улыбалась, и именно это мужу в ней так нравилось! Именно потому он готов был в любую минуту следовать за ней всюду...

Ложка мужа потянулась на этот раз уже не к пересоленному рису, а невольно скользнула к айве. Но, похоже, и она впитала в себя эту соль. С помощью чая и хлеба он едва протолкнул пищу. Жена не уставала проявлять

учтивость. Он же, остерегаясь риса и айвы, отправил своего «ложечного посла» к мясу, но и эти «переговоры» закончились столь же прискорбно...

Интересно, что до самого вечера погода была такой ясной, такой приятной, что душа невольно наполнялась восторгом... Но теперь вдруг небо нахмурилось, на нем появились тучи, роняя на землю блуждающие тени... Через несколько минут небо затрещало, осветилось вспышками молний, и хлынул ливень. Створка окна, около которой сидели супруги, ударилась о раму – оба от неожиданности испуганно вздрогнули...

С дачи они вернулись быстро.

* * *

Жена, как и прежде, была занята домашними делами, детьми, родственниками, соседями, особенно подругами, но муж... В его «корабле» появилась пробоина. Просочившаяся вода давила своей тяжестью и довела его почти до крушения. Он запутался, не зная, что делать и куда идти. Он ведь так искренне желал того момента, так ждал. «Как только со всеми делами будет покончено, мы с женой объездим всю округу, будем делать то и это, столько всего повидаем, – мечтал он. – Э-эх, если считать все, со счету собьешься. До этого работа, хозяйство диктовали жизнь, надо было сначала встать на ноги. Всего добился, чего душа желала, а теперь, когда настало время жить по-человечески да радовать жену... в один миг все мечты потеряли смысл». Словно путник в пустыне, возносящий хвалу Всевышнему за то, что вон за тем барханом течет кристально чистая вода, он ждал, что выйдет к цветущему оазису. Но, преодолев вершину, вновь столкнулся с пустыней. Его нынешнее состояние было похоже на состояние путника, обессилевшего от жажды и усталости. «Что теперь будет?..» – этот вопрос терзал его, и, чем больше проходило времени, тем больше сжигал и отравлял все его существо, словно чрезмерно пересоленный плов.

«Почему жена произнесла эти слова? Неужели она за все время, что жила со мной, не была счастлива? Или в её жизни есть кто-то, кто не даёт ей скучать?..» Сомнения стрелами пронзали его душу. Но как можно говорить о каких-то подозрениях, если до сих пор жена не дала ни малейшего повода для сомнений! Сколько он ни наблюдал за ней после тех ужасных слов, но пусть само небо обрушится на голову следившего, если он нашел хоть малейшую причину, способную смутить его душу. Но почему же тогда жена сказала те слова, назвала тот прекрасный день «бестолковым»? И если уж такой день был для нее бестолковым, то каким же тогда должен быть «толковый» день?! Почему даже в тот радостный день она сетовала, говоря «скучно»? Почему тосковала? Когда, каким образом эта тоска успела овладеть ею? Почему он этого не заметил, не почувствовал? Почему, чтобы излить душу, жена выбрала подругу, а не его, мужа? Чем все-таки занято ее сердце? Почему она отреклась от того дня, когда они могли полностью посвятить себя друг другу, и поспешила к болливой подруге, чтобы заполнить вечер бездельем и праздно болтовней?..

Конца и края не было этим вопросам, и не было ни одного ответа. Напротив, чем больше он думал, тем меньше понимал. А не понимая, все сильнее раздражался, мучился и страдал... «Ведь всю свою жизнь, молодость, время, когда был полон сил, все чувства и мечты – да что там! – все существо свое отдавал жене и детям! Ведь все, что выпадало хорошего, я ковром расстилал у ее ног. Почему же теперь она недовольна мною? И если она чем-то недовольна, то почему до сих пор не сказала об этом, почему не открылась? Почему

до сих пор улыбается мне, преданно смотрит? Не прекословя делает все, что ни скажу? Но ведь такая жизнь ей не нравится, она для нее нестерпима?!.. Неужели, смирившись с судьбой, которая ей нежеланна, она приняла её как неизбежный удел? Не находя иного выхода, смиренно склонила голову? Она живет, доверяя самое дорогое, самое сокровенное, самое важное, все свои душевные переживания этой болтливой подружке? Разве же это жизнь?!..»

Проходили дни, недели, месяцы, а жена была все такой же обходительной, услужливой: с лица не сходила улыбка, не иссякали приятные слова. А муж?.. День ото дня его сжигала едкая соль. Сколько бы времени ни прошло, сколько бы ни тешил он себя успокоительными мыслями, сколько бы ни пытался отвлечься – толку не было. Наконец, он признался себе: «Все лучшее, что было в отношениях с женой, ты уже пережил. Лучшие дни, самые счастливые мгновения остались в прошлом. Отныне наша жизнь уже не будет такой, как прежде. Все стало похожим на тот злополучный день на даче, когда мы были там последний раз: до вечера погода была ясной, небо чистым, мир светлым, а вечер оказался непогожим, начался ураган, да... Не случайно говорят, что в месяце пятнадцать дней темных, а пятнадцать светлых, но если одна сторона темная, то другая-то светлая. В конце концов, мне эта монета жизни выпала обратной стороной: точнее, раньше она представлялась светлой, а на самом деле оказалась темной. И ведь когда? Когда жизнь наполовину уже прожита. И что бы там ни было прежде, важен итог: конец венчает дело, как люди говорят!

Время не неподвижно, оно продолжается, та соль, что сжигает изнутри, до того едкая, что прежние светлые дни погрузились в темноту, утонули в ней. Да, да, именно утонули. Наступало время, когда муж, оглянувшись на день, проведенный на даче, увидел, что день, как сказала жена, и в самом деле был бестолковым. Да, целиком, с утра до вечера. А потом... потом все оказалось еще хуже: нынешние бессмысленные моменты жизни поглотили без остатка те содержательные, которые были в прошлом. Раньше это бестолковое исчислялось одним днем, а теперь оно, как ржавчина, стало разъедать всю жизнь, даже ту её часть, которая давно превратилась в прошлое. Муж перебирал в памяти самые счастливые страницы совместной жизни, но это ему не помогало: на лист откуда-то упала капля чернил, а потом растеклась и овладела всей поверхностью, точно не к месту попавшая в плов та ложка соли, будь она неладна... Теперь представьте состояние мужчины: он словно упавший из гнезда птеник, который недавно только оперился. Птеник умоляюще тарашит глаза, с надеждой озирается вокруг. Но теперь эти глаза видят не добрых ангелов, которые спасут его, а тучу назойливых мух с черными крыльями. Дрожа от боли, он снова и снова повторяет: бес-тол-ко-вый день! бес-тол-ко-вая жизнь! бес-тол-ко-вая жизнь!.. бзыыынг, бзыыынг, бзыыынг...

Всего-навсего пара слов, всего пара слов... Стоит только сделать «пуф-ф», как они улетят и растворятся в воздухе, эти сказанные слова. А знаете, ведь муж мог так никогда и не услышать этих слов...

Перевод Николая Ильина.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Рассказ

Рафаэль РАХМАНГУЛОВ

Я очнулся ото сна, почувствовав чей-то тяжелый взгляд. Осмотревшись, увидел парня, который сидел рядом и пристально наблюдал за мной. Я никогда не видел его раньше, впрочем, как и большинство других пассажиров в автобусе. Вот уже минут сорок вахтовка везла нас к месту нового объекта. Вокруг, куда ни глянь, лежала необъятная, безмолвная тайга. Глаза слепило от снега, сияющего на ветках гигантских сосен, обступивших узкую дорогу, вьющуюся змеей и уносившую нас все дальше и дальше в неизвестность. Косматые деревья с любопытством наблюдали за горсткой безумцев, посягнувших на их бескрайние владения. И что они здесь потеряли? В этом царстве тишины и первозданной природы?..

После окончания университета меня медленно, но верно засасывало болото повседневности. Безднега и безденежье стали моими вечными спутниками, словно Равшан и Джамшут, они шаг за шагом преследовали меня как напоминание, что еще немного и придет «пизнес». Уровень моих амбиций упал настолько низко, что я был рад любой, самой захудалой работенке. Устроиться в цирк убирать за слонами – пожалуйста. Развлекать детей на утренниках в костюме панды – почему бы и нет. Работать стриптизером – не взяли, сказали, что танцевать с такими формами возможно лишь перед слабовидящими.

Из пучины упаднических мыслей меня в который раз вернул счастливый случай. В одном из объявлений в газете я прочитал, что в международный проект требуется англоговорящий сотрудник для работы с иностранцами на строительстве нефтегазового объекта. Терять мне все равно было нечего, тем более я всегда мог вернуться к своей работе на утренниках. Я отправил резюме, и (о чудо!) меня позвали на собеседование. Через несколько дней я уже сидел в большом кабинете. Не поверите, меня приняли на работу, с одной небольшой оговоркой: место строительства – бескрайние степи Каракалпакстана.

Я проработал на этом объекте месяцев девять, вдоволь наелся рыбы, напился Каратау, считай, отдохнул на море (Аральском). Но в один прекрасный день меня сорвали с насиженного места и отправили покорять сибирскую

Рафаэль РАХМАНГУЛОВ. Родился в 1987 г. Окончил факультет английской филологии УзГУМЯ. Ведёт литературный канал в телеграмме. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

тайгу, мотивируя тем, что на новый объект нужен комендант. Чемодан, аэропорт, Север.

Тем временем узкие хитрые глазки неотрывно наблюдали за мной, парень смотрел в упор и явно готовился начать разговор. У меня, признаться, не было настроения вести с кем-либо беседы, я спешно натянул наушники и отвернулся к окну. В моем телефоне, даже музыки не было, но я сделал вид, будто подпеваю неведомому исполнителю. Незнакомец разочарованно смотрел на меня еще какое-то время, а потом начал оглядываться в поисках новой жертвы. Я заметил, что сидящие вокруг синхронно схватились за телефоны, кто-то отвернулся к окну, кто-то закрыл глаза, словно задремал.

Позже я узнал, что этого парня зовут Хусан, он полгода как устроился экологом в нашу компанию. За это время он стал настоящей чумой вахтового городка. И что вообще мне очень повезло, раз пока не попадался ему на глаза. Буровики народ суровый, и их трудно назвать пугливыми, конечно, они избегают лишних встреч с инженером по технике безопасности, а на этом объекте инженер сам остерегался встреч с Хусаном. Обычно, выходя на улицу из вагончика, он боязливо оглядывался по сторонам – не караулит ли за углом очередную жертву Хусан, а потом быстрым шагом шел по своим делам. Хусан был патологическим болтуном, причем создавалось впечатление, что его язык жил своей собственной жизнью. Его можно было сравнить с акыном, который поет обо всем, что видит. Еще он очень любил блистать своей эрудицией, закидывая не успевшего улизнуть от него бедолагу всевозможными фактами, абсолютно не связанными друг с другом, начиная с того, какое расстояние от Земли до Луны, заканчивая тем, какое количество населения проживает в Гвинее Бисау.

Его соседа, механика Николая Петровича, интеллигентного, абсолютно непьющего человека недавно уволили за пьянство. А ведь он прожил с Хусаном всего три недели (целых три недели!!!). Бывальцы говорят, что это абсолютный рекорд, никто так долго не держался. Но дядя Коля был не из слабых духом людей, он боролся и терпел. В последний раз мужики его видели прячущимся на складе, он был небритым, обросшим, бормотал что-то несвязное, безумные глаза бегали, он пугливо вздрагивал при каждом шорохе.

Через пару недель после прибытия на буровую я все же столкнулся с Хусаном возле своего вагончика. И он без всяких реверансов сходу поведал мне, что, оказывается, если бы человек умел прыгать, как блоха, он мог бы перепрыгнуть целое футбольное поле. Я подумал про себя, что это было бы довольно полезным умением, особенно для тех, кто увидел крадущегося Хусана. Он продолжал, и я узнал, что диаметр звезды Бетельгейзе превышает диаметр орбиты Земли вокруг Солнца. На что я невозмутимо ответил, что знал соседку бабу Клаву, так вот ее талия еще больше, и вообще меня этим не удивишь. Хусан не сдавался и продолжал тараторить: кетчуп из обычной бутылки вытекает со скоростью 30 километров в год. Я поинтересовался, не проверял ли он этот факт на практике. После моих слов он на пару минут завис. А потом решил достать козырь из рукава и сообщить о том, что, оказывается, оргазм у свиней длится целых тридцать минут. Я деликатно поинтересовался, какая из свиней поведала ему об этом. Видимо, он не совсем оценил мой юмор, потому что стушевался и ушел восвояси.

Вообще вахтовики – народ интеллигентный, совсем не пошлый, во всяком случае первую неделю точно. Первые дни по приезде на вахту в свободное время за чашечкой кофе в кругу коллег вы рассуждаете об идеализме философии Гегеля, о яркой импрессивности образов в живописи раннего Ван Гога, цитируете на память отрывки из Евгения Онегина. Но это длится недолго. В обществе, где на 99 мужиков одна женщина – баба Глаша-повариха – и вокруг на многие десятки километров ни души, лишь непроходимая тайга, все темы для разговоров рано или поздно начинают сводиться к одному и, поверьте, это не Гегель, тем более не Ван Гог.

Сначала ты даже не смотришь в сторону бабы Глаши. На второй месяц пребывания глупо улыбаешься при встрече и отводишь взгляд. На третий месяц начинаешь замечать едва уловимый шарм в ее грациозных движениях: как умело она обжаривает котлеты, как мастерски наливает компот, а вот сейчас на мгновение показалось, что она улыбнулась тебе в ответ, какой восторг! На четвертый месяц ты уже посвящаешь ей стихи. И это по большей части очень грустные стихотворения, наполненные страданиями, потому что ты знаешь, что вы не можете быть вместе. Ее сердце навсегда отдано другому, оно принадлежит молодому Леониду Ильичу, а ты – третий лишний и даже морду набить обидчику не в состоянии.

Вот так из-за подобных переживаний волей-неволей люди и бросаются в объятия зеленого змия. А стоит открыть первую страницу, как история плавно перетекает в роман-эпопею, зачастую анекдотического содержания. Ильф и Петров позавидовали бы разнообразию сюжетов.

Вспоминается история, произошедшая с нашими друзьями из Западной Украины. Я терпимо отношусь к представителям любой национальности, не делю людей на правых и левых, но иногда попадаются очень забавные личности вне зависимости от их кровей и убеждений. Теодор и Герман были настоящими арийцами, по крайней мере, они сами себя такими представляли. Спесь и надменность назойливым душком неотступно следовали за ними, как будто они не были простыми механиками на буровой, а как минимум являлись представителями шляхетского дворянства, вынужденного пребывать в изгнании на территории врага. В их глазах все вокруг были лишь безродными холопами. Адекватные же люди смотрели на них как на пару дурачков, живущих в своем придуманном мире. Однако каких бы голубых кровей не были паны, ничто земное им не было чуждо. А вы знаете, как хорошо идет водочка под сальце, тем более когда на улице минус 40? На промысле, естественно, такие забавы простым смертным противопоказаны, но Теодор Великий и Герман Благородный были из другого теста. «Тварь ли я дрожащая, или право имею?» Они еженощно отвечали однозначно и заливали тоску по родному Львову.

Одним ненастным утром после бурно проведенной ночи головы друзей адски раскалывались от боли, а работу, естественно, никто не отменял. И тут Герман сгенерировал гениальную идею: а почему бы не прикинуться больными (отравились или загрипповали), ведь всякое бывает. Вот и спасение. В таком состоянии любая, даже самая слабая надежда кажется спасительным кругом для утопающего. Судорожную работу мыслей Германа прервал невесть откуда появившийся Хусан. «О боже, только не он!» – разом пронеслось в головах у друзей. Но было поздно, незванный гость стоял на пороге и с

любопытством разглядывал обстановку. Хусан на лету схватил суть происходящего: запах перегара и бардак на столе красноречиво свидетельствовали о весело проведенной ночи.

– Мужики, а вы знали, что в США каждый год около 5000 людей в возрасте до 21 года умирает в ситуациях, связанных с алкоголем? В авариях, в результате бытовых убийств, отравления и подобного... – после некоторой паузы произнес Хусан.

– Еще немного, и ты станешь первой жертвой бытового насилия на нашем промысле, – прошипел Теодор.

– Тихо, тихо, ребята, я хочу вам помочь. Я тут нечаянно услышал ваш разговор, и знаю, что может быть полезным в этой ситуации. Вы знали, что красный перец, нанесенный на кожу, поднимает температуру тела? Между прочим – общепризнанный факт. Я хоть раз говорил неправду? Вам же нужна болезнь. Придет фельдшер, померит температуру, а градусник показывает 40, естественно, он освободит вас от работы, – на одном дыхании протараторил гость.

Герман и Теодор в нерешительности развели руками. Минут пять поразмышляли и пришли к выводу, что терять им все равно нечего, а на работу даже под страхом казни они не пойдут. Единственное... Где в 7 утра найти красный перец?.. Тут Хусан достает стручковый перец из кармана своего бушлата и с невинной улыбкой протягивает Герману, приговаривая:

– Вы, главное, сильнее трите. Градусник будут ставить в подмышку, вот подмышки для пушего эффекта и натирайте!

Сказано – сделано.

В это время на другом конце вахтового городка я как раз отправлялся на обход. В мои обязанности входило следить за чистотой в городке и жилых вагончиках. Проходя мимо одного из них, обнаружил жуткую картину. Из вагончика выбежали двое мужиков, как две раненые чайки, с широко раскинутыми руками-крыльями и диким ревом помчались куда глаза глядят.

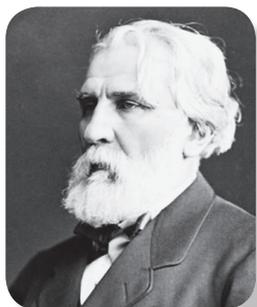
После этого случая мы потеряли Хусана, целый день искали – как сквозь землю провалился. Благо вокруг непроходимая тайга, далеко не уйдет, даже если захочет.

Ночью, ближе к 12 часам, я, как обычно, готовился ко сну: расправил постель, умылся, снял 20 одежек и, наконец, упал в столь долгожданные объятия постели, готовясь отправиться в царство Морфея... Вдруг за окном послышался какой-то шум. Не зажигая свет, я, недовольный, побрел посмотреть, кому это не спится в столь поздний час, раздвинул шторы и ахнул от неожиданности. В окно смотрело мертвецки бледное лицо Хусана.

– Что ты здесь делаешь и давно тут стоишь? – почему-то шепотом спросил я.

– А ты знал, что рекордная длительность полёта курицы – 13 секунд?..

Я медленно сполз под стол.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

Как я был и задумчив, и тих!..

9 ноября 2018 г. исполняется 200 лет со дня рождения И. С. Тургенева (1818–1883). Редакция журнала предлагает своим читателям подборку стихотворений великого классика.

* * *

Гроза промчалась низко над землею...
Я вышел в сад; затихло всё кругом –
Вершины лип облиты мягкой мглою,
Обагрены живительным дождем.

А влажный ветер на листья тихо дышит...
В тени густой летает тяжкий жук;
И, как лицо заснувших томно пышет,
Пахучим паром пышет темный луг.

Какая ночь! Большие, золотые
Зажглися звезды... воздух свеж и чист;
Стекают с веток капли дождевые,
Как будто тихо плачет каждый лист.

Зарница вспыхнет... Поздний и далекий
Примчится гром – и слабо прогремит...
Как сталь, блестит, темнея, пруд широкий,
А вот и дом передо мной стоит.

И при луне таинственные тени
На нем лежат недвижно... вот и дверь;
Вот и крыльцо – знакомые ступени...
А ты... где ты? что делаешь теперь?

Упрямые, разгневанные боги,
Не правда ли, смягчились? и среди
Семьи твоей забыла ты тревоги,
Спокойная на любящей груди?

Иль и теперь горит душа больная?
Иль отдохнуть ты не могла нигде?
И всё живешь, всем сердцем изнывая,
В давно пустом и брошенном гнезде?

Цветок

* * *

Тебе случалось в роше темной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один в стране чужой.)

Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

И ты срываешь стебель зыбкой,
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь с медленной улыбкой
Цветок, погубленный тобой.

И вот идешь дорогой пыльной;
Кругом – всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он выросал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

Весенний вечер

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землёй;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепешет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

Когда так радостно, так нежно
Глядела ты в глаза мои
И лобызал я безмятежно
Ресницы длинные твои;

Когда, бывало, ты стыдливо
Задремлешь на груди моей
И я люблюсь боязливо
Красой задумчивой твоей;

Когда луна над пышным садом
Взойдет и мы с тобой сидим
Перед окном беспечно рядом,
Дыша дыханием одним;

Когда в унылый миг разлуки
Я весь так грустно замирал
И молча трепетные руки
К губам и сердцу прижимал, –

Скажи мне: мог ли я предвидеть,
Что нам обоим суждено
И разойтись, и ненавидеть
Любовь, погибшую давно?

Когда я молюсь

Когда томительное, злое
Берет раздумие меня...
Когда, как дерево гнилое,
Всё распадается святое,
Чему так долго верил я...
Когда так дерзко, так нахально
Шумит действительная жизнь –
И содрогается печально
Душа – без сил, без укоризн...
Когда подумаю, что даром
Мой страстный голос прозвенит –
И даже глупым, грубым жаром
Ничья душа не загорит...
Когда ни в ком ни ожиданья,
Ни даже смутной нет тоски,
Когда бояться так страданья,
Когда так правы старики...
Тогда – тогда мои молитвы
Стремятся пламенно к нему,
Стремятся жадно к богу битвы,
К живому богу моему.

Толпа

Посвящено В. Г. Белинскому

Среди людей, мне близких... и чужих,
Скитаюсь я – без цели, без желанья.
Мне иногда смешны забавы их...
Мне самому смешней мои страданья.
Страданий тех толпа не признает;
Толпа – наш царь – и ест и пьет исправно;
И что в душе «задумчивой» живет,
Болезнью считает своенравной.
И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка – ты глубока, как море...
В твоих волнах всё тонет: и тоска
Нелепая, и истинное горе. И ты сильна...
И знает тебя бог –
И над тобой он носится тревожно...
Перед тобой я преклониться мог,
Но полюбить тебя – мне невозможно.
Я ни одной тебе не дам слезы...
Не от тебя я ожидаю счастья –
Но ты растешь, как море в час грозы,
Без моего ненужного участия.
Гордись, толпа! Ликуй, толпа моя!
Лишь для тебя так ярко блещет небо...
Но всё ж я рад, что независим я,
Что не служу тебе я ради хлеба...
И я молчу – о том, что я люблю...
Молчу о том, что страстно ненавижу, –
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмешками толпы я не обижу...
А толковать – мечтать с самим собой,
Беседовать с прекрасными друзьями...
С такой смешной – ребяческой мечтой
Расстался я, как с детскими слезами...
А потому... мне жить не суждено...
И я тяну с усмешкой торопливой
Холодной злости – злости молчаливой –
Хоть горькое, но пьяное вино.

* * *

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок душою я стал;
И я сжег всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

ГЕНИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В складывающейся европейской и российской научно-культурной традиции Тургеневу, как правило, не находится места среди столь востребованных и общепризнанных классиков русской литературы, как Достоевский, Толстой и Чехов. Казалось бы, написано так много работ сравнительно-сопоставительного плана о Тургеневе и названных писателях, но чрезвычайно редко имя автора «Отцов и детей» появляется в этом ряду. В то же время И. С. Тургенева многие крупнейшие мыслители, художники, учёные особо выделяли среди других крупнейших писателей:

«Тургенев едва ли не единственный после Пушкина гений меры и, следовательно, гений культуры. В этом смысле Тургенев в противоположность великим созидателям и разрушителям Льву Толстому и Достоевскому – наш единственный охранитель... В этом вечная правда его»¹.

«Тургенев был умственно слишком честен, чтоб найти для себя религиозно-философское успокоение в таких сомнительного достоинства умозрительных находках, как демонические христианские порывы Достоевского или пресное поддельное буддийское христианство Толстого. Но религиозно-философский агностицизм, его глубоко-грустное и великое “Не знаю”, быть может, так же ценны в очах Всезрящего, как молитва молящегося и иступлённость боговдохновенного»².

«Проза Тургенева своим глубинным пластом идёт в ином русле, чем ведущие тенденции русского романа XIX века... Однако другие пласты повествовательной прозы Тургенева не только развивались “в русле века”, но во многом были понятнее читателю, чем сложные структуры романов Толстого и Достоевского. Это определило своеобразный феномен. Тургенев читался как бы на нескольких уровнях... Структура расслаивалась, и различные её уровни имели различную историко-литературную судьбу»³.

Интерес к творчеству И. Тургенева не угасает, в последние годы появились монографии и диссертации нового поколения исследователей Тургенева (Н. Генераловой, Г. Тиме, Н. Куделько, И. Беляевой, Г. Ребель, С. Аюповой, М. Романенкова, К. Лазарева-Полякова, С. Минина, А. Климентьева, Е. Фомина и др.). Но эти силы разрозненны, <...> необходимо консолидировать <...> усилия, чтобы поднять на новый уровень науку о Тургеневе.

Хотелось бы надеяться, что привлечённое «Литературной Россией» общественное внимание к подготовке празднования 200-летия со дня рождения И. С. Тургенева будет способствовать активизации внимания к литературно-художественному наследию писателя в современном социокультурном контексте и повышению гуманитарного сознания в нашем обществе.

Вячеслав ГОЛОВКО⁴

¹ Мережковский Д. «Вечные спутники». Спб., 1897.

² Бальмонт К. Мысли о творчестве. 3. Тургенев [эссе] // Современные записки. 1921. Кн. IV.

³ Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе: Ст. и иссл. (1958–1993): История рус. прозы. Теория литературы. – СПб.: Искусство, 1997.

⁴ Материал (в сокращении) взят с сайта: <https://litrossia.ru/archive/item/10243-o-genii-kultury-turgeneve-i-ne-tolko>.

ЖЕЛАЮ ВАМ СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОТЫ...

*Интервью Заслуженного деятеля искусств Узбекистана,
режиссера и драматурга Эркина Хушвактова писателю,
доктору пед. наук Ризо Ахмаду*

– Эркин Болтаевич, расскажите о себе.

– Родился я в 1959 году в кишлаке Чамбил Кашкадарьинской области под Шахрисабзом в семье дехкан. Окончил школу в 1976 году и уже знал, где буду учиться дальше: меня прельщали только театр, театральная сцена, искусство кино. В 1979-м поступил в институт культуры в Ташкенте, но на режиссерское отделение, хотя мечтал об актерской профессии. Теперь я не жалею об этом, считаю, что Бог распорядился по справедливости, а тогда это было для меня трагедией вселенского масштаба.

– Каковы ваши первые шаги в режиссуре?

– Я окончил институт в 1983-м, и первый спектакль как творческую дипломную работу я поставил по рассказу русского писателя Шукшина «Операция Ефима Панихина» на узбекском языке. С 1985 года стал работать в Узбекском драматическом театре помощником режиссера. И тогда понял, как труден путь к сердцу зрителя – нужно перебрать тысячи вариантов и выбрать единственно верный, тот, который заставит зрителя содрогнуться от наплыва чувств и эмоций. Я стал внимательно изучать опыт великих режиссеров: Баходира Юлдашева, Тургуна Азизова, Эргаша Масафаева, Рустама Хамидова, Мунаввар Абдуллаевой, многому у них научился, понял, как строить спектакль в целом, какими должны быть мизансцены, как должны реализовываться общая идея, сверхзадача. Стал сам писать, что-то получалось, что-то нет. Я понял, что драматургическое творчество – особый труд. Добился определенных результатов. В 1997 году меня приняли в Союз писателей Узбекистана.

– И несмотря на это вы снова пошли учиться?

– Да, в институте искусств тогда открылись драматургические курсы под руководством Иззата Султона, с 1998 по 2000 год я там учился. Именно тогда я ясно почувствовал, что нашупал, наткнулся, нашел свою собственную стезю. Я написал ряд пьес, которые шли и идут на узбекской сцене и нашли своего доброго, отзывчивого зрителя: «Каллик уйин» («Игра в альчики») (2002 год), «Кирмизи олма» («Красное яблоко») (2003 год), «Андишали келинчак» («Стеснительная невестка») (2005 год), «Рашк» («Ревность») (2008 год), «Сизсиз утмас кунларим» («Жизнь моя, невозможная без тебя») (2010 год), «Кунгил» («Сердечное влечение») (2011 год), «Ўткан кунлар» («Минувшие дни») А. Кадыри к 120-летию писателя (2014 год).

Это пьесы об ответственности за слова и поступки, о национальных духовных истоках, нравственных ценностях, о морали и совести, понимании добра и зла, любви и счастья.

– Расскажите о своей режиссерской работе.

В Узбекском драматическом театре я поставил «Эски мухаббат» («Старая любовь») (2004 год), в театре юного зрителя и в кукольном театре «Чуп кугирчок» («Деревянная игрушка») (2007 год) и «Халоллик тилаб келдим» («Пришел я, желая вам сердечной чистоты»). Я всегда бережно отношусь к передаче узбекской ментальности, обычаев и традиций.

– Ваши пьесы ставились и на сценах других стран?

– В 1997 году пьеса «Чимилдик» в рамках международного театрального фестиваля была поставлена на сцене Каирского театра драмы, получила признание и была удостоена почетной медали. В 2005 году на сцене турецкого театра в городе Денизли была поставлена пьеса «Кирмизи олма», в том же году она ставилась в Стамбуле, в 2006 году – в Алматы, в Астане, а в 2007 году спектакль получил на Украине Гран-при международного театрального фестиваля. Ряд пьес был поставлен в Сайрамском узбекском драматическом театре в Казахстане и башкирском драматическом театре в России, в Ходжентском театре в Таджикистане, в Москве, Иркутске, Крыму.

– Хотелось бы узнать также о вашей работе в кино.

– По моим сценариям сняты художественные фильмы «Чимилдик», «Однажды Афанди...», «Вафо», «Зумрад и Киммат». Так получилось, что я сам исполнял некоторые роли на театральной сцене и снимался в кино, режиссеры находили во мне актерские способности. Так, на сцене Узбекского драматического театра я сыграл роль Вохида в спектакле «Отасининг кизи» («Дочь своего отца»), шофера в спектакле «Зина – Зинуля», миршаба – распорядителя водой – в спектакле «Зар кадри» («Цена золота»), вора в спектакле «Саводсиз мунажжим» («Неграмотный мулла»), чернокожего человека в спектакле «Вестсайд-87». Играл и в фильмах на телевидении: Юсуфбая в «Алишере Навои», Шокира в «Ок тулпор изидан» («Вслед за белым конем»).

В кино я снимался у кинорежиссеров Шухрата Аббасова в художественном

фильме «Отамдан колган далалар» («Отцовы поля») – в роли Дехконбая, «Бир куни Афанди» («Однажды Афанди...») – в роли Мирзо – чиновника-писаря, у Мэлса Абзалова в художественном фильме «Чимилдик» – в роли сумасшедшего, у Зульфикара Мусакова в художественном сериале «Аёл зоти» («Женская каста») – в роли Анорбая, у Баходира Ахмедова в художественном фильме «Судхур» («Ростовщик») – в роли Темура. Все эти роли бесконечно дороги мне.

– Какими наградами отмечен ваш труд драматурга, сценариста, актера, режиссера театра и кино, делающий вас знаковой фигурой?

– Когда занимаешься любимым делом, таким как у меня, думаешь только об одной награде: чтобы твой труд был почитаем народом, чтобы зритель шел в театр или кинозал, услышав только твое имя. Вот самая великая награда! Но мой скромный труд отмечен и государством: я кавалер ордена «Мехнат шухрати» («Трудовая слава») (2002 год), удостоен почетного звания «Заслуженный деятель культуры Узбекистана» (2011 год), награжден рядом театральных премий, в частности, театральной премией «Замин юлдузлари» («Звезды Родины») (2009 год).

– 3 августа 2017 года президент Узбекистана Ш. М. Мирзиёев встретился с деятелями узбекской культуры, какие важнейшие задачи были поставлены перед искусством?

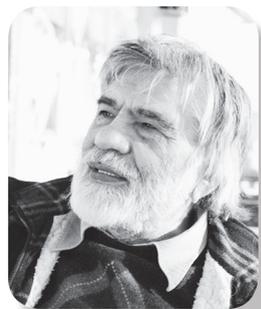
– Президент обратил наше внимание на особое отношение к народу-труженику, на отображение в художественных произведениях чаяний и надежд простого человека. Народ – фундамент жизни государства, поэтому без него нет и не может быть того кровотока, что питает наши произведения. Необходимо вслушиваться в общественные проблемы, решать их на творческом уровне. Человек в наших произведениях и героях должен находить и узнавать себя, свою мать, отца, ребенка, сюжеты должны быть жизненными, правдивыми, подлинно реалистичными. Задача художника – в обыденном увидеть сокровенное, в простом – великое. Считаю вас всех, образно сказал Президент, проводниками общественной мысли, ментальной народной позиции. Только гуманизм, дружба, добросердечие и любовь могут предостеречь нас всех от войны, вражды и ненависти, от самоуничтожения.

Я получил великий духовный импульс на этой встрече и сразу приступил к новой работе. Созданы 3 новых пьесы: «Палахмонтош» («Камень из пращи») для Узбекского национального академического драматического театра, «Жахолат» («Невежество») для кокандского драматического театра, «Жон томирим» («Мой кровный брат») для Республиканского театра сатиры. Надеюсь, что они будут восприняты худсоветами театров и зрителем.

– Кто ваши главные герои?

– Герои моих пьес – культурные, образованные люди, знающие поэзию, воспитанные на великом духовном наследии предков. Это герои, несущие узбекскую ментальность. В то же время – это обычные люди со своим взглядом на жизнь, с нормальным юмором, своими бытовыми проблемами, сомневающиеся, делающие ошибки, но почитающие главные ценности: семью, родителей и детей, общество, свой народ.

Неподвижность скомканных мгновений...

Вячеслав АХУНОВ

Парк Культуры и Отдыха

Бродят бывшие каторжники
в неприкаянном Парке
Культуры и Отдыха.
Отблеском сайским синеют
татуировки,
завершая распятие дня. Смеётся
адмирал в отставке, заметив условные знаки.
Говорит, что способ известный у глухонемых,
без слов
позволяет общаться, и...
никаких ухищрений. В ответ,
визуальное поглощая, в знак согласия
кивают любители-шахматисты.
«Антропологией называют науку о людях», –
опрометчиво вставил специалист,
знаменитый в области психологии, источая
фальшивую доброжелательность, натиск вопросов
предлагая
татуированным, но,
как оказалось, процедура не так проста.
Впрочем,
проскользнула неловкость, спеша
в нечто из ряда вон выходящее.

Вячеслав АХУНОВ. Родился в 1948 г. в Оше (Республика Киргизстан). Художник, поэт, эссеист. Окончил Московский Государственный художественный институт им. Сурикова. Участник 2-го, 3-го и 4-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2002, 2003, 2005 гг.). Публиковался в альманахах «Поэзия и Фергана», «Городу и миру», «Агк», «Малый шелковый путь».

Молва

Когтящий ясность неба
застывший взор,
в котором втуне зябкое приличествует, истязая
ежесекундно, стесняя вескость слов причиной.
Лидиец, красавец юный, сын вакханки,
говорят, он не вернется к крышам черепичным.
Исчез бесследно...
Но, как бывало, другой невинно снизойдет внезапно
с улыбкой ангела. Прислушайтесь...
Там жадно гложет сырость недостоверный след молвы,
в песке, у дюн, за мшистыми камнями,
где в забвенье гниет обломок мачты, поодаль...
И всколыхнется, и замрет пенькового каната
кусок махристый –
ничейный хлам –
все, что осталось.
Промозглый ветер раздувает извилистые своды: тускнеет
панцирь краба под коркой соли,
слегка черненное клеймо.

Сквозняк

Подчас значением на южных склонах
мучительный мятеж камней, от неизбежности
трясушихся, – те странности, что беспокоили.
Наш каждый вздох тревожил душный вечер.
Дверь вздрогнула от легкого нажима и
выплыло навстречу
прорезанное светом пятно
ворсистого йомудского ковра.
Чуть в стороне, повыше,
на палубе пузатого комода,
эпилептически сверкали фарфоровой лазури
глаза блестящие, и жаждал
очертаний четких
туманный мрак, скрывая
облик незнакомки,
возникший рядом,
и сразу
удалился он бесшумно, терзаясь,
канул в темноте.
Проворно вслед метнулась тень,
нечаянно
крыло резное ширмы тронув.

Rosenmontag

Хотелось бы иного, но в охвате низких туч,
под темным вязом,
ютится недоговоренность о бесполезной встрече.

И неподвижность скомканных мгновений
минует
неясных очертаний цепь. Одновременно,
как волшебство в задаренной фортуной местности, огней
дрожаший блеск на бело-водной глади.
Рейн...

Под стать прогулка в чреде падающих капель. Крадутся
неутомимой контрабандой, вольготные повсюду,
подспудные тревоги в оставленный пробел меж небом и
землей, деревьями и протестантским шпилем. Самообмана,
думаешь, не меньше здесь, чем осязаемости,
хотя

в завесу тишины пульсацию веселья отодвигаешь: там,
в поймах улиц тесных, вестфальцы празднуют Rosenmontag, попутно
сладкой карамелью устилают трон, где вместе с Девой восседает
Гордый Принц и Раб-Крестьянин.

В рассыпчатой толпе, запальчивой,
в час ежегодного повтора в невзрачной немоте два дерева
соединились.

И вздох... медлительный, сквозь сердцебиение, как если б появился
строгий пастырь.

Отдышка, рябь домов преследуют на тесном склоне, – та терпкость
хрестоматии мельчайших величин, куда
длится состояние оцепенения. Беснуется
внизу толпа на прицерковной площади, а отпечатки,
упорные след в след по отсыревшим плитам, сверкнули влево, цитируя,
что нарочитость параллельности в капкане взора.

Взгляд анонимный пожирает удаление и привилегию исчезнуть, до точки
источиться в неторопливом странствии, минуя
безгласный блеск и хрупкость отражений, – нацелен вслед он,
недоуменный, навечно уходящим.

Тебя преследует обычное: Trauerfall (дочь переводит: «Случай смерти»).

Затем подворье бауэра под панцирем из темной черепицы, медлительный,
печальный катафалк, и ливень... Трауру сейчас он потакает.

Несовершенство жизни попирает смерть...
расцветая...

Мир, неподвластный мне, подозреваешь,
не только в этот день.
«О Mein Gott!» – твердишь, печальный, смотря поверх брюхастой базилики.
«О Mein Gott! О Mein Gott!» – ты восклицаешь,
все больше распаясь и шелушась тревогой.

Размышления во время похорон

Присели,
вытеснив тошую тень.
Доступно учились молчать,
про себя
вычитая,
плюсуя,
как правило,
не суетясь,
вновь выверяя,
бесполезность пытаюсь завлечь.
И вот...
Терпким наполнены с привкусом горечи...
Все же
определенности как не бывало.
Тогда,
обессилев,
о пустячном бормочем,
так,
невзначай,
словно читаем неведомый манускрипт:
Да,
смерть и жизнь
вроде дня и ночи.
То свет,
то тьма
появляются и
исчезают.
Их отличить невозможно,
иная форма
(трудно понять),
в ином месте,
в ином виде,
с другим именем
и
при иных обстоятельствах.

«Позабывшие мертвых не позаботятся о живых», –
прошептали
немного спустя.
Спешим, припоминая
шершавость снов мгновенных – полет гудящих стрел смертельных кочевника-
номада (в музее, под стеклом, был виден четкий профиль: вблизи покоилась
на изумруде бархата безвредно подернутая тленом бронза, и в бесполезном
сне чернела рядом
мумия ребенка. Напротив
ветхий дагерротип: два папуаса
позируют в набедренных повязках, не замечая, как за окном

решимость дня изводит время).

Под натиском автомобильного прибоя не выплеснуть нам большего, чем любопытство, но, впрочем, не так вершился случай у каменистого холма, в увертливой азийской пустоши, когда, лежа с закрытыми глазами, мы собирали тишину, но, пробудившись, спустились к глинистой реке, врасплох застигнув птицу, покой найти в заворожившей ряби желавшую.

Затем переживанием молчание пронзали, резким криком сдирали кожуру с небес и, страсть отринув в полуденной сieste, чего-то ожидая, сытно меланхолили, но вечером, гордясь своим отсутствием, сидели неприметно, прозрев, что быть в наличие не обязательно, когда как о понятии речь шла о вздохе человеческом.

А может быть, привиделся тот день не сохраненный и канул пыткой? К безмолвию здесь можно без содрогания, медлительно и неизбежно ладонью прикоснуться, бороздя застойный воздух между гранитным сфинксом и алтарем античным, пока в часы пополудни, с приливом в бухте, на девственных камнях пергаменские оргии и беспокойство жриц скрывались.

Излишество витает всюду, сказал мой сын на Линденштрассе, напротив оперы. Потом молчал, перебирая холодными перстами светотень. Он замер... – поза странника в текучести уличной, как будто появился дервиш юный, знакомый и чужой одновременно, один во всей Вселенной.

Тем временем над перепутьем всепроникающе сочились чешуйки солнечного света. И крик, пронзительный, слетевший с крыши: у поднебесья меняли ветхие стропила два мускулистых парня в желтых касках. Их товариш, перегнувшись, смотрит вниз, качая головой. Но, впрочем, дойти надежней было, пока не изменила память, до изворота улицы.

Над триумфальной аркой рабочие леса завешаны полотнищем. За хрусталем рейхстага, словно сельдь, лавируя, снуя, обилие паломников, а в стороне, пересекая взгляд богини, терзает небо ворон, пикируя под строгий монумент, и золотые крылья отражали тень кочевого облака.

День распогодится в повитом спешкой часе, террор дождей оставив под спудом нашей памяти, а заодно – сонм бесполезных ожиданий. Надеялись, что здесь пройдут сомнения и немоты раздор. Как гибкий стебель длится застенчивый в сторонке сын, не ведая, что в свадебный сезон без всяких лишних слов все прояснится.

АЛЕКСЕЙ ЖДАНОВ

ОТПУСК

Рассказ

В свои восемьдесят два года отец был так изношен, что мог умереть в любую минуту. Сын представлял себе хлопоты, связанные с похоронами, и у него портилось настроение: с первого июля начинался отпуск, уже были планы и куплены билеты на самолет.

О скорой своей смерти отец говорил уже лет десять и, встречая очередной Новый год, каждый раз повторял: «Все, последний годочек встречаю», что вызывало привычные улыбки родственников.

Выглядел он старше своих лет: сталинские лагеря, война, контузия... Был худым, морщинистым стариком с крупными руками в выпуклых ветвистых венах и походил на иссохший каменно-твердый, узловатый саксаул, внутри которого вопреки всему теплилась жизнь.

Сын вспомнил, как на одном из давних семейных обедов речь зашла о возрасте стариков. Мать, которая была на два года старше отца, шутливо заговорила с шестилетним внуком.

– Старенькая я стала. Наверное, не доживу до твоей свадьбы.

– Нет, бабуля! Ты еще не старая, а молодая!

– Ну сколько лет мне можно дать?

– Пятьдесят! – бодро выпалил внук.

– Ах ты мое золотко, – прижав его к себе и целуя в пухлые щечки, сказала бабушка.

– А мне сколько? – безразлично спросил дед.

– А тебе – сто десять, – серьезно изрек малыш.

Все рассмеялись, пораженные неожиданным юмором ребенка, а сын подумал: «А ведь он прав».

Дед обреченно покачал головой и налил себе стопку.

Теперь, когда отцу исполнилось восемьдесят два года, у него нашли застарелую опухоль, и все поняли – дедуля не жилец. А тут еще этот отпуск!

Так хотелось вырваться из ташкентской жары в лес, на речку! «Может быть, успею? – думал сын. – Только бы не умер во время отпуска!» И он живо

Алексей ЖДАНОВ. Родился в 1949 г. в Архангельске (Россия). Окончил Институт физической культуры и факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Фотограф. Публиковался в периодической печати. Автор 2 сборников повестей и рассказов. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

представлял себе короткую, как удар, телеграмму со словами о смерти, немедленное возвращение и испорченный отпуск.

Еще в самолете сын, никогда не носивший нательного креста, решил найти в незнакомом российском городе церковь, чтобы поставить свечку и заказать молебен о здравии отца. Ему было стыдно за свою мелочную душонку, за слабость к вину и обильным застольям. Он чувствовал себя никчемным, подленьким человечком, думающим только о себе и своих удовольствиях.

Родственник жены – пожилой синеглазый волгарь – сразу все понял и быстро привез его на старое городское кладбище с чудом сохранившейся церковью.

Потом они ехали на мотоцикле с коляской по длинному волжскому мосту, болтали, смеялись, восхищались необъятной шириной реки, перекрикивая упругий ветер, громко шутили о предстоящей выпивке, и на душе было легко и празднично.

Полетели июльские деньки. Сын со своей женой навестили всех родственников, многих из которых видели впервые, и везде ломились столы и было много водки. Погода, как по заказу, была солнечной, мягкой, без изнуряющего зноя, надоевшего в Средней Азии. Отпускники много купались, загора-ли, ели уху, жарили шашлыки на лесистом берегу Волги.

– Непонятно, зачем люди за границу ломаются? – изрядно выпив, удивлялся сын. – И у нас в России можно нормально отдохнуть. А про себя пьяно думал: «И старик не подводит – не помирает».

С самолета сын, еще не отошедший от бурных проводов, с чемоданами и баулами, пахнувшими копченой рыбой, поехал в свой спальный район. Мельком подумал: «Надо бы к батю... Ладно, завтра с утра заеду, а сейчас душ, пивка и спать».

Поднимаясь по лестнице, сын услышал настойчивую телефонную трель. Он быстро открыл дверь и схватил трубку. Звонила мать. Сказала, что у отца начались сильные боли, и едко добавила:

– Что! Еще не наотдыхался?

Сын вышел на улицу, взял такси и через двадцать минут был у постели больного. Нагнулся с трудом и неловко поцеловал отца в выступающую скулу. Старик улыбнулся обескровленными губами и тихо спросил:

– Ну, как отдохнул, сынок?

Уже несколько дней он не мочился. Вызвали скорую. Врач, молодая женщина, с трудом вводила стальной катетер. Морщась от боли, отец пытался шутить, называя ее коллегой. Сын побыл недолго, а когда отец уснул, уехал домой.

С каждым днем боли усиливались, уколы помогали ненадолго. Вены на локтевых сгибах ссохлись, для инъекций остались только вены на кистях его больших рук, похожих на руки профессионального пианиста. Вскоре и они стали непригодными. «Сколько же людей спас за полвека отец вот этими руками, делая сложнейшие операции в больницах, клиниках, полевых госпиталях в годы войны! – думал сын. – А теперь сам умирает».

Перед смертью даже не попрощались. Сын с матерью не заметили, как умер отец. Последние дни он жил на обезболивающих и почти все время спал.

В душный воскресный вечер в столовой тихонько работал телевизор. Время от времени мать и сын заходили в спальню, привычно поглядывая на

высохшего старика, спящего с открытым проваленным ртом. Около двенадцати ночи выключили телевизор, подошли к постели и обнаружили, что отец мертв. Выражение лица было обычным, как во сне, но он уже не дышал.

– Все, умер, – обыденно сказала мать. – А мы-то с тобой проморгали!

Еще теплое, податливое тело обтерли влажной губкой и надели заранее приготовленное новое белье – трусы и майку. Трусы были веселой яркой расцветки и чуть ли не детского размера. Казалось, старик опять стал ребенком, которого приготовили положить в его вечную колыбель.

С шести утра начались звонки, суета. Отец уже лежал на раздвинутом обеденном столе, одетый в старый, образца шестидесятых годов, китель с многорядными, потускневшими орденскими планками.

Приехала старшая дочь, подошла к отцу и, заголосив:

– Рученьки мои! Рученьки! Все исколоты! – бросилась целовать восковые руки в зеленых точках.

И столько было боли и искренней любви в этом крике! А сын подумал: «Почему же раньше мы не проявляли хотя бы сотой доли вот этой запоздалой любви?»

Привезли гроб, сильно пахнувший хвоей, сырой, грубый, тяжелый, наспех обтянутый красным сатином...

То и дело заходили сослуживцы, соседи, знакомые, а сын как неприкаянный слонялся по скорбной квартире, заглядывал на кухню и норовил тайком выпить водки.

Перед выносом долго совещались. Хрушевка была такой тесной, маленькой, неприспособленной, что умирать в ней никак было нельзя. Гроб выносили из столовой через пятиметровую кухоньку и проходную ванную, поднимая его по диагонали от пола до потолка, крепко придерживая покойника.

На кладбище сын, уже прилично выпивший, так до конца и не понимал, что находится не на чужих похоронах, ставших обычным делом, а на похоронах родного отца. И когда гроб закрыли и деловито застучали молотки, что-то страшное, холодное и незнакомое охватило его. Пелена застила глаза, горло сжал спазм. Почувствовав близкую истерику великовозрастного сына, его единственный друг, человек основательный и серьезный, сделал так, чтобы не увидели этой истерики другие. Он отвел сына к чужим свежим могилам, что-то тихо стал говорить и задержал рядом с собой, когда опускали гроб.

Мозаика

ВАДИМ МУРАТХАНОВ

Редакция журнала предлагает своим читателям подборку стихов известного поэта Вадима Муратханова, 9 марта 2018 г., принявшего участие в ташкентском проекте «Литера: Два берега».

* * *

Куда исчезла боль? Ищу ее с утра.
Как сломанный прибор, молчит болевший орган.
Лекарства на столе, но кончена игра.
Теперь я буду жить старательно и долго.

Теперь я буду жить, во всем преображен.
Лишенный медсестер, оставленный врачами,
я буду говорить с друзьями о чужом
и слушать ровный пульс бессонными ночами.

* * *

За тридевять пустынь обратно не суметь.
Не окунуться вновь в тот воздух, где чинара
в тысяча первый раз примеривает смерть,
смирением сухим твой город начиная.

Здесь минус двадцать пять на солнце – потому,
должно быть, мне так просто одному,
хрустя кристаллами застывшей боли,
пересекать заснеженное поле.

Твой ласковый ноябрь в гортанной суете,
шестиконечный сквер и город-полукровка –
отныне только мой, мой недожитый день,
к игрушечной зиме смешная подготовка.

Вадим МУРАТХАНОВ. Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1974 году во Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил факультет зарубежной филологии ТашГУ (ныне НУУз). Ответственный секретарь журналов «Новая Юность» и «Интерпоэзия». Член Союза журналистов Москвы. Автор шести книг. Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Новый мир», «Дружба народов» и др.

Автобиография

Так и ходил бы всю жизнь, когтист,
если бы Лена и Таня
с раннего детства не занялись
вплотную моим воспитаньем.

Правда, и к ним не сразу пришел
педагогический опыт.
Так, одно время им было смешно
тапочком по голове меня хлопать.

Пятнистого, пытались отмыть добела,
в черный покрасить потом.
А просто мама моя белой кошкой была,
а папа – черным котом.

Но рос я и креп за годом год.
А рядом со мной неизменно
под бременем ответственности и забот
росли Таня и Лена.

Уже приучали с салфеткой есть,
зваться не Кисой, а Валею.
Показывали, как в коробочку сесть,
и когти в неделю раз постригали.

В их школе занятия непросты,
но много законов постиг там.
Отныне понятие чистоты
мне знакомо не по инстинктам.

Когда я в мечтах забегая вдаль,
вижу: с сыновним теплом
я в дом из школы несу медаль,
чуть позже – и свой диплом.

Они принимают из рук портфель –
бесценные Лена и Таня.
И внуков они отправляют в постель
с постриженными коготками.

Письмо

Исписанный латиницей конверт
я вызволил, открыв почтовый ящик.
Кружил листок над ратушей, рассвет
встречал в твоём квартале и хрустящей
нелепой птицей повернул назад,
не разобрав мой почерк увлеченный,
туда, где ныне вырубленный сад
шумит, в небытии не уличенный.

* * *

Я привез в этот город надежду –
не лелеять себе в утеху,
а как пса напускать на тех, что
преграждают мне путь к успеху.

Но она оказалась вялой,
мягкотелой, больной и нежной.
И тогда я, боясь провала,
распрошался с моей надеждой

и отправил в поместье дедово,
и живу, безнадежный, в столице.
Лишь по праздникам езжу проведывать,
новостями с ней поделиться.

* * *

Пока вы не отвыкли от дыханья
и речи близких в памяти свежи,
нет ни души вокруг. Киномеханик
бесплатно крутит прожитую жизнь.

Вот входите вы с робостью ребенка
в пустынный зал на сорок мест.
Стрекочет и потрескивает пленка,
пока смотреть не надоест.

* * *

Ни вина, ни гурий не надо –
небо синее, ветвь граната.
Зерна светятся, манят до дрожи
под шершавой треснувшей кожей.

Но чем дольше из памяти рву
детства выгоревшую траву,
тем сильнее боюсь подмены
и большее жить наяву.

Тесный сруб не меня ли ждет
на краю лакированных вод?
Там сосна переходит дорогу,
и все длится ее переход.

УЗНАВ АЗИЙСКИЙ ЛИК...

ЛЕЙЛА ШАХНАЗАРОВА

Начну, пожалуй, с того, как «начался» Владимир Рецептер в свое время для меня: с полузабытого сегодня, очень «шестидесятнического» фильма «Лебедев против Лебедева». Фильма интеллигентского, рассчитанного на интеллектуалов, – или получившегося таким благодаря исполнителю главной роли – воплощенному интеллектуалу и интеллигенту...

Потом запомнившееся имя всплыло в титрах телеверсии замечательного товстоноговского спектакля, где Рецептер играл Грибоедова, – и это был уже словно другой актер и другой человек: взрослый, мудрый, с горьким всезнанием и предвидением в глазах...

Позже – сочные рассказы моего старшего коллеги Вадима Новопрудского об однокашнике его по филфаку Ташкентского университета Волике Рецептере, открытом, веселом парне, всегда готовом «артистически» разыграть друзей по собственному мгновенно сымпровизированному сценарию. Но – в котором уже тогда угадывались в иные минуты глубины будущего принца Датского и Вальсингама...

...Прости-прошай, трофейный скромник,
ночной таинственный приемник;
прости-прошай, зеленый глаз,
зеленый шум, арык журчащий...
Прости-прошай, мой друг пропащий
и ты, послевоенный джаз...

История о том, как молодого, очень яркого ташкентского актера, игравшего в нашем драматическом театре Раскольников и Гамлета, пригласили в Ленинградский БДТ, о дальнейшей актерской и режиссерской деятельности Владимира Рецептера, в том числе созданных им уникальных моноспектаклях, – все это известно достаточно хорошо. Но когда в свое время мне пришлось участвовать в издании газеты Пушкинского общества при Республиканском русском культурном центре, – открыла для себя еще одну ипостась этого поистине неисчерпаемого человека, человека – культурного явления: Рецептера-пушкиниста.

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Эссеист, публицист. Работала в журналах «Звезда Востока», «Общественное мнение и права человека» и других. С 2011 года – литературный редактор журнала «Восток Свыше». Очерки и эссе Л. Шахназаровой посвящены вопросам культуры и искусства.

Хотя когда-то гены деда, талантливого актера Л. Н. Каренина, взяло свое, заставив юного Волика после окончания ТашГУ без колебаний уйти «в артисты», – несомненно, актер в его душе всегда продолжал уживаться с филологом.

Владимир Рецепттер

Конечно, вовсе не обязательно филологическое образование, чтобы любить Пушкина. Но вот создать студию, а позже театр, где жили бы на

сцене именно и только пушкинское слово, мысль, чувство, заново открыть современности бездонный мир пушкинского театра, – для этого надо любить поэта и человека, с которым разминулся в веках, так истово и глубоко, как любит Пушкина Владимир Рецепттер. Ибо он такую студию и такой театр создал.

За два с половиной десятилетия существования основанного и бессменно возглавляемого Рецепттером Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге, а с 2006 года – и единственного в своем роде театра «Пушкинская школа», – к слову Пушкина, воплощенному искусством иной природы, приобшились десятки тысяч зрителей. На сцене здесь оживали «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь» и «Сцены из рыцарских времен»... Этот опыт стал одной из вех многолетнего пути Владимира Рецепттера к новому открытию «театрального» Пушкина.

«До сих пор приходится слышать, что драматургия Пушкина – это «театр для чтения», что она не для сцены и т. д. ...Не Пушкин несценичен, а театр не «пушкинизирован»... Именно теперь новым смыслом наполняется пушкинская формула: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической».

А. А. Ахматова долгие годы вчитывается в «Каменного гостя», а театр, ничтоже сумняшеся, ставит к юбилею почти все «Маленькие трагедии» за два месяца, в промежутке между мюзиклом и производственной драмой...»

Это – из книги Владимира Рецепттера «Прошедший сезон, или Предлагаемые обстоятельства», где размышлениям о драматургии Пушкина посвящен не один десяток страниц. Причем нередко исследования текстов, отдельных реплик и ремарок граничат с литературоведческими открытиями.

Таким открытием можно назвать и осмысление Рецепттером «Русалки» – одного из самых загадочных пушкинских произведений, до сих пор не прочитанного ни одним драматическим театром:

«Мы видим нового Пушкина – когда не порок наказан и добродетель восторжествовала, а когда виновник раскаялся и оскорбленный простил».

Неожиданная концепция прочтения гениального произведения. Которая, несомненно, поможет режиссерам увидеть «несценичную» «Русалку» новыми глазами.

...А пока – режиссер, актер, поэт, создатель самого «пушкинского» театра на свете Владимир Эммануилович Рецепттер ведет почтительно-восторженный, но и, в сущности, полноправный диалог с «михайловским соседом» Александром Сергеевичем Пушкиным:

... – Ты сам лежишь у храма...

– Выбор мой.

При жизни мы к могилам, как к наградам,

готовимся. Вот в «Гамлете» хорош
могильщик!.. Он острит, а волос дыбом!..
– Твой «Гробовщик» не на него ль похож?..
– Как нам не примеряться к вечным глыбам?..
– А я когда-то Гамлета играл...
– Вот оно что!.. Не обратил вниманья.
– Зря я сказал...

...Много лет спустя после своего отъезда В. Рецептер вновь побывал в столице Узбекистана с концертной программой. Как встретились они с Ташкентом? И значит ли все еще что-то этот город для Владимира Эммануиловича?.. Может быть, отчасти ответ на это дают строчки еще одного бывшего ташкентца – Михаила Книжника, написавшего о своем знаменитом земляке в поэтической антологии «Ташкентский дворик»:

«...Подборки Рецептера выходили в «Юности», и это были совсем даже неплохие стихи. Очень петербургские, сдержанные, много про русскую историю. И редко, очень редко в них сквозил Ташкент... Тогда исчезала ленинградская прохлада и в силу вступала горячая страстность ташкентских сумерек».

...Когда подробности остынут
и перестанут обжигать,
я нагружу стихам на спины
дорогостоящую кладь;

путем изменчивым и странным,
как бы преодолевая лень,
они верблюдским караваном
уйдут искать вчерашний день.

И, город глиняный враскачку
пройдя,
узнав азийский лик,
они преодолеют спячку
и губы вытянут в арык;

и колесо начнет вращаться,
из всех жестянок воду лить,
и выйдут старцы, домочадцы,
чтоб, споря, беженцев селить...

...Край далекой юности, «глиняный город с азийским ликом»... На том гастрольном выступлении Рецептера, где он исполнял, в том числе, фрагменты из моноспектаклей «Гамлет» и «Моцарт и Сальери», я не была. Как принимала его в тот раз ташкентская публика, не знаю, хотя догадаться совсем нетрудно. Но знаю точно одно: наш прекрасный город своего неповторимого Гамлета узнал и... вспомнил?.. Да он никогда и не забывал его, как не забывает никого, кто хотя бы небольшой кусочек своей жизни прожил под ташкентским небом. Думаю, верю, убеждена: и в душе Владимира Рецептера Ташкент жив. Почему не сомневаюсь в этом? Хотя бы вот из-за этих строчек:

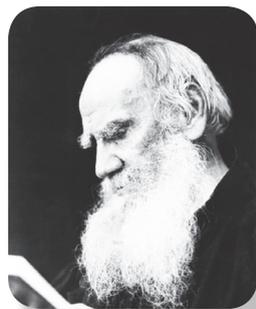
А я был лет шести, в волнах эвакуаций,
перенесен судьбой на новые места,
чтобы глядеть, как здесь, в тени густых акаций,
большое колесо вращалось у моста.

.....

За этот уголок, что стал моим спасеньем,
за этот долгий взгляд, сверкающий арык,
за весь текущий мир с его коловращеньем
я рад бы жизнь отдать,
хоть к смерти не привык.

БЛАГО ЛЮБВИ

(Обращение к людям-братьям)

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

9 сентября 2018 г. исполняется 190 лет со дня рождения Л. Н. Толстого (1828–1910). Редакция предлагает своим читателям его малоизвестное «Обращение к людям-братьям», написанное в последние годы жизни.

Милые братья, особенно те, кто теперь у нас в России борется за такое или иное никому не нужное государственное устройство. Нужно тебе, милый брат, кто бы ты ни был, царь, министр, работник, крестьянин, нужно тебе одно. Это одно – прожить тот неопределенно короткий миг жизни так, как этого хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь.

<...> Кто мы, что мы? Ведь только ничтожные, могущие всякую минуту исчезнуть слабые существа, выскочившие на мгновение из небытия в жизнь прекрасную, радостную, с небом, солнцем, лесами, лугами, реками, птицами, животными, блаженством любви и к близким, и к своей душе, к добру и ко всему живому... И что же? Мы, существа эти, не находим ничего лучшего, как то, чтобы этот короткий, неопределенный, каждую минуту могущий прерваться миг жизни отдавать на то, чтобы, изуродовав десятиэтажными домами, мостовыми, дымом, копотью, зарыться в эти трушобы, лезть под землю, добывать камни, железо для того, чтобы строить железные дороги, развозящие по всему миру ненужных никому людей и ненужные товары, и, главное, вместо радостной жизни, жизни любви, ненавидеть, бояться, мучить, мучиться, убивать, запырять, казнить, учиться убивать и убивать друг друга.

Ведь это ужасно!

Те, кто делают это, говорят, что все это они делают для того, чтобы избавиться от всего дурного и, что еще лживее, – говорят, что они делают это для того, чтобы избавить людей от зла, что они, делая это, руководятся любовью к людям.

Милые братья, опомнитесь, оглянитесь, подумайте о своей слабости, мгновенности, о том, что в этот неопределенный, короткий срок жизни между двумя вечностями или, скорее, безвременностями, жизни, не знающей высшего блага, чем любовь, – подумайте о том, как безумно не делать, что вам свойственно делать, а делать то, что вы делаете.

<...> Жизнь мира, человечества всего, как она идет теперь, требует от вас

злости, участия в делах нелюбви к одним братьям ради других, не дает блага ни другим, ни вам.

«Но мы работаем для будущего», – говорят на это. Но почему жизнью любви в настоящем, сейчас, жертвовать ради неизвестной нам жизни будущей?

Разве не очевидно, какое это странное, губительное суеверие. Я знаю, несомненно знаю, что жизнь – в любви и законе Бога и требовании моего сердца – и дает благо мне и другим, и вдруг какие-то отвлеченные рассуждения заставят меня отказаться от верного, несомненного блага моего, обязанности, закона моего... Ради чего? Ничего. Ради обычая, привычки, подражания.

Пусть только борец за «свободу» или «порядок» положит одну сотую тех усилий, тех жертв, которые он полагает на борьбу ради своей цели, – на увеличение любви в себе и других, и он – не так, как при деятельности борьбы, где не видны последствия, а только ожидаются, а тотчас же и увидит плоды своей любовной деятельности не только в себе: в великой радости любви, но и в следах, которые неизменно на других людях оставляет эта деятельность.

Милые братья, опомнитесь, освободитесь от той ужасной инерции заблуждения (заблуждения, что борьба, животная борьба, может быть свойственна и не губительна человеку); и вы узнаете радость, благо, святость жизни, ненарушимые ничем: ни нападками других людей, потому что нападки эти будут только поводом усиления любви, ни страхом смерти, потому что для любви нет смерти.

<...> Хоть один день, оставаясь в тех условиях, в которых застал вас день, поставьте себе задачей во всяком деле этого дня руководиться одной любовью. И я знаю, что сделайте это вы, вы уже не вернетесь к старому, ужасному, губительному заблуждению.

Об одном прошу вас, милые братья: усумнитесь в том, что та жизнь, которая сложилась среди нас, есть та, какая должна быть (жизнь эта есть извращение жизни), и поверьте, что любовь есть назначение, сущность, благо нашей жизни, что то стремление к благу, которое живет в каждом сердце, та обида за то, что нет того, что должно быть: благо, – что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только бы люди не считали, как теперь, жизнью то, что есть извращение ее.

Милые братья, ради вашего блага, сделайте это: усумнитесь в той, кажущейся вам столь важной внешней жизни, которой вы живете, поймите, что, не говоря уже о личной славе, богатстве и т. п., все те воображаемые вами устройства общественной жизни миллионов и миллионов людей, все эти ничтожные и жалкие пустяки в сравнении с той душой, которую вы создаете в себе в этот короткий миг жизни между рождением и смертью и которая не переставая заявляет вам свои требования. Живите только для нее и ею, тою любовью, к которой она зовет вас, и все те блага и вам, и всем людям, о которых вы только можете мечтать, и в бесчисленное число раз больше приложатся вам. <...>

СОВЕЩЬ ЭПОХИ

Однажды писатель В. В. Набоков, рассказывая американским студентам о значении творчества Льва Николаевича Толстого, прибегнул к интересному эффектному приему. Он погасил все лампы в зале и опустил шторы. Зал погрузился в темноту... Набоков подошел к выключателям. Вспыхнула лампа в дальнем левом углу: «Это Пушкин!» – объявил он. «Это Гоголь!» – вспыхнула лампа посреди зала. «Это Чехов!» – вспыхнула лампа справа. Набоков спустился с эстрады, направился к центральному окну и отцепил штору, которая с громким стуком взлетела вверх... Как по волшебству в аудиторию ворвался широкий плотный луч ослепительного солнечного света. «А это Толстой!» – прогремел Набоков.

В «золотой век» русской литературы Л. Н. Толстой производил впечатление гиганта, чей могучий дух, подобно животворному солнечному свету, озарял и оплодотворял культурную и общественную жизнь России конца XIX – начала XX в. В нем сочетались гениальный писатель, оригинальный мыслитель, педагог, страстный проповедник моральных истин и великий знаток человеческой души, чье творчество явилось новой страницей в истории мировой художественной культуры и оставило глубокий след в духовном развитии всего человечества. Еще при жизни за писателем утвердилась мировая слава «совести эпохи» и «властителя дум», его произведения читались как гениальные откровения, а его самобытное «вероучение» вызвало к жизни широкое общественное движение – так называемое «толстовство», имевшее своей целью нравственное самосовершенствование людей на основе принципов духовного братства, труда, свободы от собственности и близости к природе.

Именно Л. Н. Толстой своими художественными полотнами определил основное содержание истинной литературы: постановка и разрешение острейших нравственных проблем, «вечных вопросов» о смысле жизни, месте человека в обществе, о его моральной ответственности за себя и за все, что совершается в мире.

Материалы сайта: <http://www.alsoch.ru>

Николай ИЛЬИН

БЕРЕГ СЕРДЦА И ДУШИ...

*Для доброты тебя Всевышний создал,
Для дел благочестивых и священных.*
С. Саййид «Человек»

В русской словесной культуре широко известна поэтическая формула Николая Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Эта фраза обращена к каждому человеку, каждому деятелю культуры и искусства, представляющему свою страну. Но, пожалуй, именно от поэта особенно требуются и активная гражданская позиция, и высокое художественное мастерство. Тем более, когда речь идет о творчестве поэта эпохи исторического перелома, когда решается судьба народа. Творец, как гражданин, не только должен быть со своим народом, но и помочь ему в период быстрых и решительных перемен осознать свою национальную сущность, богатство и значимость культурно-исторического наследия, реальность и перспективы путей развития государственности, общества и культуры.

Сироджиддин Саййид как раз относится к плеяде тех авторов, которым на долю выпало художественное осмысление переломного этапа в жизни узбекского народа. Его поэтический сборник «Цвети, цветок, пришла пора расцвета» – поэтическое осмысление духовной жизни нашего народа на таком переломном этапе. Природный поэтический талант автора, особая словесная выразительность, проникновение в тонкие сферы национальной истории и культуры, знание не только родного языка и литературы, но и других литератур восточных и европейских народов позволили ему решить эту важную художественную задачу глубоко и многопланово.

В содержательном отношении исходной точкой для осмысления поэтом реальной действительности и нравственно-идеологической специфики узбекского народа явились простые идеи жизнелюбия и гуманизма как основа национального понимания жизни:

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик. Член Союза писателей Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...».

*У зла нет наций. И глаза пусты.
 Ни рода, ни племен нет у вражды.
 Познание этой истины извечной
 И полумесяцы венчают, и кресты.*

Национальная нравственность в своей основе отвергает зло и насилие, поэт скорбит о жестоких проявлениях человеческой природы. Нарушение нравственных законов неизбежно карается самим природным устройством мира, вера в непремненное наказание и осуждение зла – характерная черта узбекского взгляда на жизнь и характерна для самого поэта:

*Не вспыхнет радуга над тем, кто жив обманом.
 В котле завистника не зреет сумалаяк.
 На крыше подлеца не зацветут тюльпаны.
 Не сядет бабочка свинушке на пятак.*

Родной очаг – емкий образ Родины и родного дома, материнские руки и глаза становятся ключевыми понятиями, символами родной земли для человека:

*Иду на север иль иду на юг,
 В урочищах гиссарских иль на скалах,
 Тепло святое материнских рук
 Хранят, как прежде, очаги из камня.*

*Пройду сквозь испытание любое,
 Но сердцу вы останетесь близки,
 Судьбы моей, любви моей и боли
 Живой огонь – родные очаги.*

В переломные моменты истории естественно обращение к историческому наследию, ибо оно связано с самопознанием и самоутверждением нации в новых реалиях жизни: «И Памяти высокие колонны // Отчизну гордо держат в небесах». Поэт призывает бережно относиться к «могилам предков», как в буквальном, так и в широком – культурологическом – смысле:

*Могилы предков свято береги.
 Могилы – притчи вечного прощенья.
 И никогда с них не срывай ростки.
 Ростки – минувшей жизни возвращенье.*

Так определяется путь постижения и творческого осмысления великой культуры предков, ибо национальная классика есть то наследие, которое не только в смутные времена позволяет сохранить национальный дух, национальные чувства и нравственные ценности, но и определить, что из далекого и недавнего прошлого представляет особую ценность для современной жизни, что следует вернуть из утраченного, а от чего отказаться. В стихах С. Саййида мы постоянно встречаем упоминание имен великих узбекских и мировых классиков: Навои, Пахлавана Махмуда, Машраба, Аттара, Аллаяра, Саади, Расула Гамзатова, Андрея Вознесенского и др.

Конечно, ключевой фигурой прошлого в осознании национального культурного наследия оказывается Алишер Навои, не только великий мыслитель и государственный деятель, создатель национального языка и литературы, но и поэт, определивший в своем творчестве нравственно-психологический архетип узбека. Не случайно С. Саййид заявляет в стихотворении «День рождения Навои», что «...с именем его наш мир светлеет // И нацией становится народ», ибо день рождения узбекского классика – это еще и день становления национального самосознания. До Навои – «великие предки», с Навои начинаемся «Мы».

В создании своей авторской «культурологической базы», в накоплении словесно-образных и ритмических структур С. Саййид оказывается не только «потребителем» мирового культурного наследия: мировых авторов он знает и как читатель и культуролог, и как активный переводчик, проникающий в глубинные и тонкие сферы великих художественных текстов.

В дилемме «поэт – гражданин» чрезвычайно важно, чтобы гражданин не подменял прямолинейными общественными декларациями, политическими лозунгами, пересказом решений властных структур собственно образного, художественного осмысления современных жизненных проблем. При анализе поэтического творчества нам важны не только те идеи, которые вдохновляют поэта, но и его художественные приемы, языковые и стилистические особенности, то есть те особые качества, которые отличают его, позволяют мгновенно узнавать поэта среди многих авторов.

Своеобразие поэтики С. Саййида, его индивидуального стиля заключается прежде всего в типе лирического героя, который не стремится поразить читателя своей эрудицией, сверхсложностями своего мышления и языка, эффектными созвучиями, труднопонимаемыми метафорами и сравнениями. Это наш типичный современник, вместе со всеми нами переживший тяготы переходного времени, стремящийся быть доступным и понятным каждому, переживающий сложные душевные состояния, переданные в доступной, часто зрительной образности. Он не стремится возвыситься над читателем, но хочет поделиться с ним своими мыслями, наблюдениями и чувствами, своим жизненным опытом. Жанровое разнообразие поэтических созданий автора от философских и историко-культурологических стихотворений до стихов, становящихся текстами современных песен, позволяет многогранно и полно отразить палитру художника.

Создаваемые поэтом словесные картины очень выразительны, они, словно иллюстрации, позволяют зрительно воспринять аспекты жизни, изображаемые поэтом. Это касается не только зарисовок (пейзаж, интерьер, портрет), но и того, чего увидеть нельзя, изображения внутренних переживаний, душевных состояний:

*Любой тоски мне безразличен лик,
И счастья пусть никто не обещает.
Пусть, как ладонью, запоздалый лист
Из осени мне машет на прощанье.*

Из пространства осени машущая ладонь листа – олицетворение, позволяющее наглядно представить внутреннее состояние автора, состояние печали

в разлуке, которая ассоциируется с осенним увяданием и, конечно, доступна не глазу, а только «внутреннему видению».

А вот печаль от снега, который «летит до горизонта» и ассоциируется у поэта с белым листом бумаги:

*Снег летит до горизонта. Снег в горах. Кругом – ни зги.
От Ташкента до Термеза, до Сурхана снега свист.
Мама, как писать мне этот неизбежный стон тоски?
Между нами бесконечный, беспредельный белый лист.*

Эта метафорическая замена снега белым листом бумаги не просто наглядна, но многоемка в смысловом отношении: здесь и невозможность выразить состояние тоски словами (белый незаполненный лист – символ молчания), здесь и тоска разлуки с близкими, и всегда тяжелое для любого художника внезапное исчезновение вдохновения (все тот же незаполненный текстом лист). Интересно, как замечательный переводчик С. Саййида Александр Файнберг чутко угадал эти наглядно-изобразительные свойства узбекского автора. В переводном тексте он употребил выражение «как писать мне этот... стон тоски?» с глаголом «писать». Формально это неправильно, ибо состояния не «пишут», а «описывают», но переводчик сознательно употребил глагол-термин, характерный для живописи – на русском языке картины именно пишут.

Глубокому осмыслению приемов олицетворения подвергаются картины природы, становясь зрительными:

*Душа потеплела, душа осветилась,
Когда, с векового слетевши чинара,
Нечаянный лист на плечо опустился
Теплой ладонью Суфи Аллаяра.*

Наглядной образностью отличаются описания природных явлений, пейзажные зарисовки, непосредственно являющиеся словесным представлением душевных состояний.

Поэтическая книга «Цвети, цветок, пришла пора расцвета» есть тот самый «берег сердца и души», где мы погружаемся в своеобразный поэтический мир Сирожиддина Саййида. Для поэта понимание словообраза «берег души» становится одновременно и символической картиной родного края, и местом поэтического озарения:

*Нет, не в пирах и не в далеких странах
Меня напрасно, друг мой, не ищи.
Пристанищем моим навеки стал он –
Священный берег сердца и души.*

КАМОЛА БАБАДЖАНОВА

«ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»

*«И не смело б веков теченье
следа, оставленного мной...»*
Гете. «Фауст»

В современном узбекском литературоведении есть понятие «среднее поколение» писателей, это Шараф Рашидов, Саид Ахмад, Хамид Гулям, Рамз Бабаджан, Мирмухсин, Шукрулло, Рахмат Файзи, Аскад Мухтар, Тураб Тула, Шухрат и др. Талантливые поэты, прозаики, драматурги, создавшие десятки романов, поэм, дастанов, поэтических циклов, драм, жили в сложный и противоречивый исторический отрезок времени, который им отвела судьба. «Среднее поколение» – это ровесники советского строя, поэтому, представляя родную узбекскую литературу, продолжая ее вековые классические традиции, они одновременно отражали своим творчеством принципы и идеалы общей советской литературы. Это важно учитывать, анализируя их литературное наследие, рассматривая творчество «среднего поколения» в историческом и эстетическом контекстах определенной эпохи, так как это многогранный и полноценный пазл в целостной образной картине национального мира. Судьбы писателей этого поколения сложились по-разному, но творчество каждого из них, несомненно, является духовной частью узбекской культуры.

Рамз Бабаджан (2 декабря 1921 года – 28 декабря 2008 года) – народный поэт Узбекистана, Заслуженный деятель искусств республики, лауреат Международного конгресса поэтов мира, лауреат Государственной премии, поэт, прозаик, драматург, переводчик, общественный деятель. Он является автором десятков поэтических сборников, среди которых «Севгисирлари», «Сенга, севгилим», «Янги рубойлар», «Сенинг мехрингдан», «Избранное: Стихотворения и поэмы», «Избранные произведения» (в 2-х томах), «Мухаббатга таъзим», «Грани», «Сурайё юлдузидан шуълалар» и др., 15 поэм, более 100 рубаи, а также 5 пьес, романа, документально-мемуарной книги, целого ряда статей об узбекской и мировой литературе. Произведения Рамза Бабаджана переведены на многие языки мира, в том числе на русский, английский, болгарский,

Камола БАБАДЖАНОВА. Родилась в Ташкенте. Окончила филфак ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат филологических наук, доцент. Автор множества научных статей, учебных и методических пособий, книг.

японский, итальянский, испанский, польский, грузинский, армянский, азербайджанский, таджикский, литовский, латышский и др.

Большим успехом у зрителей пользовались его драматургические произведения «Дядя и племянники» («Тога-жиянлар»), «Цыгана не обманешь» («Зухранинг мактублари»), «Юсуф ва Зулайхо». Лучшие из них – «Живая вода» («Оби ҳаёт»), удостоенная в 1972 году Государственной премии СССР, а также поэмы «Тысяча и один журавль», «Мать – Индия», «Хайёмнома», «Разговор с дедом», «Монолог» и «Диалог». В последние годы жизни автором были опубликованы окончательный вариант драмы «Юсуф ва Зулайхо» (2000), мемуарно-документальная книга «Менинг ижодим – менинг ҳаётим: Кексалик китоби» (2004), роман «Муҳаббат мезони» (2005), переводы пьес Г. Ибсена «Привидения» (2006), У. Шекспира «Макбет» (2008) и ряд других произведений.

Рамз Бабаджан перевел на узбекский язык произведения А. Пушкина («Памятник», «Сказка о золотом петушке» и др.), М. Лермонтова («Русалка», «Черные глаза» и др.), Н. Некрасова («Арина, мать солдатская», «Железная дорога» и др.), поэмы А. Твардовского («Василий Теркин» и «Василий Теркин на том свете»), стихи В. Маяковского, Н. Грибачева, М. Алигер, С. Михалкова, Г. Табидзе, И. Чавчавадзе, Сулаймона Рустама, Наби Хазрий, М. Миршакара, О. Туманяна, Хосе Рисалья.

Рамз Бабаджан – автор стихов многих песен («Гилос», «Звезда Востока») и др.

Авторы песни «Звезда Востока» («Сияй, Ташкент, звезда Востока...») – поэты Рамз Бабаджан и Лев Ошанин, закончили работу над ней в июне 1977 года, в дни пушкинского праздника в Ташкенте и получили звание лауреатов на конкурсе «Песня – 78».

Рамз Бабаджан – поэт-лирик, первые сборники стихотворений которого были опубликованы в 1939–1940 годах. Рецензентом книги «Шеърлар» («Стихи») (1939) был Хамид Алимджан, а редактором книги «Водини кезганда» («Вдоль долины») (1949) – Шараф Рашидов. С самого начала творческого пути Рамза Бабаджана окружали талантливые узбекские писатели и поэты: Камиль Яшен, Гафур Гулям, Айбек, Хамид Алимджан, Зульфия, Шейхзаде, литературные портреты которых воссозданы в его статьях.

Последнее прижизненное издание поэта «Сурайё юлдузидан шуълалар» (конец 2001 года) было связано с трагической утратой любимой супруги Сурайё. В книге воссоздан светлый образ жены, музы поэта.

Включив в сборник стихи разных лет, посвященные жене, Рамз Бабаджан не только воссоздал образ любимой, но и сумел создать совершенный цикл о любви, верности, поисках смысла жизни, отражающий духовный мир поэта.

Известный русский поэт и исследователь законов поэтического творчества Валерий Брюсов писал: «Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно книгой, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней...»¹

Сборники Рамза Бабаджана характеризуются четкой внутренней структурой, эмоциональной и смысловой логикой. В результате возникает поэтическая история большой любви, которую поэт пронес через всю свою жизнь.

В лирических циклах Р. Бабаджана любовная, гражданская, философская тематика пересекаются и воссоздают лирическое «я» поэта, который до последнего вдоха воспевал три основные темы: священную любовь к Родине, возвышенную любовь к женщине и преданность своему призванию – Поэзии.

¹ См.: Блок А. Об искусстве. – М., 1980. С. 272.

Стихи Рамза Бабаджана последних семи лет можно назвать лирическим дневником поэта, пережившего потерю близкого и любимого человека, но не сломившегося, бережно сохранившего свое чувство и пожелавшего в поэтической форме поделиться им со своим читателем. Здесь обнажаются авторская душа, настроение и переживания и одновременно возвеличиваются сила вдохновения, оптимистическая философия жизни.

Особого внимания заслуживает история любви Юсуфа и Зулейхи, восходящая к библейскому и кораническому сюжету. В мировой литературе существуют сотни его интерпретаций, отличающиеся общественной атмосферой, диктуемой временем, национально-эстетическими особенностями, но везде отражается трагическое бореание человеческих чувств и духа.

У Рамза Бабаджана есть две книги: драматическая поэма «Юсуф ва Зулайхо ёки ога-инилар адовати» (1981) (в переводе А. Наумова «Юсуф и Зулейха, или Повесть о проданном брате») и драматический дастан «Юсуф ва Зулайхо» (2000).

История этих двух произведений, разделенных 20 годами, выглядит так:

1. 1950-е годы – замысел поэмы о Юсуфе и Зулейхе.
2. 1971 год – либретто для оперы «Юсуф и Зулейха».
3. 1981 год – публикация драматической поэмы «Юсуф ва Зулайхо ёки ога-инилар адовати» («Юсуф и Зулейха, или Повесть о проданном брате». Пер. А. Наумова).
4. 1990 год – постановка спектакля «Юсуф ва Зулайхо ёки севги фожиаси» («Юсуф и Зулейха, или Трагедия любви») в театре им. Мукуми.
5. 1998 год – пятисерийный видеофильм «Мухаббат нидоси. Юсуф ва Зулайхо». (Режиссер – Хамид Кахрамонов).
6. 2000 год – издание книги «Юсуф ва Зулайхо»: драматический дастан (1977–1999).

Замысел. Рамз Бабаджан рассказывал, что в конце 50-х годов прошлого века он и его друг Хамид Гулям решили написать, опираясь на традиционные восточные сюжеты, по одному произведению. Хамид Гулям выбрал сюжет поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин», а он – сюжет «Юсуф и Зулейха», привлекая его тем, что одинаково интересен был и для Востока, и для Запада.

1. Либретто. В 1970–1971 годах Рамз Бабаджан работал над либретто для лирической оперы «Юсуф и Зулейха», которое по каким-то причинам осталось незаконченным.

2. Поэма. В 70-е годы религиозная тема в искусстве была под негласным запретом. Поэма «Юсуф и Зулейха, или Повесть о проданном брате» на русском языке должна была войти по плану во второй том «Избранных произведений» (Москва: «Советский писатель»), но неожиданно автору сообщили, что ее не опубликуют.

Между автором и издательством завязывается переписка, главный редактор А. Пузиков сообщает, что необходимы неоднократная апробация поэмы, положительные оценки в прессе. Рамз Бабаджан просит перенести издание двухтомника на следующий год. Издательство не соглашается, в конце концов двухтомник выходит без поэмы.

Поэма «Юсуф и Зулейха, или Повесть о проданном брате» была опубликована позже¹, хотя опять со сложностями, обусловленными идеологическими причинами, – не устраивал коранический сюжет.

3. Спектакль «Юсуф ва Зулайхо ёки севги фожиаси» («Юсуф и Зулейха, или Трагедия любви») был поставлен в театре им. Мукуми в июне 1990 года.

¹ См.: Грани. – М.: Советский писатель, 1983.

Молодой режиссер театра им. Муками Рустам Бабаханов, очарованный поэмой, предложил поставить на ее основе музыкальный спектакль и просил его поддержать. К работе подключился талантливый композитор Фарход Алимов.

Рамз Бабаджан сам говорил, что писал очень быстро, легко, с огромным вдохновением. Первоначальный авторский замысел усложнялся и разветвлялся, фактически рождалось новое произведение. Музыкальная драма диктовала свои правила: возникали новые стихи для арий и дуэтов, монологов и диалогов, усиливалась психологическая характеристика героев, усложнялись сюжетные линии.

Начало 90-х – время исторических перемен. Новое отношение к личности, к религии, подъем национального самосознания обеспечивали творческую свободу авторам спектакля, исчезали идеологические рамки и преграды. Эта духовная и творческая свобода реально ощущалась первыми зрителями спектакля. Спектакль с успехом шел более десяти лет.

Накануне премьеры, 20 июня 1990-го года, во время обсуждения художественного спектакля многие выступавшие особо отметили новаторство спектакля. Рамз Бабаджан, показав религиозную сторону сюжета, совершил творческий подвиг, а режиссер Рустам Бабаханов потряс публику своими смелыми решениями: театральный занавес оформлен в виде текста на арабском языке, а со сцены прочитаны суры из Корана. Это были первые веяния нового времени.

4. Видеотелефильм «Мухаббат нидоси: Юсуф ва Зулайхо», специфика кино требовала от автора новой работы над произведением. Важную роль сыграл объективный факт: в 1991 году Рамз Бабаджан в составе делегации, в которую входили писатели Шукрулло, Рамз Бабаджан, Одил Якубов и Джамол Камол, побывал в Мекке, Медине, Тоифе, Жидде по приглашению Генерального секретаря Всемирной Лиги мусульман доктора Абдуллы Бина Умара Насифа. Поездка дала новые яркие впечатления, эмоции, размышления, главное – возможность познакомиться ближе с жизнью арабского Востока. Конечно же это отразилось в сценарии видеофильма.

5. «Юсуф ва Зулайхо»: драматический дастан (1977–1999), значительно доработанное, обогащенное новыми стихами, образами, идеями произведение, в его идейно-эстетической и образной системе появились новые смысловые акценты, расширился его первоначальный замысел и жанровые рамки.

Рамз Бабаджан говорил: «Если сопоставить первый и последний варианты: драматическую поэму «Юсуф и Зулейха, или Повесть о проданном брате» (1981) и драматический дастан «Юсуф и Зулейха» (2000), то можно увидеть между ними большую разницу». Камиль Яшен назвал дастан «Юсуф и Зулейха» «романом в стихах».

Поэт продолжил в дастане классические традиции своих предшественников – Фирдоуси, Рабгузи, Джами, Дурбека и в то же время создал новый вариант легенды о Юсуфе и Зулейхе на современном узбекском языке.

Талант и интеллектуальный потенциал позволили Рамзу Бабаджану даже в восемьдесят с лишним лет продолжать творить.

Многогранное творчество писателя свидетельствует о том, что для него, как для настоящего художника, не было временных рамок, свой жизненный путь он завершил новыми произведениями во всех жанрах: лирике, прозе, драме, переводах. Рамз Бабаджан, несомненно, внес определенный вклад в историю узбекской литературы XX–XXI вв.

Филипп ГАДЖИЛИ

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ, ИЛИ ЭСКИЗЫ БУДУЩЕГО ВДОХНОВЕНИЯ

В привычном театре зритель и действие разделены физически на две пространственные половины – зал и сцену, эти два квазитела, антагонистичные и стремящиеся к другу, как мужское и женское в какой-нибудь сложной восточной философии. И, как мужчина и женщина в самой простой жизни, сцена и зал, играя по кем-то принятым правилам, обычно недопонимают друг друга.

«Ильхом», театр, построенный на фрейдистски сокровенном бессознательном и экзистенциальном отчаянии, давно разорвал такую парадигму. Стирая грани между вымыслом и жизнью даже в рамках пространства, он радикализирует и подчеркивает, даже пересоздаёт художественный смысл вещей, донося его до зрителя-соучастника на совершенно другом уровне.

Теперь эта интеллектуальная площадка ещё упрощает-усложняет работу публике и делает вещественными даже сами мысли. Создавая кое-что новое – «культпоход». «Культпоход» – это для тех, кому не за тридцать, но до тридцати (устроители обещали повысить возрастной предел), а из них – для тех, кто причислен театром к мыслящей, не «потреблейской» части общества, т. е. для всех, кто бывает иногда в театре «мысли-перед-сном» (кто же не узнавал себя в ильхомовском... да в ком угодно?).

«Культпоход» единожды случился (теперь, кажется, случайно) ещё 13-го марта – я пишу о нём спустя более двух месяцев: того требует ситуация, ещё содержащая надежду на осмысление, однажды пробно возникнувшее на наших глазах, как «культпоход» – подвешенное в своей невольной единичности событие.

Каким оно было? Пока только таким, какое оно есть-было, когда случилось: его «когда» – это «как»: неопределенное и зависимое от изломов времени. Так когда есть (а значит, и что есть) «культпоход»?

Когда авторы спектакля и его зрители рассказывают о своём видении, его создании и сцепленности с живой действительностью, способной раздражать и требовать, нервировать и делать больно; когда признают влияние этой реальности на постановку почти столетней повести; когда интересно балаболят о смыслах и т. д., тогда есть то, что названо «культпоходом» (интересный в ареале двуязычия рождается у события дополнительный смысл – правильный). И, возможно, он

Филипп ГАДЖИЛИ (Фил ТЫШКЕВИЧ). Социолог, философ, журналист, редактор. Родился в 1992 в Ташкенте. Учился на философском факультете Саратовского университета, сотрудничает с различными интернет-изданиями.

даже интереснее, чем его причина – постановка, которая от обсуждения становится гораздо умнее и прекраснее. Даже если ничего нового на этом культобрифинге и не услышишь. А что можно услышать? Всё то же: центр и периферию, агрессию и презрение, возможность сосуществования с иным и успешный или неуспешный опыт такого сосуществования самого «Ильхома» и нас с вами, сценарии развития будущего и пессимизм в это будущее смотрящего. Целое море смыслов, чьё дно – просто то, как сделано шоу о неудачливом псе, уже создающее смысл: необычный и непростой (неудобный), позволяющий без скуки целых два часа смотреть на метания Шарика пристально, до мелочного рассматривания нюансов, что и делает спектакль полноценно наполненным смыслом. Детали привлекают внимание и организуют мысль: биологично правдивое дыхание собаки Шарика, нефтяные люди, музыка и свет, образы, цитаты из Авесты и прямые из Оруэлла, превосходное жонглирование словами и много чего ещё!

Неправы создатели «Собачьего сердца», когда не советуют искать в нём правду повести. Надо искать. И не находить. При этом всё равно находясь в координатах, заданных повестью. Только в детальном сравнении высвечиваются различия на уровне фрагментов, создающие зазоры в нашем понимании, что и делает любое искусство многомерно интересным. Каждый такой фрагмент-зазор – мобильная составляющая смысла. Её легко включить в какой-то сюжет, находящийся вне спектакля. И такое включение может дать зрителю гораздо больше, чем поиск целого: единый интеллектуальный месседж-массив любой реально многогранной вещи слишком велик, чтобы у нас была возможность ухватить её саму, поэтому обычно мы, думая, что осознаём нечто, на самом деле понимаем то, насколько это нечто встраивается в наш опыт.

А о каком опыте повествует отличное от повести о Шарикове, но все же непоправимо собачье сердце Шарика из «Ильхома»? Да всё о том же, о чём и у Булгакова, но ильхомовский Шариков не умеет жить в мире и гармонии с собой, в мире, построенном на гарантиях, созданных соблюдением норм, чей источник – обещания. Мы верим нашему проект-менеджеру, когда он обещает нам, что завтра всё исправят, верим обещаниям на работе, верим словам любви любимой женщины. И обманываемся. И снова верим. Шариков из спектакля не соблюдает этих обманывающих норм. Да и зачем что-то соблюдать, если от этого нет никакой конкретной пользы? Так, желая упростить себе жизнь, он усложняет её другим. Нормы существуют всё-таки неспроста: они позволяют другим понять, чего от вас можно ожидать. Борментали-Преображенские не способны без этих норм-гарантий существовать. Ни секунды. Они не могут даже сопротивляться атакам Шарика на их нормы, минуя эти самые нормы, хотя и само нападение – тоже уже своего рода норма. И как всякая норма – обещающая. На этот раз словами и целой жизнью Швондера и Ко – разрушить все нормативы и соглашения и, как следствие, сделать все обещания сбывшимися, построив без усилий и реальной воли, зато с клопочущим желанием, рай на земле. Только Шариков-нападающий просто хочет жить, понятия не имея об обещаниях и разрушенных принципах, соглашениях, обязательствах. Ему плевать на чьи-то нормы, как и на чей-то рай. Шариков – по-собачьи ошущающее человеческое тело, чьи желания отвергают. Его, Шарика, не требующего ничего невероятного и духовного. Человекобака, которому не дано желать, из собачьего и вполне реального рая попадает в ад непризнанности и ненужности, где утрачивается смысл и ценность существования. Начинается

поиск образов: и вот уже Шарик модный рэпер, рок-звезда, философ, борец и нонконформист, а ещё – меткий и сексапильный стрелок.

Несоответствия с псом из повести! Тот вполне уверенно вписывается в поворот истории, является её передовой частью, а может, и маяком. И он ни с кем не борется, просто активничает под стать своему времени. Полиграф Полиграфович из повести – плохиш не потому, что собака, а потому, что Клим, то есть носитель гипофиза преступника. Шарикову Булгакова нравилась его старая новая жизнь, жизнь пса с портфелем. А новейшая, человеком, жизнь советского господина с портфелем понравилась ещё больше, потому что она ещё больше старая. Шарикэксперимент в повести нужен Преображенскому, чтобы самому не преобразиться, задержать старый мир: он работает над проблемой омоложения, т. е. удерживания и продления прошлого бывшего. Преображенский пытается ответить на вопрос: у Булгакова ошметки общества понемногу становятся людьми – что с этим теперь делать? И вопрос спектакля: что нам делать с этим «булгаковским» вопросом? Это пронизательное недоумение – сердце спектакля, пульсирующее кровью смыслов, связывающих его с другими значениями, непрерывно меняющимися свои очертания так же, как песчаная книга в рассказе Борхеса меняла своё содержание, ни разу не повторяясь. Чтобы всё это пространство смысла, инсценированное на ильхомовской сцене, неотделимой от действительности, осмыслить, необходимо проговорить своё впечатление о драме, услышать его. И дискуссия – лучшая возможность поиска и рождения настоящей, уместной мысли.

Строгая дискуссия «культпохода», где участвует два типа оппонентов – зрители и создатели драмы – позволяет нам слушать и даже слышать друг друга. Спасибо крохотному пространству театра и принципиально разным представлениям об искусстве, что в итоге создаёт дистанцию между оппонентами, обеспечивающую подступ к взаимопониманию. Похожего ни в поташкентски обособленном писании стихов-эссе-романов, ни в опусах графоманов в ФБ, ни в телеграмм-чатах – нет. Мы уже давно привыкли высказываться для того, чтобы высказаться. Для того, в основном, и читаем/лайкаем/комментируем (а где бы я мог предьявить своё мнение по вопросу, который толком не знаю?!) Всё, что ни есть в социальных сетях, остается, как правило, свободным от знания позиции другого.

На фоне экранов, бриллиантово сверкающих соцсетей, становятся выпукло наглядными преимущества старого – живого и строгого по форме – обсуждения. Когда участники замечают позицию другого, в диалоге с ней расширяют своё понимание, а уходят уже только с нашедшим форму и ясность индивидуальным впечатлением. Впечатлением, однажды возникшим и пока не нашедшим себе продолжения. Уже несколько месяцев о «культпоходе» ничего не слышно. Не отказались ли от своей интересной затеи драматурги-преображенские из-за банально-прагматичной ненужности проекта? Жаль, ведь так, возможно, наше шумное, тесное, бессмысленно приятное вдохновение в фойе подземного театра стало бы оправданней, полнее, богаче? Ведь дискутируя, мы не ищем единое, заведомо безвкусное понимание, но делаем громче эхо неакцентированной театральной мысли, создающей изменения. Изменения как элементарные допущения возможности иного. Иного, чем то, что сейчас, и чем то, что мы сами.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ШКОЛА В УЗБЕКИСТАНЕ

САОДАТ КАМИЛОВА

Переводческая деятельность в Узбекистане имеет богатую историю. Если учесть тот факт, что образованные люди на Востоке, в том числе и поэты, были, как правило, зулисонайнами, т. е. двуязычными, а многие и полиязычными, владеющими фарси как языком культуры и науки, а также другими языками, в том числе и местными, то первые опыты переводов художественных произведений на узбекский язык ученые относят ещё к XVIII веку, связывая их с творчеством Муниса Хорезми, Мухаммада Ризы Агахи. Хорезмская школа переводчиков дала первые образцы так называемого одноступенчатого перевода. Будучи билингвами, узбекские переводчики переводили тексты с языка оригинала. Главным правилом перевода являлось строгое следование формальным признакам оригинального текста с учетом его содержательной стороны. Как правило, это были произведения исторического или дидактического характера. С течением времени активизируется процесс художественных переводов как на узбекский язык, так и на другие языки мира. В рамках данной статьи мы рассмотрим развитие переводческой школы художественной литературы с русского на узбекский и с узбекского на русский языки.

В данном ракурсе проблемы целесообразнее разграничить два аспекта – переводы произведений русской литературы на узбекский язык и переводы узбекских художественных текстов на русский.

Что касается переводов произведений русской литературы на узбекский язык, то немаловажную роль сыграли джаиды, чей вклад в популяризацию русской классической литературы на родном языке бесспорен. Помимо этого, как утверждает профессор Н. Владимирова, «первые сведения о русской литературе и первые переводы произведений русской и мировой литературы можно обнаружить в номерах “Туркистон вилоятининг газети” (“Туркестанские ведомости”) еще за 1883 год». На ее страницах появляются краткие сообщения о писателях и поэтах в связи с какими-либо датами, относящимися к их творчеству и жизни. Такие сообщения составляли один из разделов газеты и печатались под заголовком «Хартурлик хабарлар» («Различные новости»). Фактически переводы русской классической литературы начались с произведений Пушкина и Крылова. В связи с юбилеем А. С. Пушкина «Туркистон вилоятининг газети» напечатала большую статью о жизни и творчестве поэта и предложила вниманию своих читателей переводы «Сказки о рыбаке и рыбке», отрывка из «Бахчисарайского фонтана», стихотворений «Поэт», «Поэту». Сказка была напечатана и в прозаическом, и в стихотворном переводе. Остальные же

Саодат КАМИЛОВА. Доктор филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы факультета зарубежной филологии НУУз, литературовед, переводчик. Автор научных статей, нескольких учебных пособий.

произведения переведены прозой. Два стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...») и «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной») напечатаны одно за другим без указания на то, что это различные стихотворения. Имя переводчика нигде не указано. Следует отметить, что перевод сказки напоминает больше стилизацию. Что касается басен Крылова, то первые переводы басен появились еще в 1875 году. Это были вольные прозаические переводы. В газете «Туркистон вилоятининг газети» были опубликованы басни Крылова в прозе и стихах: «Мартышка и очки», «Ворона и лисица», «Слон и Моська», «Лев на ловле» и др.

В переводе и популяризации произведений мировой классики принимала участие и передовая интеллигенция того времени: Фитрат, Саттархон, Ибрат, Мулла Абдулла. Саттархон с 1883 по 1890 г. был официальным переводчиком «Туркистон вилоятининг газети» и за этот период перевел стихи Фета, рассказы Льва Толстого¹. Официальным переводчиком и литсотрудником этой газеты был также Мулло Олим (с 1890 по 1917 год), переводивший пушкинские стихи и сказки. Али Аскар ибн Байрам али Калинин и Серикбай Акаев переводили произведения Пушкина и Льва Толстого. Они были составителями хрестоматий и сборников, включающих их переводы. Об авторстве переводов упоминается в предисловиях к хрестоматиям. Так, в переводе Серикбая Акаева в хрестоматию были включены произведения Л. Толстого «Царь и рубашка», «Садовник», «Отец и его дети», а Абдулла Авлони включил в сборник «Миллий шеърлар» («Национальные стихотворения») свои переводы басен Крылова. Следует отметить, что первым переводом Л. Толстого был рассказ «Чем люди живы», напечатанный на страницах «Туркистон вилоятининг газети».

Таким образом, «Туркистон вилоятининг газети» явилась одним из основных источников знакомства узбекских читателей с произведениями русской литературы.

С появлением типографий и литографий в Туркестане работа над переводами оживилась. Широко публикуются художественные переводы в газетах и журналах. Так, в журнале «Маориф ва уқитувчи» был опубликован небольшой отрывок из произведения Гоголя «Украинская ночь». Появляются имена новых переводчиков, таких как А. Аюб, Остон Хошимов, С. Сиддик, Саидгани Валиев.

20-е–30-е годы XX века можно назвать «десятилетием перевода». Художественным переводом активно занимаются А. Кадыри, Чулпан, Г. Гулям, Х. Алимджан, Сайид Азимов и другие. Активно переводились А. П. Чехов, Н. В. Гоголь и И. С. Тургенев. Писатели-переводчики в процессе перевода русских произведений учились не только мастерству создания образа, но и адекватной реализации смысловой конструкции оригинала. К 1920-м годам относится и перевод стихотворения А. Блока «Человек и птица», выполненный Чулпаном. Это первый опыт перевода поэзии Блока. В этот период активно переводится поэзия Пушкина, Лермонтова, Маяковского, «Песня о Соколе» М. Горького и др. Интересно и то, что в это же время появляются оригинальные произведения с пометами «сюжет из русского произведения», «Сюжет из “Крокодила”», «Подражание Чехову», а также отзывы о переводах как первые попытки исследовать и оценить художественный перевод.

По свидетельству некоторых исследователей переводческого процесса 20–30-х годов XX века, в тот период наиболее частыми были ошибки в понимании и толковании смысла оригинала. Это происходило из-за недостаточности опыта и мастерства. Часто наблюдались упрощение смысла, калька или неверный выбор художественных средств. Нередко переводчики пропускали целые куски текста, были невнимательны к национальным приметам и диалектизмам. Перевод как бы приспосабливался к восприятию читателя. Наблюдается тенденция упрощения текста в переводе. Следует отметить, что сами переводчики трезво оценивали свои возможности, и поэтому

¹ Здесь и далее информация о переводчиках взята из книги Владимировой Н. В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. – Т.: Фан, 2011.

обычно переводчик именовался как «ўзбеклаштирувчи, татойик қилувчи, таблил қилувчи, ўзгартирувчи», т. е. пересказчик, толкователь на узбекском, интерпретатор и только в очень редких случаях «таржимон» – собственно «переводчик».

С 30-х по 80-е годы XX века школа перевода русских произведений на узбекский язык стала предметом национальной гордости. Чулпан, Усман Насыр, Айбек, Абдулла Каххар, Шейхзаде, Миртемир, Х. Алимджан, Г. Гулям – вот неполный перечень мастеров поэтических и прозаических переводов. За этот период было переведено большинство произведений русской и мировой классики. Наблюдается глубокое проникновение в оригинал, точность передачи не только мысли, содержания, своеобразия выразительных средств, но и всего того, что называется глубиной постижения переводимого текста. В этот период окончательно сформировалась научная школа переводоведения, которая, основываясь на глубоких и серьезных исследованиях таких ученых-филологов, как Н. Владимирова, Ж. Шарипов, М. Расули, Г. Саломов, Ю. Пулатов, Ж. Буранов, К. Мусавев, Г. Гафурова, Н. Комилов и др., создавала замечательные переводы.

В период независимости в силу ряда обстоятельств интерес к русской литературе несколько угас, активнее стали переводиться произведения западноевропейской литературы и центрально-азиатского региона. На страницах журнала «Жахон адабиёти» опубликованы переводы драм Шекспира, Теодора Драйзера, Джеймса Джойса, Джейн Остин, Орхана Памука, Мо Яна и других. Конечно, нельзя говорить, что работа над переводами русской литературы прекратилась, были переведены «Подражание Корану» Пушкина, «Бесы» Достоевского, «Пожар» В. Распутина и другие произведения, ставшие классикой. На наш взгляд, назрела необходимость перевода произведений современных русских авторов, которые, к сожалению, практически не переводятся.

Что касается переводов узбекской литературы на русский язык, то следует отметить, что XX век в этом плане был весьма плодотворным. Если в конце XIX века в основном переводились исторические и этнографические труды, то к 20–30-м годам XX века писательские бригады из России, организованные М. Горьким, стали активно изучать и переводить узбекскую литературу. Узбекские писатели, поэты и филологи активно включились в данный процесс. Они готовили подстрочники, разъясняли специфику узбекских художественных произведений, подбирали тексты. Для этого периода характерна так называемая двухступенчатая форма перевода, т. е. сначала носителями узбекского языка делался построчник, затем русские поэты и писатели делали окончательный художественный перевод узбекского произведения. Так, Николай Ивашев перевел ряд стихов и пьес Хамзы, роман Айбека «Священная кровь», повесть Г. Гуляма «Озорник», пьесу К. Яшена «Хамза»; Л. Бать и В. Смирнова перевели роман А. Кадыри «Минувшие дни». Сергей Николаевич Иванов – автор большинства переводов узбекской классической поэзии. «Переводческая деятельность С. Н. Иванова, как считают специалисты, не имела и не имеет себе равных ни в мировой тюркологии, ни в русской науке и культуре. Главной задачей поэта-переводчика С. Н. Иванов считал воспроизведение средствами русского языка духа, формы и содержания восточной классической и новой поэзии – сложных образов и технических приемов, сравнений и игры слов»¹. Русские поэты и писатели Н. Тихонов, С. Маршак, В. Луговской, И. Ушаков, Л. Пеньковский, С. Липкин, К. Симонов, С. Сомова и другие являются авторами переводов большинства произведений узбекской литературы 30–80-х годов XX века.

Лицо узбекской литературы II половины XX века на русском языке представили Н. Владимирова и З. Туманова. Их переводческое подвижничество позволило

¹ Шарипов Ж. Художественный перевод и переводчики-мастера. – Т., 1972. – С. 178.

познакомиться русскоязычному читателю с узбекскими писателями. Так, профессором Владимировой Н. В. переведены две антологии узбекского рассказа «Гранат» и «Тысяча и одна жизнь», исследовано мастерство переводчиков Чулпана, Каххара и др.

В конце XX – начале XXI века в Узбекистане ситуация с переводами коренным образом изменилась. Переводы узбекской литературы на русский язык практически исчезли с прилавков книжных магазинов, институт редатуры прекратил существование. Именно на энтузиазме отдельных переводчиков, таких как Н. Ильин, З. Касымова, С. Афлатуни, В. Муратханов, Ф. Низамов, Р. Азимова и др., держится художественный перевод сегодня. На сегодняшний день благодаря усилиям этих переводчиков русскоязычный читатель может познакомиться с творчеством Тогай Мурода, Назара Эшонкула, Хуршида Дустмухаммада, Улугбека Хамдама, Абдукаюма Юлдашева, Исажона Султана, Саломат Вафо, Бегойим. Журнал «Звезда Востока» – единственный печатный орган в республике, который пытался и пытается хоть как-то выправить ситуацию. Именно на страницах этого русскоязычного издания сегодня публикуются переводы на русский язык современных узбекских писателей и поэтов, а также статьи по теории перевода. Редакция журнала всячески поддерживает первые опыты начинающих переводчиков, однако усилий одного журнала недостаточно. Необходимо возрождение и поддержка профессии переводчика, поддержка государства в решении вопроса о профессиональной подготовке переводчиков художественной литературы. Сейчас, к сожалению, ни в одном высшем учебном заведении нашей страны не готовят профессиональных переводчиков художественной литературы хотя бы на уровне магистерских программ. Только комплекс серьезных мер позволит реанимировать переводческую школу Узбекистана.

Весьма убедительным представляется мнение проф. М. Холбекова: «Международная федерация переводчиков установила за твёрдое правило, что перевод должен осуществляться только носителем языка, т. е. на английский должен переводить англичанин, на французский – француз, на японский – японец, на русский – русский. На Западе такая практика является очень широко распространенной. Если узбекский переводчик, каким бы он маститым ни был, изъявил бы желание выйти на международный рынок и заявил бы о том, что осуществляет переводы на иностранный язык, за границей его, мягко говоря, не поняли бы. В нашей стране ситуация развивается несколько иначе. Никто, конечно же, не будет спорить, что носитель языка, несомненно, лучше чувствует все тонкости, языковые нюансы и эмоциональные оттенки родного языка, но, к сожалению, реалии современной жизни таковы, что в Узбекистане нет достаточного количества переводчиков-носителей того или иного иностранного языка. Если же обращаться за переводом к переводчикам, проживающим за границей, то это займёт много времени и окажется затратным в финансовом отношении. Оптимальным вариантом для многих будет перевод узбекским переводчиком и последующее редактирование текста носителем языка. В этом узбекско-русском сотрудничестве переводчиков узбекский переводчик будет отвечать за точность перевода, иностранный – за адаптацию художественного перевода, за соответствие стилистической и эмоциональной окраски. Естественно, носитель языка исправит и возможные грамматические, пунктуационные и другого рода ошибки, которые могут быть допущены узбекским переводчиком»¹.

Возможен и другой путь – перевод осуществляется билингом, который, зная свой родной язык в совершенстве, владеет и русским, и ему под силу сделать адекватный перевод художественного произведения. Примером вышесказанного могут служить вышеназванные переводчики-билингвы, представляющие узбекскую литературу на русском языке сегодня.

¹ Холбеков М. Перевод как форма взаимосвязей. Сборник научных трудов. – Т., 2009. – С. 45.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПОНЯТИЙ В «ИСТОРИИ ОДНОЙ КОМПАНИИ»

Хилола ЮНУСОВА

В повести Марины Бегловой «История одной компании» описано то, что может произойти всюду и с каждым. Однако история, рассказанная одним из героев, не только повод для рассуждений, но и требует интерпретации. Придерживаясь взглядов А. В. Михайлова в статье «О некоторых проблемах современной теории литературы», опубликованной в газете «Известия», который справедливо отмечал, что «в интерпретациях неизменно присутствует и непонимание <...> гуманитарною, пусть он оснащен знаниями и научным методом, следует осознавать ограниченность своих возможностей». Повесть М. Бегловой вызывает неподдельный интерес, не только вовлекая читателя в воспоминания, знакомые до боли дворы, улицы, кафе, парки, возвращая в детство описанием гонок на велосипедах, уроков физкультуры и игры в лянгу, классики, резиночки, куликашки, но и своим художественным своеобразием.

История, представленная в повести, рассказчиком позиционируется как обыденная, однако строится из множества жизненных хитросплетений, происходящих на фоне недосказанности и непонимания между персонажами. Материал подается ненавязчиво, без всяких претензий на морализаторство, хотя поднимаются в повести важнейшие морально-нравственные вопросы, рассматриваются значимые нравственные категории. В произведении художественно трактуются такие понятия, как дружба, добро, благодарность, любовь, отцовство и материнство, долг, гордость, месть, трусость, ложь и лицемерие, и все это представляет безусловный интерес для исследования.

Одним из важных сюжетобразующих элементов в повести является обман. Герой сообщает, что «все началось с дружбы», для нас же очевидно, что все началось с обмана.

Несмотря на установку автора о том, что не стоит ждать в этой повести завязки, кульминации и развязки, в идейном плане история «завязывается» с того момента, когда Эля сообщает Леониду, что ждет ребенка. Отец ребенка не уточняется, но Леонид, абсолютно непричастный к произошедшему, подозревает однокурсника Рафика, с которым видел Элю много раз. Будучи молодым

Хилола ЮНУСОВА. Родилась в Ташкенте в 1977 г. Окончила ТГПУ им. Низами, магистратуру по специальности «Русский язык и литература». Преподаватель кафедры русской литературы и методики ее преподавания в ТГПУ им. Низами. Занимается проблемами современной русскоязычной литературы в Узбекистане.

и горячим, Леонид берет на себя ответственность за несуществующего ребенка любимой девушки. Автор умело использует прием умолчания, и читатель до последней страницы не знает, что обманут вместе с Леонидом. Обман этот совершенно бессмысленный, не имеет под собой оснований, но на протяжении всей повести влияет на ход событий. В конце повести объяснения Эльвиры по поводу причин обмана звучат неубедительно, она пытается оправдаться, ссылаясь на обстоятельства, на собственную глупость, обусловленную молодостью, странностью Леонида и называет его болезненно самолюбивым тихушником.

Эльвира Литвина – центральная фигура всей истории. Однако, с художественной точки зрения, этот образ далеко не целостный. Солгав однажды и не раскрывая лжи до определенного момента, в других ситуациях героиня достаточно решительна, честна и откровенна, хотя она непостоянна, способна в любой момент круто поменять свой жизненный уклад, сделать решающий выбор, не считаясь с чувствами и желаниями других. Ее может захватить материнское чувство, и в то же время она способна отдаться новым отношениям, бросив детей. Образ Эльвиры словно отражение в разбитом зеркале: как ни складывай осколки, каждый из них отражает отдельный фрагмент предмета. С юных лет она выделяется среди девчонок: учится лучше всех в классе, ей дозволено здороваться с ребятами за руку, обладает незаурядной внешностью (высокий рост, развитая грудь, балетная походка), высоченные платформы, футболка с битлами на груди делают ее непохожей на других. Эта девочка легко вливается в компанию друзей. «Нас было четверо, – сообщает рассказчик, – наша дружба казалась незыблемой»¹.

В повести очень интересно интерпретируется тема дружбы: «Ведь друг за друга отдаст, не раздумывая, все, кроме чести, разумеется». Эта фраза, сказанная Леонидом, согласно правилам пунктуации имеет множество запятых, однако условно она делится на две части: «отдаст, не раздумывая, все» и «кроме чести, разумеется». Так, первая ее часть навеяна воспоминаниями о детстве, когда друзьям действительно нечего было делить, могли отдать все искренне и безвозмездно. Вторая часть сформулирована в других обстоятельствах – когда твоя честь попорана, семья разбита, любимая жена ушла к другу. В этой фразе ошутима смена ценностных ориентаций героя: давно угасла вера в незыблемость дружбы, на переднем плане честь и достоинство.

Таким образом, Эльвира становится причиной разрушения дружеских отношений героев, на разных этапах жизни вступая в брак с каждым из друзей. Образ героини по-новому представляется в разных эпизодах: во время телефонных разговоров, в сообщениях о ней других персонажей, в фотографиях.

Структура повествования обуславливает двоякое читательское восприятие. Чувствуется «женская» позиция автора, женский взгляд, который не упустит даже самую мелкую деталь, создающую образ возвышенной, пленительной и желанной женщины. Например, когда Леонид видит фотографию Эльвиры, он признается, что она «по-прежнему мучительно хороша, даже, пожалуй, стала еще красивее», далее автор отмечает здоровый румянец, хороший вкус и жизнерадостную улыбку героини, что призвано поэтизировать ее в глазах читателя, однако упрощенный стиль комментирования облика Эльвиры (рукавички лохматые, сапожки сыскались, растянутый в улыбке рот) несколько приземляет ее образ, накладывается

¹ Здесь и далее текст цитируется по: Беглова М. «История одной компании» // Звезда Востока. Ташкент – 2013. № 3.

иронический оттенок обиды оскорблённого мужчины на восторженное отношение автора: «...я, как человек разумный, усвоил урок на всю жизнь: творя добро, не жди в ответ добра, а если все же ждешь, то лучше не твори. Разочаруешься», – заключает герой. Такая трактовка звучит весьма убедительно.

Обман Эльвиры влечет за собой непоправимые последствия. Ведь из-за этой «уловки» (она именно так называет свой поступок) героя не покидает ощущение непричастности к рождению сына. Ребенок раздражает Леонида. Прозвав младенца «рафиковымотродьем», в течение всей жизни он ищет в сыне сходство с ненавистным Рафиком, но не находит в разных жизненных обстоятельствах. Леонид смотрит на Артёма оценивающим и придирчивым взглядом. Внешние черты и душевное состояние сына отец позиционирует как недостатки: «вид зачуханный», «стоит ссутулившись», «курточка неприглядная», «брюки коротковаты», «глаза невеселые и озабоченные», «смотрит неприветливо». Несмотря на то что, описывая Алика, старшего сына Паши Балясникова, Леонид тоже использует не самые лестные эпитеты (дылда, губастый, шекастый, русые патлы, глаза навывкате), он признает, что Алик выглядит куда выигрышней, чем его Тёмка: «Он чинно стоял навтыжку, а его жизнерадостный, в блестях от подтаявших снежинок лик сиял, как наст на ледяной горке».

Особая атмосфера недосказанности в эпизоде, когда Леонид приходит к сыну в тюрьму, создает впечатление, что встреча с сыном проникнута жалостью и чувством вины. Сын держится отчужденно, разговор не клеится, все тот же придирчивый взгляд отца снова выискивает недостатки, не отмечая не единой положительной детали: «Лицо бледное, ни кровинки, с желтушным оттенком. Костистые, туго обтянутые кожей скулы. <...> Недоверчивый взгляд круглых, с синевой у переносицы глаз. <...> Ладонка у него была маленькая, холодная на ощупь и неожиданно твердая, в мозолях и красных рубцах, а пальцы – с начисто, под самое мясо, обкусанными ногтями». Леонид совсем не знает этого мальчика, то, что Артём заметно картавит, становится для него новостью. Эта встреча в определенной степени стала решающей, в очередной раз Леонид констатирует: «Это был уже не мой Тёмка».

На наш взгляд, очень удачно автор строит логику повествования. Рассказ ведется от имени одного из главных героев – Леонида Зимины. Сюжет истории замкнут – это круг четверых друзей: Паши Балясникова, Кости Сигала, Эльвиры Литвиной и Леонида Зимины. Все четверо имеют самое непосредственное отношение к произошедшему, а это значит, что история могла быть рассказана любым из них. Потенциально версии каждого из участников истории интересны по-своему, они открыли бы другие грани толкования одних и тех же проблем, которые слились бы в причинно-следственном повествовании, если бы оно велось от третьего лица. Такой ракурс освещения дал бы возможность понимания событий как «совокупности непохожих <...> отношений к реальности, качественно различных кругозоров и ценностных ориентаций»¹. Но автор повести реализует одну из художественных задач: в произведении представлена лишь версия Леонида, следовательно, читатель воспринимает события сквозь призму понимания их именно этим героем.

В ироническом тоне, в котором герой представляет себя, чувствуется несколько предвзятое отношение автора к этому персонажу. Его «облик повествователя обнаруживается не в действиях и не в прямых излияниях

¹ Манн Ю. В. Об эволюции повествовательных форм // Известия / Отд. литературы и языка. 1992. № 2. С. 58.

души, а в своеобразном повествовательном монологе»¹. Когда Леонид рассказывает о своей семье, стиль повествования становится небрежным. Эти особенности несколько «снижают» образ, свидетельствуют о внутренней неудовлетворенности Леонида, даже смятении. С женой Светланой Леонид не живет, а «существует душа в душу», в семье «значатся» дочь и теща, «золотистый ретривер Арчибальд – тоже как бы член семьи». Манера, в которой герой описывает своих близких, создает портрет такой шаблонной традиционной семьи, где даже пёс – питомец – является частью неотъемлемой атрибутики. Самооценка героя заметно усреднена, даже причины пребывания в Москве стандартны (покинул родину не от хорошей жизни, работает в строительной индустрии), завел семью, потому что разум подсказал, что так надо.

Но в то же время мы узнаем, что были в жизни героя искания, метания, сомнения. Сегодняшние сложившиеся обстоятельства не соответствуют духовному мироощущению героя. Он перерастает обыденность, понимает, что к пятидесяти годам ничего в жизни не сделано... Осознание собственной значимости переходит в философскую плоскость.

Интересна композиция произведения. Формально кольцевая композиция, как правило, соединяет начало и конец событий. Но в идейно-содержательном плане у каждого писателя этот прием выполняет конкретную художественную функцию. Так, на момент знакомства с Леонидом читатель не знает, что его душевное смятение обусловлено неожиданным телефонным разговором с Элей. Много лет назад таким же решительным тоном по телефону Эльвира просит Леонида отказаться от сына в пользу Паши Балясникова, ее нового мужа. Уверенный в том, что Артем ему не родной, Леонид уступает, хотя дается ему это нелегко. Кульминация истории находит свое воплощение в последнем телефонном разговоре, в ходе которого выясняется, что Леонид – биологический отец Артема. Новость, обрушившаяся неожиданно, отягощена тем обстоятельством, что Артему нужна донорская почка, и Эльвира снова за всех все решила. Ее заискивающий голос объясняется страхом получить отказ.

Таким образом, выясняется, что герой должен осознать свою значимость и сделать самый важный в своей жизни выбор. В начале повести Леонид сообщает: «...биография моя не представляет собой ничего интересного. Обычные вехи жизненного пути. Как у всех». Теперь же есть возможность наполнить жизнь необходимым содержанием. Если спасение жизни другого человека ценной собственным здоровьем оценивается как подвиг, то спасти жизнь родного сына – это долг. Но это общепринятая точка зрения. Кстати, понятие «точка зрения» тщательно обосновано Б. А. Успенским, который утверждает, что проблема «точки зрения» является «центральной проблемой композиции», что этот феномен составляет «глубинную композиционную структуру» «и может быть противопоставлен внешним композиционным приемам»². События в повести подаются с точки зрения Леонида Зимина, подвергаются именно его морально-нравственной оценке. Повесть заканчивается словами: «Ты мне нужен, Леня. У меня больше никого нет, кроме тебя...» Становится очевидным, что впереди героя ждут новые испытания, открывается перспектива самореализации. Однако решение, которое он примет теперь, остается неясным.

¹ Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: 1999. С. 198.

² Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционных форм. М., 1970. С. 5, 16.